Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 76. 20-го октября 1904 г. Годъ IV.

International Book Store
A. Wasserman,
29 Clinton St. New York

„ПРОТИВЪ ВОЙНЫ“.

Жорэсъ выступилъ „противъ войны“[1]. Онъ апеллируетъ къ „совѣсти цивилизованнаго человѣчества“; онъ требуетъ, чтобы оно „умоляло оба воюющихъ народа прекратить ужасное зрѣлище безполезной и не прекращающейся бойни“; онъ выражаетъ надежду, что этотъ „единодушный, умоляющій призывъ всего человѣчества будетъ услышанъ воюющими сторонами“. „Возможно, и даже необходимо“, говоритъ онъ, „дѣйствовать въ духѣ мира, создать, такъ сказать, нравственную необходимость мира путемъ грандіозной и непрерывной международной манифестаціи гуманности, мудрости, жалости“. И онъ кончаетъ свою статью: „Международный соціализмъ можетъ повсюду содѣйствовать этому необходимому пробужденію, этому необходимому торжеству гуманности и мира. Если повсюду парламенты выразятъ свои сожалѣнія по поводу этой бойни, если они выразятъ пожеланіе, чтобы правительства и народы, не заинтересованные непосредственно въ столкновеніи, вошли между собою въ соглашеніе и дружески посовѣтовали обѣимъ великимъ націямъ заключить миръ, быть можетъ, тогда дипломатія легче найдетъ случай для посредничества и вмѣшательства (intervention). Повторный и настойчивый призывъ къ миру со стороны парламентовъ стараго и новаго свѣта, призывъ, не сопровождаемый попытками оказать прямое или косвенное давленіе, несомнѣнно найдетъ откликъ во всемъ мыслящемъ человѣчествѣ и, наконецъ, отразится и на самомъ ходѣ событій“.

Таковъ „жестъ“, сдѣланный Жорэсомъ „противъ войны“ и въ пользу мира. Незачѣмъ, конечно, тратить много словъ, чтобы доказать, что „международный соціализмъ“ никоимъ образомъ не можетъ и не долженъ встать на путь, рекомендуемый ему краснорѣчивымъ трибуномъ республиканскаго „блока“.

Не на буржуазные парламенты, не на буржуазную „цивилизацію“ можно возлагать „миролюбивыя“ надежды. Буржуазная цивилизація! Какъ будто не она положила начало такимъ кровопролитнымъ побоищамъ, какихъ не зналъ до нея міръ; какъ будто не она отдала на служеніе Молоху милитаризма всѣ чудеса науки, техники, искусства; какъ будто не она создала тотъ „вооруженный миръ“, подъ бременемъ котораго стонутъ народы! Буржуазные парламенты! Какъ будто не англійскій парламентъ одобрилъ войну съ бурами; какъ будто безъ согласія американскаго парламента лилась кровь на Кубѣ и Филиппинахъ; какъ будто не „парламенты стараго и новаго свѣта“ ежегодно ассигнуютъ милліарды на армію и флотъ; какъ будто не они одобрили ту „международную“ экспедицію въ Китай, которая послужила прологомъ теперешней войны; и, наконецъ, какъ будто не парламентскій союзъ съ „цивилизованными“ и „гуманными“ либеральными друзьями заставлялъ жорэсистовъ голосовать за военный бюджетъ во французской палатѣ!

Можно и должно ненавидѣть войну. У войны нѣтъ болѣе ожесточеннаго и послѣдовательнаго противника, чѣмъ революціонный рабочій классъ, и русскій сознательный пролетаріатъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Но мало ненавидѣть войну; надо понять ее. Надо понять неизбѣжную связь войны со всѣмъ современнымъ общественно-экономическимъ строемъ; надо понять, что лишь съ крушеніемъ капиталистическаго общества исчезнетъ навсегда необходимость кровавыхъ столкновеній; надо понять, что лишь могильщикъ этого общества — пролетаріатъ является дѣйствительнымъ носителемъ идеи мира, что только его революціонная борьба подрѣзываетъ въ корнѣ всякую возможность дикихъ побоищъ. И только понявъ это, можно успѣшно вести борьбу „противъ войны“.

Но для Жорэса и его друзей всѣхъ этихъ соображеній, конечно, не существуетъ, и съ своей точки зрѣнія они вполнѣ послѣдовательны. Кто не понимаетъ революціонной роли классовой борьбы пролетаріата во „внутренней“ политикѣ, для того книгою за семью печатями останется эта роль и въ политикѣ „внѣшней“. Кто великую борьбу труда и капитала думаетъ рѣшить посредствомъ „анонимнаго“ участія въ буржуазномъ правительствѣ, тотъ съ такимъ же правомъ видитъ въ „сотрудничествѣ“ съ парламентаріями другихъ странъ средство положить конецъ кровопролитной войнѣ. Кто возлагаетъ свои „соціалистическія“ надежды на „добрую волю“ и „гуманность“ французской буржуазіи, тотъ, естественно, ищетъ опоры своему „миролюбію“ въ „жалости“ и сентиментальныхъ вздохахъ буржуазіи всемірной.

Если бы вся эта жалкая декламація исходила изъ среды тѣхъ старыхъ дѣвъ буржуазнаго либерализма, которыя обычно слезливыми причитаніями „привѣтствуютъ“ Гаагскія конференціи, основываютъ Лиги мира и т. п., мы могли бы спокойно пройти мимо нея. Но въ данномъ случаѣ кампанія начата подъ флагомъ „соціализма“ и грозитъ, кромѣ того, серьезною опасностью тому самому дѣлу мира, во имя котораго она предпринята. Вотъ почему мы не можемъ оставить „проектъ“ Жорэса безъ вниманія.

Какъ ни похвальны добрыя чувства, внушаемыя Жорэсомъ читателямъ, и какъ бы безвредна ни казалась сама по себѣ его проповѣдь, она — поскольку ведется отъ имени „соціализма“ — совершенно извращаетъ дѣйствительную связь общественныхъ явленій и тѣмъ самымъ затрудняетъ пролетаріату пониманіе тѣхъ методовъ и средствъ, которые могутъ на дѣлѣ увѣнчать успѣхомъ его борьбу противъ милитаризма. Скажетъ ли Жорэсъ, что пролетаріатъ уже имѣетъ силу заставить правительства служить дѣлу „всеобщаго мира“? Скажетъ ли онъ, что канцлеръ германской имперіи будетъ вести все дѣло „дружескаго вмѣшательства“ подъ непрерывнымъ контролемъ и по указаніямъ нѣмецкой соціальдемократіи? Нѣтъ, кто хочетъ теперь вести войну противъ войны, тотъ не на парламенты, не на правительство, не на дипломатію долженъ разсчитывать. Тотъ долженъ вести неустанную революціонную борьбу съ самимъ буржуазнымъ обществомъ, тотъ долженъ подкапывать устои, на которыхъ зиждется зданіе военщины. Хотите вести борьбу противъ войны во Франціи? Отказывайте правительству въ военныхъ кредитахъ, требуйте расторженія позорнаго союза республики съ россійскимъ самодержавіемъ, добивайтесь прекращенія тѣхъ услугъ, которыя „нейтральная“ Франція оказываетъ царизму, ведите неустанную агитацію противъ всего капиталистическаго строя, разорвите свой союзъ съ буржуазными республиканцами, изобличайте на каждомъ шагу ихъ лицемѣріе, ихъ буржуазную ограниченность, ихъ предательство интересовъ народа во имя биржевыхъ спекуляцій, словомъ, будьте революціонными соціальдемократами у себя дома и поддерживайте революціонное соціальдемократическое движеніе пролетаріата во всемъ мірѣ! И тогда, можетъ быть, не столь „малымъ“ покажется вамъ значеніе революціонной борьбы рабочаго класса въ странахъ, не имѣющихъ парламента, какъ это показалось тов. Анзееле на Амстердамскомъ конгрессѣ, и не столь великимъ значеніе буржуазныхъ парламентовъ „стараго и новаго свѣта“, какъ это кажется Жорэсу. Тогда вы увидите, что единственной дѣйствительной силой, требующей и могущей добиться мира, и въ Россіи является революціонный пролетаріатъ.

Да, оппортунизмъ имѣетъ свою логику. Но эта логика не можетъ быть логикой „международнаго соціализма“. Вѣрный своимъ революціоннымъ традиціямъ, международный соціализмъ только революціоннымъ путемъ можетъ содѣйствовать наступленію мира. Русская революція — вотъ единственный путь, который можетъ положить скорый конецъ бойнѣ на Дальнемъ Востокѣ. Мы никакъ не можемъ согласиться съ Жорэсомъ, будто эта бойня не вызвана „никакой исторической необходимостью“, и будто достаточно было „немножко мудрости и умѣренности“, чтобы предотвратить ее. Нѣтъ, она вызвана „исторической необходимостью“, но имя этой „необходимости“ — русское самодержавіе, и чѣмъ рѣзче и основательнѣе будетъ его крушеніе, тѣмъ быстрѣе и несомнѣннѣе покончится война. И вотъ почему, кто противъ войны, тотъ за русскую революцію, а кто за русскую революцію, тотъ за революціонное соціальдемократическое движеніе русскаго пролетаріата, ибо внѣ этого движенія могутъ быть кое какія реформы, можетъ быть даже кое-какая конституція, но не можетъ быть революціи, которая одна только навѣрное и цѣликомъ будетъ „противъ войны“, ведущейся во имя интересовъ династіи Романовыхъ.

И тѣмъ вреднѣе затѣя Жорэса, что, въ случаѣ успѣха, она не можетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, кончиться ничѣмъ инымъ кромѣ манифестаціи въ пользу россійскаго самодержавія. Какъ ни разыгриваетъ изъ себя царское правительство „гордаго испанскаго дворянина“ каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о „дружественномъ посредничествѣ“, но нѣтъ сомнѣнія, что посредничество „правительствъ“ и „дипломатіи“ для прекращенія войны для него неизмѣримо пріятнѣе того „посредничества“, которое готовитъ ему русская революція. И это тѣмъ болѣе, что „дружественную“ Францію, прежде всего, имѣетъ Жорэсъ шансы подвинуть на желательный ему путь, и что противъ Японіи съ ея „чрезмѣрными“ требованіями естественно должно будетъ обратиться вмѣшательство державъ. Царское правительство, конечно, скорѣе, чѣмъ Японія, согласится на возстановленіе того status quo, которое было до войны, и, пожалуй даже, съ нѣкоторыми урѣзками; ибо въ этотъ status будетъ входить все то, что оно успѣло хищнически захватить у Китая. Но если Жорэсъ напоминаетъ, что вмѣшательство Франціи, Германіи и Россіи „въ пользу“ Китая и противъ Японіи въ 1895 году положило начало тому конфликту, который теперь кровью разрѣшается на Дальнемъ Востокѣ, то гдѣ ручательство, что новое вмѣшательство противъ Японіи въ пользу россійскаго царизма не послужитъ толчкомъ къ той международной войнѣ, которая зальетъ кровью не одни Манджурскія поля, но и весь міръ? А что отъ „дружескаго“ совѣта до вооруженнаго вмѣшательства рукой подать, въ этомъ, при современной комбинаціи интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пусть только „правительства“ получатъ полномочія на „посредничество“ отъ парламентовъ, да еще съ участіемъ соціалистовъ, они уже сумѣютъ распорядиться ими, не спрашивая дальше „гуманныхъ“ совѣтовъ Жорэса. И кто знаетъ: быть можетъ, въ интересахъ „цивилизаціи“, найдутся „соціалисты“, которые и нужные для „успѣха посредничества“ кредиты ассигнуютъ...

Нѣтъ, по этому пути „международный соціализмъ“ пойти не можетъ, не можетъ именно потому, что онъ „противъ войны“. И какъ ни печально для „чести человѣческаго рода, населяющаго нашу планету“, что нельзя разсчитывать на гуманность „цивилизованнаго человѣчества“, соціализмъ можетъ утѣшиться, возложивъ свои надежды на революціонность сознательнаго пролетаріата. И эта надежда не обманетъ.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА.

Пролетарское движеніе въ Россіи стоитъ наканунѣ крупныхъ историческихъ событій, которыя предъявятъ громадныя требованія къ его политической зрѣлости и сознательности. Близится моментъ, когда пролетаріату придется выступить, какъ политической силѣ, передъ лицомъ всей Россіи, пробуждающейся отъ вѣкового сна, когда отъ позиціи, занятой пролетаріатомъ въ волнующихъ всю страну вопросахъ, будетъ немало зависѣть направленіе, въ которомъ будутъ рѣшаться эти вопросы; когда, въ силу этого, русскій пролетаріатъ станетъ для всѣхъ интереснымъ, всѣмъ „дорогимъ“... какъ „дорогъ“ всякій предметъ тому, кто хочетъ его сдѣлать „своимъ“. Ибо рѣчь будетъ идти о томъ, чтобы сдѣлать русскій пролетаріатъ „своимъ“ для тѣхъ, кто вчера еще болѣе или менѣе игнорировалъ его существованіе, какъ фактора политической жизни. Ибо рѣчь будетъ идти о томъ, чтобы сдѣлать пролетаріатъ *чужимъ* дѣлу его собственной *классовой борьбы*.

Было бы нелѣпымъ сектантствомъ „бояться“ такого перехода изъ блаженной обстановки политическаго подполья въ полный соблазновъ міръ открытой политической жизни. Трусливымъ филистерствомъ было бы закрывать глаза на то, что этотъ переходъ совершается, можно сказать, на нашихъ глазахъ и что, поэтому, *уже сейчасъ* надо пролетаріату готовиться къ предстоящему экзамену его политической зрѣлости.

Пролетараітъ становится „дорогимъ“ для многихъ изъ тѣхъ, кто до сего дня „не замѣчалъ“ его существованія. До такой степени „дорогимъ“, что его начинаютъ *защищать*... противъ злостнаго обвиненія въ „классовомъ эгоизмѣ“ его политическихъ побужденій. „Политическое рабочее движеніе... скорѣе идейное движеніе, чѣмъ „классовое“ въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ защиты экономическихъ интересовъ класса... именно сейчасъ его идейная оболочка ставитъ его въ одинъ рядъ со всѣми остальными оппозиціонными движеніями: оно направлено не противъ власти капитала, а противъ политическаго деспотизма, не противъ толстой мошны, а противъ нагаекъ и штыковъ, и сердце рабочаго бьется за идеалъ свободы *такъ же безкорыстно, какъ и сердце интеллигента*“ (курсивъ нашъ). Такъ заявляетъ авторъ передовой программной статьи второй книги „Освобожденія“, г. Независимый (Отцы и дѣти. Къ характеристикѣ нашихъ политическихъ направленій). „Каково бы ни было наше мнѣніе объ общей соціологической цѣнности гипотезы экономическаго матеріализма, сколько бы полезной мы ни считали ее для историческаго *изученія*, для научнаго *обобщенія* широкихъ историческихъ періодовъ, бываютъ моменты въ жизни народа, когда *участники* самаго историческаго движенія *не могутъ* мыслить матеріалистически и съ точки зрѣнія этого образа мыслей оцѣнивать свое собственное дѣло“. „Въ такія минуты отступаютъ на задній планъ всѣ эгоистическіе и матеріальные помыслы и раздоры; „всѣ за одного и каждый за всѣхъ“ становится лозунгомъ времени, и энтузіазмъ самопожертвованія на пользу общаго дѣла охватываетъ не только личности, но и цѣлые классы“ (стр. 3).

Участники движенія „не могутъ мыслить матеріалистически“! Это значитъ — они не могутъ отдавать себѣ отчетъ въ классовомъ характерѣ своей собственной борьбы. А „догматическое тупоуміе“, которое пытается раскрыть борцамъ этотъ характеръ, ослабляетъ самое движеніе, ибо подрываетъ въ корнѣ необходимый для его успѣха революціонный энтузіазмъ. „Компрометтировать скептическимъ сомнѣніемъ самый фактъ общенароднаго объединенія передъ лицомъ великой національной задачи, оспаривать его необходимость, и съ преувеличенной подозрительностью заботиться о дѣлежѣ шкуры еще не убитаго медвѣдя — врядъ ли особенно умно“.

Если все это перевести на языкъ политической прозы, то надо будетъ констатировать, что „Освобожденіе“ протестуетъ противъ *позиціи соціальдемократовъ* въ борьбѣ съ самодержавіемъ, объявляя ее вредной для дѣла свободы. Какъ мы видѣли выше, русское рабочее движеніе, подъ перомъ г. Независимаго, оказывается свободнымъ отъ вліянія классовыхъ интересовъ, и въ этомъ отношеніи, не уступаетъ другимъ видамъ общественнаго движенія. „Студенческія волненія и земская оппозиція, политическія убійства и политическія демонстраціи, сектантское движеніе въ народѣ и философско-идеалистическое движеніе въ интеллигенціи — во всемъ этомъ нѣтъ слѣдовъ классовой ограниченности и хозяйственной заинтересованности“. Напрасно г. Независимый не включилъ въ этотъ перечень: „всеобщія“ стачки на югѣ и крестьянскія аграрныя волненія, — тогда особенную убѣдительность пріобрѣло бы его увѣреніе, что нѣтъ даже „слѣдовъ хозяйственной заинтересованности“ въ броженіи пролетаріата, толкающемъ его на путь политическихъ демонстрацій, и въ броженіи среди крестьянства, создающемъ благопріятную почву для сектантства.

Разъ „разногласія между либералами и революціонерами“ не отражаютъ собой никакой классовой борьбы, — то для объясненія несомнѣннаго факта раздѣленія оппозиціи на революціонеровъ и либераловъ намъ остается апеллировать къ фактору... физіологическому. Не „сколько-нибудь точно опредѣленныя общественныя группы“ имѣются передъ нами, а „группы людей съ различными темпераментами, различнымъ общимъ положеніемъ въ жизни (не только общественнымъ, но и семейнымъ, возрастнымъ и т. п.), различнымъ богатствомъ жизненной опытности и личной отваги“. Короче — передъ нами „отцы“ и „дѣти“. Къ нимъ и обращается г. Независимый съ страстнымъ призывомъ протянуть другъ другу руки, соединиться въ общей борьбѣ за „свободу духа, свободу для всѣхъ и каждаго“.

На очереди дня опять стоитъ призывъ къ „всеобщему братству“ въ дѣлѣ борьбы съ однимъ врагомъ. Снова отъ русскихъ соціалистовъ требуютъ, чтобы они положили въ карманъ — въ интересахъ побѣды надъ царизмомъ — свой соціализмъ, поскольку онъ *обязываетъ* своихъ адептовъ къ анализу классовыхъ отношеній въ каждый данный моментъ и къ „матеріалистическому отношенію къ своему собственному дѣлу“. Странная вещь! Каждый разъ, когда заговариваютъ объ единомъ врагѣ — царизмѣ, объ общей для всѣхъ задачѣ — борьбы съ нимъ, въ сторону соціальдемократовъ и сознательнаго пролетаріата посылается укоризненный взглядъ и слышатся словечки о „догматическомъ тупоуміи“ и поврежденіи интересовъ свободы. Правда, г. Независимый спѣшитъ насъ увѣрить, что сердце пролетарія бьется такъ же безкорыстно, какъ и сердца гг. Стаховича, Шипова и князя Львова; но въ то время, какъ гг. Стаховичъ и его присные сознаютъ свое собственное безкорыстіе и „идеалистически“ смотрятъ на свою собственную борьбу, пролетаріатъ, идущій подъ знаменемъ соціальдемократіи, старается „матеріалистически относиться къ своему собственному дѣлу“ и, что при этомъ неизбѣжно и что хуже всего, „матеріалистически“ заглядываетъ въ подоплеку Шиповскаго безкорыстія. И г. Независимый долженъ констатировать, что лишенное всякой „классовой ограниченности“ безкорыстіе Шипова „сливается въ одинъ могучій потокъ“ съ самой идеалистической борьбой съ царизмомъ, тогда какъ столь же неограниченное „хозяйственной заинтересованностью“ безкорыстіе соціальдемократіи испорчено ограниченностью умственной и ведетъ къ поврежденію интересовъ борьбы за свободу. Выходитъ, что, если не ради своей мошны, то pour les beaux yeux de Marx, но все-таки русскій пролетарій наноситъ ущербъ дѣлу освобожденія. То, что началъ г. Независимый, кончилъ и пояснялъ передовикъ „Рев. Россіи“ (см. № 53 „На два фронта“). Какъ всѣмъ хорошо памятно, гг. соціалисты-революціонеры давно уже провозгласили то, что разсказываетъ г. Независимый: именно, что противоположность между русскимъ либерализмомъ и русскимъ соціализмомъ, далекая отъ того, чтобы быть отраженіемъ антагонизма имущихъ и неимущихъ, является противоположностью между умѣренными и трусливыми отцами и радикальными и самоотверженными дѣтьми. Естественно было, поэтому, ожидать, что соціалисты-революціонеры на завтра послѣ того, какъ проголосовали на Амстердамскомъ съѣздѣ „дрезденскую“ резолюцію, примутъ руку, братски протянутую имъ гг. Независимыми. И, однако, „Рев. Рос.“ этого не сдѣлала. О, нѣтъ! „Мы не хотимъ никакой общей компромиссной политики либерально-соціалистическаго „блока“, мы отвергаемъ всякую мысль объ урѣзываніи своей программы или тактики ради внесенія гармоніи въ дѣятельность различныхъ элементовъ“. Эти слова имѣютъ всѣ шансы быть переведенными г. Рубановичемъ на европейскіе языки для ознакомленія „братской семьи соціалистическихъ партій“ съ направленіемъ только что принятаго въ эту семью Веньямина. А для г. Независимаго и братской семьи „идеалистовъ“, собираемой имъ около знамени „Освобожденія“, предназначены слѣдующія за симъ строки: „Единственно о чемъ бы здѣсь могла идти рѣчь — это объ опредѣленіи такихъ элементовъ и такихъ требованій, которые уже въ настоящее время общи программамъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ партій; иными словами, можетъ идти рѣчь лишь объ операціи, которая подобна математическому выдѣленію и „вынесенію за скобки“ общаго множителя различныхъ величинъ“ (Р. Р. № 53 стр. 2.).

Совершенно очевидно, что, при вынесеніи за скобки „общаго множителя“ различныхъ политическихъ программъ, роль такого множителя играетъ программа того теченія, которое требуетъ отъ современнаго режима *всего меньше*. „Общимъ множителемъ“ для умѣренныхъ либераловъ, крайнихъ демократовъ и соціалистовъ явится *конституціонная реформа нынѣшняго режима*. Вынести его „за скобки“ различныхъ программъ необходимо, чтобы получить отчетливое представленіе о характерѣ и содержаніи наличныхъ общественныхъ движеній. Но должна ли эта операція вынесенія за скобки опредѣлять собою, хотя бы въ извѣстной степени, *политическую тактику* той партіи, отъ програмы которой, послѣ этой операціи, „въ скобкахъ" остается ея „душа", сущность ея основныхъ стремленій? Къ этому сводится вопросъ, который затронутъ въ „Рев. Рос.". Должны ли соціалисты опредѣлять тактику своей борьбы *въ данный моментъ* простымъ сочетаніемъ наличныхъ общественныхъ програмъ и выведеніемъ „за скобки", въ качествѣ „множителя" общихъ и союзныхъ дѣйствій, того, что въ этихъ програмахъ есть общаго, т. е. — „долой самодержавіе"? Такъ именно смотрятъ „освобожденцы", и такъ же точно рѣшаетъ этотъ вопросъ „Рев. Рос.", когда, подойдя къ нему съ осторожностью, явно говорящей о блудливомъ желаніи не замочить хвоста въ болотѣ соціалистическаго оппортюнизма, заявляетъ: „Что касается до дѣйствій различныхъ партій противъ самодержавія, то рѣчь можетъ идти лишь о координированіи ихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они не противорѣчатъ другъ другу... Какъ видите, для *согласованности дѣйствій* тѣхъ враждебныхъ самодержавію партій, которыя представляютъ собою различные соціальные элементы, съ противорѣчивыми классовыми интересами, — имѣется довольно узкая и ограниченная область. Но было бы въ высшей степени неумно и вредно для интересовъ революціоннаго дѣла совершенно игнорировать ту простую истину, что врагъ нашего врага, — въ извѣстныхъ предѣлахъ, — намъ, если не другъ, то временный попутчикъ, случайный союзникъ".

---

[1] L'Humanité № 182.

Яснѣе нельзя выразиться: въ моментъ, когда дѣло идетъ о непосредственномъ выставленіи лозунговъ политической борьбы съ падающимъ режимомъ, наши „соціалисты" обѣщаютъ либераламъ „координированность дѣйствій" на основѣ „выведенія за скобки" того общаго, что имѣется въ программахъ всѣхъ враговъ самодержавія. Они обѣщаютъ такую координированность русскимъ либераламъ, добивающимся „ограниченія царской власти" и не требуютъ отъ нихъ постановки на очередь вопроса о замѣнѣ самодержавія *демократическимъ* государствомъ. Они обязуются вступать въ союзныя дѣйствія съ либералами, не получивъ отъ нихъ обязательства требовать *всеобщаго избирательнаго права.* Партія „трудовыхъ крестьянъ, рабочихъ и интеллигенціи", они готовы оказать идущимъ къ государственной власти „конституціоналистамъ" всякую поддержку, не обезпечивъ крестьянамъ, рабочимъ и интеллигенціи того, что новый порядокъ не оставитъ ихъ политически-безправными.

И такъ какъ россійская соціальдемократія болѣе года назадъ именно *этимъ* условіемъ связала вопросъ о „координированности" *своихъ* дѣйствій съ дѣйствіями либеральной буржуазіи, то „Рев. Рос." и посвящаетъ вторую половину своей статьи обвиненію соціальдемократіи въ томъ, что она „неисправимо глуха къ голосу жизни", которая де требуетъ „достигнуть возможно большаго координированія дѣйствій *всѣхъ* противниковъ самодержавія"; что она „сама себѣ создаетъ и ревниво поддерживаетъ свое изолированное положеніе"; что она „будетъ вести равно ожесточенную войну даже не на два, а на всѣ четыре фронта"; что она даже не хочетъ образовать „соціалистическаго блока" изъ различныхъ соціалистическихъ организацій.

Поучительная картина: либеральный писатель взываетъ: объединитесь всѣ для борьбы съ общимъ врагомъ! „Соціалистъ-революціонеръ", угодливо повиливая хвостикомъ, отвѣчаетъ: Мы—съ удовольствіемъ, а вотъ тѣ, рядомъ съ нами, тѣ не пойдутъ, потому что они „ревниво поддерживаютъ свое изолированное положеніе", потому что „слишкомъ ясно обнаруживаютъ тенденцію вырождаться въ закостенѣвшія секты". „слишкомъ заняты догматическимъ буквоѣдствомъ" (ibid, стр. 3)! Точь въ точь жорэсисты, натравливающіе буржуазную публику на гэдистовъ, якобы, предающихъ дѣло республиканской свободы ради „марксовой догмы!"

Въ виду начинающейся послѣдней аттаки на самодержавіе, будетъ ли либеральная буржуазія идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ къ завоеванію *демократическаго режима*, или ея политическіе представители сохранятъ за собою свободу заключить въ любой моментъ съ падающимъ режимомъ конституціонную сдѣлку, которая лишитъ основныхъ политическихъ правъ народныя массы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ только и можетъ опредѣлять собой тактику *народныхъ* партій въ дѣлѣ „координированія" своихъ дѣйствій съ дѣйствіями „имущихъ и сытыхъ". И если именно теперь крики о необходимости „единенія" сопровождаются змѣинымъ шипомъ о „догматическомъ тупоуміи" партіи пролетаріата и о вредѣ, приносимомъ ею дѣлу свободы, то для всякого должно быть ясно, что дѣло идетъ о кампаніи, направленной къ тому, чтобы добиться такой „координированности дѣйствій", *которая не обязывала бы „умѣренную" оппозицію написать въ числѣ своихъ требованій всеобщее избирательное право и полную свободу слова и коалицій*[1]).

Въ самомъ дѣлѣ. Обратите вниманіе на эту „странность". Въ теченіе ряда лѣтъ руководимый соціальдемократіей сознательный пролетаріатъ только и дѣлаетъ, что поддерживаетъ всякій политическій протестъ, исходящій изъ буржуазнаго общества. Онъ демонстрируетъ въ защиту отданныхъ въ солдаты студентовъ, его пресса выноситъ на свѣтъ гласности всѣ мерзости, совершаемыя самодержавіемъ противъ самоуправляющейся буржуазіи; его организаціи ведутъ въ народныхъ массахъ агитацію по поводу каждаго башибузукскаго набѣга на земства, на легальную печать, на „третій элементъ"; его добровольческія дружины идутъ подъ солдатскія пули для защиты отъ янычаръ Плеве — отъ антисемитскихъ громилъ — жизни, чести и имущества *всѣхъ* евреевъ, будутъ ли то буржуа или пролетаріи. Въ свою очередь, пролетаріатъ не *можетъ указать ни одного случая*, когда бы пролитіе *его* крови, униженіе его сыновей, разореніе его семей вызвало бы смѣлый, открытый протестъ свободолюбивыхъ „отцовъ". И эти послѣдніе не могутъ указать ни одного случая, когда бы сознательный пролетаріатъ и соціальдемократія не были бы готовы выполнить взятаго на себя долга пользоваться *всякимъ* случаемъ нанести лишній ударъ царизму. Въ отвѣтъ на туманныя и пустыя фразы объ общемъ единеніи, соціальдемократія заявила открыто и прямо: вотъ тѣ условія, принятіе которыхъ дѣлаетъ для пролетаріата возможнымъ связать *себя* какими либо политическими обязательствами въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Принимаете ли эти условія, вы, увѣряющіе, что „безкорыстно" боретесь за свободу для всѣхъ?

И вотъ черезъ 1½ почти года послѣ того, какъ вопросъ поставленъ, получается первый отвѣтъ, и онъ гласитъ: „догматическое тупоуміе". Не думаютъ ли гг. „освобожденцы", что такими отвѣтами они побудятъ русскихъ пролетаріевъ отказаться отъ „матеріалистическаго отношенія" къ либеральному движенію! Не думаютъ ли они *такими* отвѣтами убить въ русскихъ пролетаріяхъ то недовѣріе, которое въ нихъ воспитала безславная исторія русскаго либерализма?

А „соціалистамъ-революціонерамъ" мы скажемъ, что, своимъ двусмысленнымъ, половинчатымъ и политиканскимъ отношеніемъ къ вопросу, они блистательно подтверждаютъ характеристику, данную имъ II съѣздомъ нашей партіи. Въ моментъ, когда должна рѣшаться на долгіе годы судьба освобождающейся Россіи, когда различныя соціальныя силы собираются подъ *свои* классовыя знамена, — въ этотъ именно моментъ эти люди путаются въ ногахъ у пролетаріата со своими жалкими фразами объ „общемъ врагѣ", „глухотѣ" и „слѣпотѣ" и т. д. и больше всего стараются о томъ, чтобы не дать поставить буржуазіи во всей рѣзкости и ясности вопроса: „съ народомъ или противъ народа?"

* * *

„Пусть не указываютъ намъ на примѣръ великой французской революціи", говоритъ г. Независимый (стр. 3), „мечтавшей въ сверхчеловѣческомъ подъемѣ творческихъ силъ осуществить всеобщее братство человѣчества и осуществившей только буржуазную эксплуатацію! Это постоянное запугиваніе французской революціей, столь популярное, по странной исторической комбинаціи идей, у наиболѣе радикальныхъ слоевъ русской оппозиціи, не только смѣшно, но и вредно. „Богаты мы, едва изъ колыбели, ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ". Но не мѣшало бы призанять и энтузіазмъ отцовъ! *Пусть намъ дадутъ сперва французскую революцію со всѣми ея истинно-общечеловѣческими плодами, а съ вредными ея послѣдствіями мы уже съумѣемъ справиться!*" (стр. 3, курсивъ нашъ).

Вслѣдъ за г. Меньшиковымъ изъ „Новаго Времени", г. Независимый изъ „Освобожденія" „захотѣлъ" великой французской революціи на русской почвѣ. Желаніе весьма похвальное. Только... только одно меня смущаетъ: великіе буржуа 1789 г. сами „добывали" себѣ великую революцію, а наши Демулены не идутъ дальше формулы: „пусть намъ *дадутъ*". Знаменательная „фигура рѣчи!"

Дѣло, однако, не столько въ этой характерной обмолвкѣ, сколько въ той наивности, съ которою нашъ „идеалистъ" — въ *отличіе отъ боящимся разочарованій прошлыхъ революцій* — обѣщаетъ, что, буде революція совершится, онъ и его присные „съ ея вредными послѣдствіями уже съумѣютъ справиться". Вотъ онъ, голосъ сердца! И, вѣдь, подъ „вредными послѣдствіями" здѣсь разумѣется не что иное, какъ *разочарованіе, которое охватывало народныя массы, когда онѣ, совершивъ революцію, замѣчали, что она не освободила ихъ отъ нищеты.* Русскіе соціалисты ставятъ себѣ вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы не повторилось и у насъ того же разочарованія? Г. Независимый отвѣчаетъ: положитесь на насъ, мы ужо справимся съ вредными послѣдствіями этого разочарованія. И передъ нашими глазами встаютъ картины разстрѣловъ на Марсовомъ полѣ, возстаніе бабувистовъ, іюньскіе дни 1848 года... Вы правы, г-нъ Независимый, ваши собратья съумѣютъ справиться съ „вредными послѣдствіями!" Но именно для того, чтобы не дать имъ возможности „справиться" съ ними свойственными имъ мѣрами — мѣрами буржуазной реакціи на революціонныя проявленія пролетаріата — мы и считаемъ прежде всего обязательнымъ для себя усвоить пролетаріату „матеріалистическое отношеніе къ его собственному дѣлу", выяснить буржуазный характеръ предстоящей революціи и ту его политическую позицію въ ней, которая гарантируетъ ему достиженіе максимума того, что можетъ дать ему *такая* революція, и которая, тѣмъ самымъ, застраховываетъ его отъ „вредныхъ послѣдствій", въ видѣ разочарованія. И мы обязаны дѣлать это не только въ интересахъ *соціализма*, но и въ интересахъ *политической свободы*. Г. Независимый совершенно не понимаетъ, въ чемъ сущность тѣхъ послѣ-революціонныхъ „разочарованій", о которыхъ ему напоминаютъ соціальдемократы. Если бы дѣло шло только о вспышкахъ отчаянія народной массы, убѣдившейся, что завоеванный ея кровью режимъ не обезпечиваетъ ей человѣческаго существованія. Какъ вѣрно указываетъ г. Независимый, съ *такими* „вредными послѣдствіями" буржуазія-побѣдительница съумѣетъ справиться. Но — и объ этомъ г. Независимый забываетъ — справившись, такъ или иначе, съ этими вспышками отчаянія, буржуазія подсѣкаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ должно держаться зданіе „свободы для всѣхъ и каждаго". Разочарованная дважды, безсознательная народная масса проникается индифферентизмомъ къ дѣлу свободы и покидаетъ буржуазный либерализмъ при первомъ-же натискѣ цезаристской реакціи...

Реальный историческій антагонизмъ между соціальными силами слагающагося буржуазнаго общества и наличной государственной формой наши „идеалисты" пытаются свести къ его идеологическимъ проявленіямъ, къ голому антагонизму между „свободой всѣхъ и каждаго" и ея отрицаніемъ въ современномъ режимѣ. Словомъ, аркадская идиллія, такъ жестоко разрушенная и въ европейской буржуазіи, и въ европейскомъ пролетаріатѣ, суровымъ опытомъ великихъ и малыхъ революцій. Но то, что 100 слишкомъ лѣтъ назадъ было плодомъ естественной невинности не вкусившей отъ древа познанія буржуазіи, теперь должно явиться результатомъ искусственнаго политическаго *самовнушенія*, „моментально" забывающаго вчера еще исповѣдывавшійся трезвый „реализмъ" бернштейніанства и уносящаго нашихъ „идеалистовъ" въ снятую ими на прокатъ высь „вѣчныхъ истинъ". Философскому идеализму, говоритъ г. Независимый (стр. 12), „должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только оно одно даетъ необходимое для молодыхъ умовъ (!!!) отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его *религіозной вѣрой*" (курсивъ нашъ). „Сдѣлать" религіозную вѣру — въ этомъ весь смыслъ, вся сущность, вся неприкрашенная правда „идеалистическаго" ученія. Отъ революціоннаго идеализма 18-го вѣка этотъ, фабричнымъ методомъ изготовляемый, „идеализмъ", этотъ „паровой цыпленокъ", высиживаемый въ кабинетѣ и лишенный всякой „души", такъ же далекъ, какъ далека здоровая, жизнерадостная чувственность древнихъ эллиновъ отъ нуждающейся въ всестороннихъ возбудителяхъ похотливости современнаго Übermensch'а. И этотъ паровой цыпленокъ новѣйшаго „идеализма" долженъ намъ, современнымъ русскимъ людямъ, дать тотъ энтузіазмъ, безъ котораго немыслима, дѣйствительно немыслима, революція, низвергающая кумиры и сносящая на своемъ пути всѣ бастиліи! „Идеализмъ", неспособный ни на минуту отвлечь своихъ собственныхъ апостоловъ отъ тревожной мысли: какъ

---

[1] Въ № 58 „Освобожденія", въ отвѣтъ на письмо нѣкоего Хешо, обвиняющаго „освобожденцевъ" въ нежеланіи высказаться ясно за всеобщее избирательное право, г. Струве, видимо, разсерженный откровенностью своего единомышленника, увѣряетъ, что онъ „ломится въ открытую дверь". Но если это такъ и если среди освобожденцевъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ „не составляетъ предмета спора", то какъ же объяснить статью г. Независимаго и прокламацію русскихъ освобожденцевъ? (см. ниже).

Въ Амстердамѣ.[1]

(Мысли и замѣтки.)

III.

Разсмотрѣнію амстердамскаго съѣзда подлежало шесть очередныхъ вопросовъ:

1. Международныя правила соціальдемократической политики; 2. Колоніальная политика; 3. Эмиграція и иммиграція; 4. Всеобщая стачка; 5. Соціальная политика и страхованіе рабочихъ; 6. Трэсты и безработица.

Правда, вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи былъ, за неимѣніемъ времени и по предложенію Киръ Гарди, отложенъ до слѣдующаго съѣзда, такъ что въ Амстердамѣ рѣшенія приняты были только по пяти остальнымъ вопросамъ. Но и эти пять вопросовъ настолько важны, что каждому изъ нихъ надо было бы посвятить отдѣльную статью: и того уже пять статей. А кромѣ того, амстердамскій съѣздъ принялъ не менѣе важное постановленіе по вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ. На немъ то же полезно было бы остановиться: еще одна статья. Но на шесть статей у меня рѣшительно не хватитъ времени. Поэтому я подробно разсмотрю здѣсь только тотъ вопросъ, который по своему важному значенію для международнаго пролетаріата не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики: *вопросъ о всеобщей стачкѣ.* Остальныхъ же рѣшеній, принятыхъ въ Амстердамѣ, я, по необходимости, коснусь только въ немногихъ словахъ.

Прежде всего я приведу рѣшеніе, касающееся женщинъ. Вотъ оно:

„Въ той борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ за всеобщее и равное право прямой и тайной подачи голоса при выборахъ въ парламенты и въ общинные совѣты, соціалистическія партіи должны выставить требованіе права голоса также для женщинъ; онѣ должны и отстаивать это требованіе въ своей принципіальной пропагандѣ и энергично защищать его".

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ привлекательныхъ сторонъ революціоннаго движенія въ Россіи было до сихъ поръ сознательное участіе въ немъ многихъ женщинъ. Имена С. Бардиной, В. Засуличъ и С. Перовской смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ наиболѣе прославившимися въ нашемъ движеніи мужскими именами. Уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка передовые люди нашей интеллигенціи свободны были отъ буржуазныхъ взглядовъ на „призваніе женщины". Знаменитые въ исторіи нашей страны шестидесятые и семидесятые годы еще болѣе сдѣлали для разрушенія этихъ узкихъ взглядовъ. И хотя въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ мы въ этомъ отношеніи, — какъ и во многихъ другихъ, — довольно сильно попятились назадъ, но все таки у насъ даже въ откровенно-буржуазной средѣ нерѣдко смотрятъ на женскій вопросъ разумнѣе, чѣмъ въ такой же средѣ на Западѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать почему это такъ, а не иначе. Я хочу только обратить вниманіе россійскихъ революціонеровъ — рабочихъ на то, что они должны слѣдовать въ этомъ вопросѣ прекрасному примѣру нашей интеллигенціи. Они должны съ презрѣніемъ отвергнуть, какъ недостойный сознательныхъ пролетаріевъ, тотъ нелѣпый взглядъ, согласно которому женщина есть какъ бы низшее существо сравнительно съ мужчиной: „баба не человѣкъ". Сама экономія нынѣшняго общества, все болѣе и болѣе превращая женщину въ предметъ капиталистической эксплуатаціи, все болѣе и болѣе дѣлаетъ *работницу* товарищемъ *работника*. Теперь у насъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, есть цѣлыя отрасли промышленности, въ которыхъ число женщинъ, работающихъ по найму, не меньше, а иногда и больше числа мужчинъ. Этихъ женщинъ непремѣнно и какъ можно скорѣе надо вовлечь въ освободительное движеніе международнаго пролетаріата. Но на знамени этого пролетаріата написано, какъ извѣстно, *равенство правъ всѣхъ людей, независимо отъ національности и пола*. Поэтому, привлекая *работницъ* къ участію въ борьбѣ съ капиталомъ, *работники* должны добиваться для нихъ тѣхъ же правъ, какихъ добиваются для самихъ себя. Если сознаніе этой обязанности иногда затемняется у соціальдемократическихъ пролетаріевъ той или другой страны, — какъ это видно изъ примѣра бельгійской рабочей партіи, которая въ своей недавней борьбѣ за всеобщее избирательное право требовала его *только для мужчинъ*, — то это объясняется вреднымъ вліяніемъ оппортюнизма, очень сильнаго въ Бельгіи и всегда готоваго забыть основные соціалистическіе принципы ради успѣха данной минуты. Но въ нашей соціальдемократіи вліяніе оппортюнизма равно нулю, и это даетъ намъ новое основаніе надѣяться, что сознательные пролетаріи Россіи не повторятъ ошибки своихъ бельгійскихъ товарищей.

Переходя къ вопросу о *трестахъ*, я замѣчу, что онъ разсматривался уже на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., но по желанію американской Socialist Labor Party (Соціалистической Рабочей Партіи) его въ нынѣшнемъ году снова поставили на очередь. И не удивительно, что наши американскіе товарищи интересуются имъ особенно сильно: нигдѣ тресты не достигли такого колоссальнаго развитія и нигдѣ они не пріобрѣли такого рѣшительнаго вліянія на экономическую и политическую жизнь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Эта быстро развивающаяся страна есть классическая страна трестовъ.

Было время, когда буржуазія энергично боролась съ феодальными *монополіями*, отстаивая *свободу конкурренціи*. На почвѣ этой борьбы выросло убѣжденіе буржуазныхъ экономистовъ въ томъ, что конкурренція составляетъ душу современной экономической жизни („competition is the life of industry"). Но діалектика буржуазнаго общества такова, что, — какъ на это указалъ еще Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи", — конкурренція, устранившая феодальныя монополіи, сама роковымъ образомъ создаетъ монополію. И наиболѣе яркимъ, наиболѣе поучительнымъ примѣромъ его новѣйшей монополіи служатъ *тресты*. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ они господствуютъ, почти всецѣло находятся въ рукахъ немногихъ чудовищно богатыхъ капиталистовъ, настоящихъ „королей", по своему усмотрѣнію распоряжающихся производствомъ. И не только *производствомъ*. Руководители трестовъ становятся господами также и въ области *сбыта*, властно диктуя свои условія *потребителямъ*. Въ виду всего этого неудивительно, что тресты сильно возбуждаютъ противъ себя „общественное мнѣніе" всей мелкой буржуазіи, настойчиво требующей отъ государства законодательныхъ мѣръ для борьбы съ ихъ тиранніей. Но это требованіе мелкой буржуазіи имѣетъ *консервативный* или даже *реакціонный* характеръ. Остановить развитіе трестовъ значило бы — если бы можно было остановить его, — задержать экономическое развитіе всего современнаго общества. Вотъ почему соціалистическій пролетаріатъ всѣхъ странъ рѣшительно отвергаетъ это мелко-буржуазное требованіе. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ новѣйшей монополіей можетъ служить только переходъ въ общественную собственность организованныхъ трестами колоссальныхъ предпріятій. „Нашимъ боевымъ крикомъ должна быть революція, а не реформа, — писалъ, напримѣръ, даже оппортюнистъ Гейлордъ Уильшайръ въ іюлѣ 1902 г., — мы требуемъ національзаціи промышленности". Совершенно въ томъ же смыслѣ высказался парижскій международный съѣздъ 1900 года. Наконецъ, совершенно тѣмъ же духомъ проникнуто и рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, гласящее, что „соціальдемократическія партіи всѣхъ странъ никоимъ образомъ не должны участвовать въ попыткахъ мѣшать образованію трестовъ или задерживать ихъ развитіе" и что усилія этихъ партій „должны быть направлены къ соціализаціи производства въ цѣляхъ общаго блага и уничтоженія прибыли[1]).

Амстердамскій съѣздъ призналъ — да и нельзя этого не признать, — что тресты обостряютъ существующее въ нынѣшнемъ обществѣ противорѣчіе между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Но отъ него было далеко всякое стремленіе сгладить это противорѣчіе, „притупить" его. Нѣтъ, онъ указалъ на это обостряющееся противорѣчіе, какъ на точку опоры для революціонной дѣятельности, объявивъ, что такъ какъ тресты являются угрозой профессіональнымъ организаціямъ пролетаріата, то „рабочіе всего міра должны противопоставить капиталистамъ свою организованную силу, — національную и международную, — какъ единственное оружіе противъ капиталистической эксплуатаціи и единственное средство уничтожить буржуазное общество, замѣнивъ его соціалистическимъ".

Гегель говаривалъ: „Der Widerspruch ist das Fortleitende" (противорѣчіе ведетъ впередъ). Эта мысль великаго философа лежитъ въ основѣ всей „соціальной политики" пролетаріата. Хотя въ средѣ этого класса и немного можно найти людей, знакомыхъ съ философіей Гегеля, но чѣмъ яснѣе сознаетъ онъ свое революціонное историческое призваніе, тѣмъ тверже становится его убѣжденіе въ томъ, что залогъ его побѣды заключается не въ „*притупленіи*", а именно въ *обостреніи* свойственныхъ нынѣшнему обществу противорѣчій. И въ этомъ состоитъ главнѣйшая отличительная черта его „соціально-политическаго" взгляда отъ взгляда мелкой буржуазіи, которая неудержимо и непрестанно стремится „смягчать" и „притуплять". Мелкая буржуазія консервативна по своему существу, хотя она, — при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ, — способна пропартіи, отъ программы которой, послѣ этой операціи, „въ скобкахъ" остается ея „душа", сущность ея основныхъ стремленій? Къ этому сводится вопросъ, который затронутъ въ „Рев. Рос.". Должны ли соціалисты опредѣлять тактику своей борьбы *въ данный моментъ* простымъ сочетаніемъ наличныхъ общественныхъ программъ и выведеніемъ „за скобки", въ качествѣ „множителя" общихъ и союзныхъ дѣйствій, того, что въ этихъ программахъ есть общаго, т. е. — „долой самодержавіе"? Такъ именно смотрятъ „освобожденцы", и такъ же точно рѣшаетъ этотъ вопросъ „Рев. Рос.", когда, подойдя къ нему съ осторожностью, явно говорящей о блудливомъ желаніи не замочить хвоста въ болотѣ соціалистическаго оппортюнизма, заявляетъ: „Что касается до дѣйствій различныхъ партій противъ самодержавія, то рѣчь можетъ идти лишь о координированіи ихъ, по *крайней мѣрѣ*, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они не противорѣчатъ другъ другу... Какъ видите, для *согласованности дѣйствій* тѣхъ враждебныхъ самодержавію партій, которыя представляютъ собою различные соціальные элементы, съ противорѣчивыми классовыми интересами, — имѣется довольно узкая и ограниченная область. Но было бы въ высшей степени неумно и вредно для интересовъ революціоннаго дѣла совершенно игнорировать ту простую истину, что врагъ нашего врага, — въ извѣстныхъ предѣлахъ, — намъ, если не другъ, то временный попутчикъ, случайный союзникъ".

---

[1] Спѣшу отмѣтить здѣсь, что въ мою вторую статью объ амстердамскомъ съѣздѣ, по ошибкѣ корректора, закралась опечатка, которую мнѣ хотѣлось бы исправить. Именно, въ рукописи я употребилъ выраженіе: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива", давъ понять, что *я* употребляю его вслѣдъ *за Гоголемъ.* Въ печати оно оказалось приписаннымъ *Крылову.* Моей вины тутъ нѣтъ.

[1] Это рѣшеніе напечатано вмѣстѣ съ другими въ № 7[illegible] „Искры".

Яснѣе нельзя выразиться: въ моментъ, когда дѣло идетъ о непосредственномъ выставленіи лозунговъ политической борьбы съ падающимъ режимомъ, наши „соціалисты" обѣщаютъ либераламъ „координированность дѣйствій" на основѣ „выведенія за скобки" того общаго, что имѣется въ программахъ всѣхъ враговъ самодержавія. Они обѣщаютъ такую координированность русскимъ либераламъ, добивающимся „ограниченія царской власти" и не требуютъ отъ нихъ постановки на очередь вопроса о замѣнѣ самодержавія *демократическимъ* государствомъ. Они обязуются вступать въ союзныя дѣйствія съ либералами, не получивъ отъ нихъ обязательства требовать *всеобщаго избирательнаго права*. Партія „трудовыхъ крестьянъ, рабочихъ и интеллигенціи", они готовы оказать идущимъ къ государственной власти „конституціоналистамъ" всякую поддержку, не обезпечивъ крестьянамъ, рабочимъ и интеллигенціи того, что новый порядокъ не оставитъ ихъ политически-безправными.

И такъ какъ россійская соціальдемократія болѣе года назадъ именно *этимъ* условіемъ связала вопросъ о „координированности" *своихъ* дѣйствій съ дѣйствіями либеральной буржуазіи, то „Рев. Рос." и посвящаетъ вторую половину своей статьи обвиненію соціальдемократіи въ томъ, что она „неисправимо глуха къ голосу жизни", которая де требуетъ „достигнуть возможно большаго координированія дѣйствій *всѣхъ* противниковъ самодержавія"; что она „сама себѣ создаетъ и ревниво поддерживаетъ свое изолированное положеніе"; что она „будетъ вести равно ожесточенную войну даже не на два, а на всѣ четыре фронта"; что она даже не хочетъ образовать „соціалистическаго блока" изъ различныхъ соціалистическихъ организацій.

Поучительная картина: либеральный писатель взываетъ: объединитесь всѣ для борьбы съ общимъ врагомъ! „Соціалистъ-революціонеръ", угодливо повиливая хвостикомъ, отвѣчаетъ: Мы—съ удовольствіемъ, а вотъ тѣ, рядомъ съ нами, тѣ не пойдутъ, потому что они „ревниво поддерживаютъ свое изолированное положеніе", потому что „слишкомъ ясно обнаруживаютъ тенденцію вырождаться въ закоснѣвшія секты". „слишкомъ заняты догматическимъ буквоѣдствомъ" (ibid, стр. 3)! Точь въ точь жорэсисты, натравливающіе буржуазную публику на гедистовъ, якобы, предающихъ дѣло республиканской свободы ради „марксовой догмы!"

Въ виду начинающейся послѣдней аттаки на самодержавіе, будетъ ли либеральная буржуазія идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ къ завоеванію *демократическаго режима*, или ея политическіе представители сохранятъ за собою свободу заключать въ любой моментъ съ падающимъ режимомъ конституціонную сдѣлку, которая лишитъ основныхъ политическихъ правъ народныя массы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ только и можетъ опредѣлять собой тактику *народныхъ* партій въ дѣлѣ „координированія" своихъ дѣйствій съ дѣйствіями „имущихъ и сытыхъ". И если именно теперь крики о необходимости „единенія" сопровождаются змѣинымъ шипомъ о „догматическомъ тупоуміи" партіи пролетаріата и о вредѣ, приносимомъ ею дѣлу свободы, то для всякого должно быть ясно, что дѣло идетъ о кампаніи, направленной къ тому, чтобы добиться такой „координированности дѣйствій", *которая не обязывала бы „умѣренную" оппозицію написать въ числѣ своихъ требованій всеобщее избирательное право и полную свободу слова и коалиціи* [1]).

Въ самомъ дѣлѣ. Обратите вниманіе на эту „странность". Въ теченіе ряда лѣтъ руководимый соціальдемократіей сознательный пролетаріатъ только и дѣлаетъ, что поддерживаетъ всякій политическій протестъ, исходящій изъ буржуазнаго общества. Онъ демонстрируетъ въ защиту отданныхъ въ солдаты студентовъ, его пресса выноситъ на свѣтъ гласности всѣ мерзости, совершаемыя самодержавіемъ противъ самоуправляющейся буржуазіи; его организаціи ведутъ въ народныхъ массахъ агитацію по поводу каждаго башибузукскаго набѣга на земства, на легальную печать, на „третій элементъ"; его добровольческія дружины идутъ подъ солдатскія пули для защиты отъ янычаръ Плеве — отъ антисемитскихъ громилъ — жизни, чести и имущества *всѣхъ* евреевъ, будутъ ли то буржуа или пролетаріи. Въ свою очередь, пролетаріатъ не *можетъ указать ни одного случая*, когда бы пролитіе *его* крови, униженіе его сыновей, разореніе его семей вызвало бы смѣлый, открытый протестъ свободолюбивыхъ „отцовъ". И эти послѣдніе не могутъ указать ни одного случая, когда бы сознательный пролетаріатъ и соціальдемократія не были бы готовы выполнить взятаго на себя долга пользоваться *всякимъ* случаемъ нанести лишній ударъ царизму. Въ отвѣтъ на туманныя и пустыя фразы объ общемъ *единеніи*, соціальдемократія заявила открыто и прямо: вотъ тѣ условія, принятіе которыхъ дѣлаетъ для пролетаріата возможнымъ связать *себя* какими либо политическими обязательствами въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Принимаете ли эти условія, вы, увѣряющіе, что „безкорыстно" боретесь за свободу для всѣхъ?

И вотъ черезъ 1½ почти года послѣ того, какъ вопросъ поставленъ, получается первый отвѣтъ, и онъ гласитъ: „догматическое тупоуміе". Не думаютъ ли гг. „*освобожденцы*", что такими отвѣтами они побудятъ русскихъ пролетаріевъ отказаться отъ „матеріалистическаго отношенія" къ либеральному движенію! Не думаютъ ли они *такими* отвѣтами убить въ русскихъ пролетаріяхъ то недовѣріе, которое въ нихъ воспитала безславная исторія русскаго либерализма?

А „соціалистамъ-революціонерамъ" мы скажемъ, что, своимъ двусмысленнымъ, половинчатымъ и политиканскимъ отношеніемъ къ вопросу, они блистательно подтверждаютъ характеристику, данную имъ II съѣздомъ нашей партіи. Въ моментъ, когда должна рѣшаться на долгіе годы судьба освобождающейся Россіи, когда различныя соціальныя силы собираются подъ *свои* классовыя знамена, — въ этотъ именно моментъ эти люди путаются въ ногахъ у пролетаріата со своими жалкими фразами объ „общемъ врагѣ", „глухотѣ" и „слѣпотѣ" и т. д. и больше всего стараются о томъ, чтобы не дать поставить буржуазіи во всей рѣзкости и ясности вопроса: „съ народомъ или противъ народа?"

⁂

„Пусть не указываютъ намъ на примѣръ великой французской революціи", говоритъ г. Независимый (стр. 3), „мечтавшей въ сверхчеловѣческомъ подъемѣ творческихъ силъ осуществить всеобщее братство человѣчества и осуществившей только буржуазную эксплуатацію! Это постоянное запугиваніе французской революціей, столь популярное, по странной исторической комбинаціи идей, у наиболѣе радикальныхъ слоевъ русской оппозиціи, не только смѣшно, но и вредно. „Богаты мы, едва изъ колыбели, ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ". Но не мѣшало бы призанять и энтузіазмъ отцовъ! *Пусть намъ дадутъ сперва французскую революцію со всѣми ея истинно-общечеловѣческими плодами, а съ вредными ея послѣдствіями мы уже съумѣемъ справиться!*" (стр. 3, курсивъ нашъ).

Вслѣдъ за г. Меньшиковымъ изъ „Новаго Времени", г. Независимый изъ „Освобожденія" „захотѣлъ" великой французской революціи на русской почвѣ. Желаніе весьма похвальное. Только... только одно меня смущаетъ: великіе буржуа 1789 г. сами „добывали" себѣ великую революцію, а наши Депутены не идутъ дальше формулы: „пусть намъ *дадутъ*". Знаменательная „фигура рѣчи!"

Дѣло, однако, не столько въ этой характерной обмолвкѣ, сколько въ той наивности, съ которою нашъ „идеалистъ" — въ *отвѣтъ*, *боящимся разочарованій прошлыхъ революцій* — объявляетъ, что, буде революція совершится, онъ и его присные „съ ея вредными послѣдствіями уже съумѣютъ справиться". Вотъ онъ, голосъ сердца! И, вѣдь, подъ „вредными послѣдствіями" здѣсь разумѣется не что иное, какъ *разочарованіе, которое охватывало народныя массы, когда онѣ, совершивъ революцію, замѣчали, что она не освободила ихъ отъ нищеты*. Русскіе соціалисты ставятъ себѣ вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы не повторилось и у насъ того же разочарованія? Г. Независимый отвѣчаетъ: положитесь на насъ, мы ужо справимся съ вредными послѣдствіями этого разочарованія. И передъ нашими глазами встаютъ картины разстрѣловъ на Марсовомъ полѣ, возстаніе бабувистовъ, іюньскіе дни 1848 года... Вы правы, г-нъ Независимый, ваши собратья съумѣютъ справиться съ „вредными послѣдствіями!" Но именно для того, чтобы не дать имъ возможности „справиться" съ ними свойственными имъ мѣрами — мѣрами буржуазной реакціи на революціонныя проявленія пролетаріата — мы и считаемъ прежде всего обязательнымъ для себя усвоить пролетаріату „матеріалистическое отношеніе къ его собственному дѣлу", выяснить буржуазный характеръ предстоящей революціи и ту его политическую позицію въ ней, которая гарантируетъ ему достиженіе максимума того, что можетъ дать ему *такая* революція, и которая, тѣмъ самымъ, застраховываетъ его отъ „вредныхъ послѣдствій", въ видѣ разочарованія. И мы обязаны дѣлать это не только въ интересахъ *соціализма*, но и въ интересахъ *политической свободы*. Г. Независимый совершенно не понимаетъ, въ чемъ сущность тѣхъ послѣ-революціонныхъ „разочарованій", о которыхъ ему напоминаютъ соціальдемократы. Если бы дѣло шло только о вспышкахъ отчаянія народной массы, убѣдившейся, что завоеванный ея кровью режимъ не обезпечиваетъ ей человѣческаго существованія. Какъ вѣрно указываетъ г. Независимый, съ *такими* „вредными послѣдствіями" буржуазія-побѣдительница съумѣетъ справиться. Но — и объ этомъ г. Независимый забываетъ — справившись, такъ или иначе, съ этими вспышками отчаянія, буржуазія подсѣкаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ должно держаться зданіе „свободы для всѣхъ и каждаго". Разочарованная дважды, безсознательная народная масса проникается индифферентизмомъ къ дѣлу свободы и покидаетъ буржуазный либерализмъ при первомъ-же натискѣ цезаристской реакціи...

Реальный историческій антагонизмъ между соціальными силами слагающагося буржуазнаго общества и наличной государственной формой наши „идеалисты" пытаются свести къ его идеологическимъ проявленіямъ, къ голому антагонизму между „свободой всѣхъ и каждаго" и ея отрицаніемъ въ современномъ режимѣ. Словомъ, аркадская идиллія, такъ жестоко разрушенная и въ европейской буржуазіи, и въ европейскомъ пролетаріатѣ, суровымъ опытомъ великихъ и малыхъ революцій. Но то, что 100 слишкомъ лѣтъ назадъ было плодомъ естественной невинности не вкусившей отъ древа познанія буржуазіи, теперь должно явиться результатомъ искусственнаго политическаго *самовнушенія*, „моментально" забывающаго вчера еще исповѣдывавшійся трезвый „реализмъ" бернштейніанства и уносящаго нашихъ „идеалистовъ" въ снятую ими на прокатъ высь „вѣчныхъ истинъ". Философскому идеализму, говоритъ г. Независимый (стр. 12), „должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только оно одно даетъ необходимое для молодыхъ умовъ (!!!) отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его *религіозной вѣрой*" (курсивъ нашъ). „Сдѣлать" религіозную вѣру — въ этомъ весь смыслъ, вся сущность, вся неприкрашенная правда „идеалистическаго" ученія. Отъ революціоннаго идеализма 18-го вѣка этотъ, фабричнымъ методомъ изготовляемый, „идеализмъ", этотъ „паровой цыпленокъ", высиживаемый въ кабинетѣ и лишенный всякой „души", такъ же далекъ, какъ далека здоровая, жизнерадостная чувственность древнихъ эллиновъ отъ нуждающейся въ всестороннихъ возбудителяхъ похотливости современнаго Ubermensch'а. И этотъ паровой цыпленокъ новѣйшаго „идеализма" долженъ намъ, современнымъ русскимъ людямъ, дать тотъ энтузіазмъ, безъ котораго немыслима, дѣйствительно немыслима, революція, низвергающая кумиры и сносящая на своемъ пути всѣ бастиліи! „Идеализмъ", неспособный ни на минуту отвлечь своихъ собственныхъ апостоловъ отъ тревожной мысли: какъ

---

[1]) Въ № 58 „Освобожденія", въ отвѣтъ на письмо нѣкоего Nemo, обвиняющаго „освобожденцевъ" въ нежеланіи высказаться ясно за всеобщее избирательное право, г. Струве, видимо, разсерженный откровенностью своего единомышленника, увѣряетъ, что онъ „ломится въ открытую дверь". Но если это такъ и если среди освобожденцевъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ „не составляетъ предмета спора", то какъ же объяснить статью г. Независимаго и прокламацію русскихъ освобожденцевъ? (см. ниже).

Въ Амстердамѣ.[1])

(Мысли и замѣтки.)

III.

Разсмотрѣнію амстердамскаго съѣзда подлежало шесть очередныхъ вопросовъ:

1. Международныя правила соціальдемократической политики; 2. Колоніальная политика; 3. Эмиграція и иммиграція; 4. Всеобщая стачка; 5. Соціальная политика и страхованіе рабочихъ; 6. Трэсты и безработица.

Правда, вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи былъ, за неимѣніемъ времени и по предложенію Киръ Гарди, отложенъ до слѣдующаго съѣзда, такъ что въ Амстердамѣ рѣшенія приняты были только по пяти остальнымъ вопросамъ. Но и эти пять вопросовъ настолько важны, что каждому изъ нихъ надо было бы посвятить отдѣльную статью: и того уже пять статей. А кромѣ того, амстердамскій съѣздъ принялъ не менѣе важное постановленіе по вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ. На немъ то же полезно было бы остановиться: еще одна статья. Но на шесть статей у меня рѣшительно не хватитъ времени. Поэтому я подробно разсмотрю здѣсь только тотъ вопросъ, который по своему важному значенію для международнаго пролетаріата не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики: *вопросъ о всеобщей стачкѣ*. Остальныхъ же рѣшеній, принятыхъ въ Амстердамѣ, я, по необходимости, коснусь только въ немногихъ словахъ.

Прежде всего я приведу рѣшеніе, касающееся женщинъ. Вотъ оно:

„Въ той борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ за всеобщее и равное право прямой и тайной подачи голоса при выборахъ въ парламенты и въ общинные совѣты, соціалистическія партіи должны выставлять требованіе права голоса также для женщинъ; онѣ должны поддерживать это требованіе въ своей принципіальной пропагандѣ и энергично защищать его".

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ привлекательныхъ сторонъ революціоннаго движенія въ Россіи было до сихъ поръ сознательное участіе въ немъ многихъ женщинъ. Имена С. Бардиной, В. Засуличъ и С. Перовской смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ наиболѣе прославившимися въ нашемъ движеніи мужскими именами. Уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка передовые люди нашей интеллигенціи свободны были отъ буржуазныхъ взглядовъ на „призваніе женщины". Знаменитые въ исторіи нашей страны шестидесятые и семидесятые годы еще болѣе сдѣлали для разрушенія этихъ узкихъ взглядовъ. И хотя въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ мы въ этомъ отношеніи, — какъ и во многихъ другихъ, — довольно сильно попятились назадъ, но все-таки у насъ даже въ откровенно-буржуазной средѣ нерѣдко смотрятъ на женскій вопросъ разумнѣе, чѣмъ въ такой же средѣ на Западѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать почему это такъ, а не иначе. Я хочу только обратить вниманіе россійскихъ революціонеровъ — рабочихъ на то, что они должны слѣдовать въ этомъ вопросѣ прекрасному примѣру нашей интеллигенціи. Они должны съ презрѣніемъ отвергнуть, какъ недостойный сознательныхъ пролетаріевъ, тотъ нелѣпый взглядъ, согласно которому женщина есть какъ бы низшее существо сравнительно съ мужчиной: „баба не человѣкъ". Сама экономія нынѣшняго общества, все болѣе и болѣе превращая женщину въ предметъ капиталистической эксплуатаціи, все болѣе и болѣе дѣлаетъ *работницу* товарищемъ *работника*. Теперь у насъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, есть цѣлыя отрасли промышленности, въ которыхъ число женщинъ, работающихъ по найму, не меньше, а иногда и больше числа мужчинъ. Этихъ женщинъ непремѣнно и какъ можно скорѣе надо вовлечь въ освободительное движеніе международнаго пролетаріата. Но на знамени этого пролетаріата написано, какъ извѣстно, *равенство правъ всѣхъ людей, независимо отъ національности и пола*. Поэтому, привлекая *работницъ* къ участію въ борьбѣ съ капиталомъ, *работники* должны добиваться для нихъ тѣхъ же правъ, какихъ добиваются для самихъ себя. Если сознаніе этой обязанности иногда затемняется у соціальдемократическихъ пролетаріевъ той или другой страны, — какъ это видно изъ примѣра бельгійской рабочей партіи, которая въ своей недавней борьбѣ за всеобщее избирательное право требовала его *только для мужчинъ*, — то это объясняется вреднымъ вліяніемъ оппортюнизма, очень сильнаго въ Бельгіи и всегда готоваго забыть основные соціалистическіе принципы ради успѣха данной минуты. Но въ нашей соціальдемократіи вліяніе оппортюнизма равно нулю; и это даетъ намъ новое основаніе надѣяться, что сознательные пролетаріи Россіи не повторятъ ошибки своихъ бельгійскихъ товарищей.

Переходя къ вопросу о *трэстахъ*, я замѣчу, что онъ разсматривался уже на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., но по желанію американской Socialist Labor Party (Соціалистической Рабочей Партіи) его въ нынѣшнемъ году снова поставили на очередь. И не удивительно, что наши американскіе товарищи интересуются имъ особенно сильно: нигдѣ трэсты не достигли такого колоссальнаго развитія и нигдѣ они не пріобрѣли такого рѣшительнаго вліянія на экономическую и политическую жизнь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Эта быстро развивающаяся страна есть классическая страна трэстовъ.

Было время, когда буржуазія энергично боролась съ феодальными *монополіями*, отстаивая *свободу конкурренціи*. На почвѣ этой борьбы выросло убѣжденіе буржуазныхъ экономистовъ въ томъ, что конкурренція составляетъ душу современной экономической жизни („competition is the life of industry"). Но діалектика буржуазнаго общества такова, что, — какъ на это указалъ еще Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи", — конкурренція, устранившая феодальныя монополіи, сама роковымъ образомъ создаетъ монополію. И наиболѣе яркимъ, наиболѣе поучительнымъ примѣромъ его новѣйшей монополіи служатъ *трэсты*. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ они господствуютъ, почти всецѣло находятся въ рукахъ немногихъ чудовищно богатыхъ капиталистовъ, настоящихъ „королей", по своему усмотрѣнію распоряжающихся производствомъ. И не только *производствомъ*. Руководители трестовъ становятся господами также и въ области *сбыта*, властно диктуя свои условія *потребителямъ*. Въ виду всего этого неудивительно, что трэсты сильно возбуждаютъ противъ себя „общественное мнѣніе" всей мелкой буржуазіи, настойчиво требующей отъ государства законодательныхъ мѣръ для борьбы съ ихъ тиранніей. Но это требованіе мелкой буржуазіи имѣетъ *консервативный* или даже *реакціонный* характеръ. Остановить развитіе трэстовъ значило бы — если бы можно было остановить его, — задержать экономическое развитіе всего современнаго общества. Вотъ почему соціалистическій пролетаріатъ всѣхъ странъ рѣшительно отвергаетъ это мелко-буржуазное требованіе. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ новѣйшей монополіей можетъ служить только переходъ въ общественную собственность организованныхъ трэстами колоссальныхъ предпріятій. „Нашимъ боевымъ крикомъ должна быть революція, а не реформа, — писалъ, напримѣръ, даже оппортюнистъ Гейлордъ Уильшайръ въ іюлѣ 1902 г., — мы требуемъ націонализаціи промышленности". Совершенно въ томъ же смыслѣ высказался парижскій международный съѣздъ 1900 года. Наконецъ, совершенно тѣмъ же духомъ проникнуто и рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, гласящее, что „соціальдемократическія партіи всѣхъ странъ никоимъ образомъ не должны участвовать въ попыткахъ мѣшать образованію трэстовъ или задерживать ихъ развитіе" и что усилія этихъ партій „должны быть направлены къ соціализаціи производства въ цѣляхъ общаго блага и уничтоженія прибыли [1]).

Амстердамскій съѣздъ призналъ—да и нельзя этого не признать, — что трэсты обостряютъ существующее въ нынѣшнемъ обществѣ противорѣчіе между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Но отъ него было далеко всякое стремленіе сгладить это противорѣчіе, „притупить" его. Нѣтъ, онъ указалъ на это обостряющееся противорѣчіе, какъ на точку опоры для революціонной дѣятельности, объявивъ, что такъ какъ трэсты являются угрозой профессіональнымъ организаціямъ пролетаріата, то „рабочіе всего міра должны противопоставить капиталистамъ свою организованную силу, — національную и международную, — какъ единственное оружіе противъ капиталистической эксплуатаціи и единственное средство уничтожить буржуазное общество, замѣнивъ его соціалистическимъ".

Гегель говаривалъ: „Der Widerspruch ist das Fortleitende" (противорѣчіе ведетъ впередъ). Эта мысль великаго философа лежитъ въ основѣ всей „соціальной политики" пролетаріата. Хотя въ средѣ этого класса и немного можно найти людей, знакомыхъ съ философіей Гегеля, но чѣмъ яснѣе сознаетъ онъ свое революціонное историческое призваніе, тѣмъ тверже становится его убѣжденіе въ томъ, что залогъ его побѣды заключается не въ „*притупленіи*", а именно въ *обостреніи* свойственныхъ нынѣшнему обществу противорѣчій. И въ этомъ состоитъ главнѣйшая отличительная черта его „соціально-политическаго" взгляда отъ взгляда мелкой буржуазіи, которая неудержимо и непрестанно стремится „смягчать" и „притуплять". Мелкая буржуазія консервативна по своему существу, хотя она, — при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ, — способна пр бы не оттолкнуть своимъ радикализмомъ Стаховичей и Шиповыхъ — этотъ „идеализмъ“, основной посылкой котораго является идейная реакція противъ единственнаго идеалистическаго движенія нашей эпохи — противъ соціализма — не способенъ заразить своимъ дѣланнымъ „энтузіазмомъ“ ни одного общественнаго класса.

---

[1]) Спѣшу отмѣтить здѣсь, что въ мою вторую статью объ амстердамскомъ съѣздѣ, по ошибкѣ корректора, закралась опечатка, которую мнѣ хотѣлось бы исправить. Именно, въ рукописи я употребилъ выраженіе: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива", давъ понять, что я употребляю его вслѣдъ *за Гоголемъ*. Въ печати оно оказалось приписаннымъ *Крылову*. Моей вины тутъ нѣтъ.

[1]) Это рѣшеніе напечатано вмѣстѣ съ другими въ № 7 „Искры".

Есть ли какія нибудь серьезныя основанія бояться того, что „матеріалистическое отношеніе къ собственному дѣлу“ подорветъ „революціонный энтузіазмъ“ народныхъ массъ и тѣмъ ослабитъ энергію ихъ борьбы за „буржуазную“ свободу?

Если „идеалистическій“ скептицизмъ современнаго либерала къ „этической“ относительности всѣхъ реальныхъ формъ общежитія, всѣхъ правовыхъ и соціальныхъ нормъ, не убиваетъ энтузіазма въ борьбѣ за уничтоженіе пережившихъ себя учрежденій и отношеній, то почему бы матеріалистическому скептицизму соціалиста къ *исторической* относительности идеаловъ буржуазной свободы подрывать энергію въ той-же борьбѣ? Если безсознательный, политически-пассивный пролетаріатъ беззавѣтно проливалъ кровь за „отвлеченно-обоснованную“ свободу, то почему пролетаріатъ сознательный не сможетъ отдать свою кровь за весьма „относительную“ и весьма конкретную демократическую республику, которая вручитъ ему всѣ средства къ борьбѣ за освобожденіе отъ капитализма?

Онъ сможетъ, и онъ сдѣлаетъ это тѣмъ рѣшительнѣе и съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ яснѣе будетъ представлять себѣ громадность дѣла своего освобожденія и чѣмъ болѣе реалистически будетъ цѣнить значеніе всѣхъ завоеваній, которыя могутъ облегчить это дѣло. И революціонный энтузіазмъ, о которомъ такъ хлопочутъ демократы, будетъ присутствовать въ этой борьбѣ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ обильнѣе будетъ она поддерживаться неизсякаемымъ питомникомъ революціонной энергіи въ современномъ обществѣ — *классовой борьбой пролетаріата*. Въ отличіе отъ тѣхъ искусственныхъ питомниковъ, въ которыхъ фабрикуются паровыя цыплята современнаго буржуазнаго „идеализма“, — этотъ источникъ не имѣетъ конца — пока соціальныя противорѣчія продолжаютъ накоплять революціонную энергію въ томъ классѣ, реальные интересы котораго совпадаютъ съ интересами общественнаго развитія. Пытаться временно задержать притокъ въ народныя массы *этой* энергіи — оторвавъ ихъ политическое движеніе отъ его класовой основы — значитъ, самымъ вѣрнымъ образомъ вредить дѣлу революціи, дѣлу свободы.

ЯВЛЕНІЕ ЛИБЕРАЛОВЪ НАРОДУ.

„Освобожденцы“ обратились къ народу съ прокламаціей о войнѣ и конституціи. Либералы, которые именемъ народа привыкли ходатайствовать передъ самодержавіемъ, непреклонною силою вещей вынуждены аппелировать къ народу отъ самодержавія. „Народъ“, вызванный соціальдемократіей къ политической жизни, заставилъ себя признать — сперва самодержавіе, затѣмъ русскихъ „радикаловъ“ старой вѣры и, наконецъ, либераловъ. Изъ третьяго лица онъ превращается для всѣхъ во второе. Говорятъ не только о немъ, говорятъ съ нимъ. Его убѣждаютъ, его призываютъ, его содѣйствія ищутъ.

Обращеніе „освобожденцевъ“ съ программной прокламаціей къ народу — крупный политическій шагъ. „Освобожденіе“, неоффиціальный центральный органъ либеральной партіи, санкціонируетъ это обращеніе либераловъ и придаетъ ему значеніе боевого акта цѣлой партіи.

Въ историческую минуту, требующей высшей опредѣленности и рѣшительности, либералы переступаютъ „порочный кругъ“ пассивности и легальности и спускаются внизъ съ Vademecum'омъ въ рукахъ. Прокламація написана для массы, старается говорить языкомъ, понятнымъ массѣ, и взываетъ къ интересамъ массы.

Что-же говорятъ либералы народу?

Они говорятъ ему, что война никому не нужна, что царь не хотѣлъ ея, что царь миролюбивъ. Они это доподлинно знаютъ. Они говорятъ далѣе, что царя соблазнили дурные совѣтники, не освѣдомляющіе своего „государя“ объ истинныхъ нуждахъ народа, ибо „иные изъ вельможъ государственныя дѣла ведутъ не по совѣсти, а по корысти, для своего кармана и для почестей, а иные изъ вельможъ — глупы“. Чтобы помочь дѣлу, нужно созвать народныхъ представителей. Царь отъ нихъ будетъ узнавать правду, „какъ это было изрѣдка встарину, когда русскіе цари жили въ Москвѣ“. Управлять дѣлами будутъ всѣ сообща — государь, министры и собраніе народныхъ представителей“.

Такъ строютъ свободную Россію либералы. Они берутъ подъ свою защиту царя и, вмѣстѣ съ нимъ, и монархію. Въ своей конституціи они отводятъ царю красный уголъ. Они созываютъ собраніе народныхъ представителей не для выраженія *суверенной* воли народа, а въ помощь *монарху*. Но если царь дѣйствительно нуждается теперь въ такой помощи, то нуждается ли народъ въ царѣ? Если безъ конституціи уже не обойтись Романову, то неужели же и конституція не обойтись безъ Романова? Либералы не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, потому что не осмѣливаются даже его поставить. Царь царствовалъ, царствуетъ и будетъ царствовать. Партія „освобожденія“, еще не побѣжденная въ борьбѣ съ монархіей, еще не приступившая къ этой борьбѣ, на глазахъ всего русскаго народа, становится на колѣни предъ носителемъ власти божьей милостью. Таковъ ея либерализмъ!

Вокругъ трона, за которымъ признается неприкосновенное право исторической традиціи, должны расположиться ея народные представители. Но какой „народъ“ будутъ они представлять по росписанію либераловъ? Народъ *земствъ* и *думъ*? — за которыми тоже вѣдь неприкосновенное право исторической традиціи... Будетъ ли представленъ народъ „безъ традицій“, народъ безъ сословныхъ, имущественныхъ и образовательныхъ привиллегій? Мы спрашиваемъ: тѣ представители, которые призваны спасать народъ и монархію, будутъ ли они выбираться на началахъ *общаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права*? Мы спрашиваемъ либераловъ прямо и рѣшительно, и мы сумѣемъ заставить ихъ дать народу столь же прямой и рѣшительный отвѣтъ на нашъ вопросъ. Въ воззваніи на этотъ счетъ не сказано ни слова. И это, разумѣется, тоже отвѣтъ, хотя и не прямой и не рѣшительный. Онъ означаетъ, что либералы отказываютъ народу, къ которому обращаются, въ политическихъ правахъ. Иначе они не молчали бы. Политическихъ правъ не даютъ народу сюрпризомъ. Когда о нихъ молчатъ, значитъ ихъ не хотятъ дать. И это — прежде еще, чѣмъ монархія успѣла предложить „либераламъ“ условія, на которыхъ было бы выгодно продать народъ!

Таковъ ихъ демократизмъ!

Они не смѣютъ сказать: долой корону! потому что у нихъ нѣтъ отваги противопоставить принципъ принципу, республику — монархіи. Еще до борьбы за новую Россію, они протягиваютъ руки для соглашенія съ коронованнымъ представителемъ старой Россіи. Они опираются на примѣръ сословно-совѣщательныхъ Земскихъ Соборовъ въ прошломъ, вмѣсто того, чтобы взывать къ торжественному провозглашенію народной воли въ будущемъ. Словомъ: они аппелируютъ къ анти-революціонной традиціи русской исторіи, вмѣсто того, чтобы создать историческую традицію русской революціи. Такова ихъ политическая отвага!

Итакъ, русское конституціонное правительство составляетъ: „*государь* (неизвѣстно, для чего нужный), *министры* (неизвѣстно, передъ кѣмъ отвѣтственные) *и собраніе народныхъ представителей* (неизвѣстно, какой „народъ“ представляющихъ).“

Стоитъ организовать на этихъ началахъ государственную власть, и тогда — здѣсь начинается центральное мѣсто либеральнаго vademecum'а — и тогда всѣ вопросы разрѣшатся сами собою, всѣ невзгоды и всѣ бѣды русскаго народа сниметъ, какъ рукой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народу удавалось добиться конституціи, онъ, по словамъ прокламаціи, „вездѣ устраивалъ себѣ правые суды, уравнивалъ подати и облегчалъ налоги, уничтожалъ взяточничество, открывалъ для дѣтей своихъ училища, и *быстро богатѣлъ*... И еслибъ и русскій народъ, такъ пишутъ либералы, потребовалъ себѣ и добился отъ царя конституціи, то и онъ избавился бы *отъ оскудѣнія, разоренія и всякихъ притѣсненій* точно такъ же, какъ избавились отъ него и другіе народы... Когда будетъ въ Россіи конституція, то народъ черезъ своихъ представителей, навѣрное, отмѣнитъ паспорты, заведетъ хорошіе суды и управленіе, упразднитъ самовластныхъ чиновниковъ въ родѣ земскихъ начальниковъ, и въ мѣстныхъ дѣлахъ будетъ управляться своими свободно выбранными людьми, заведетъ множество школъ, такъ что *всякій сможетъ получить высшее образованіе*, освободиться отъ *всякой тѣсноты*, наказаній розгами (послѣ полученія „высшаго образованія“?) и заживетъ *въ довольствѣ*. Словомъ, при конституціи, т. е. при управленіи страною царя вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ представителей, народъ будетъ свободенъ и добьется *настоящей, хорошей жизни*.“

Такъ пишутъ либералы.

Конституціонное ограниченіе царской власти не только спасетъ отъ розги и нагайки, но и обезпечитъ отъ бѣдности, лишеній, экономическаго гнета и дастъ возможность „быстро богатѣть“, — вотъ мысль, которую они хотятъ внушить народу. Присоединить къ царю Земскій Соборъ, — и нѣтъ вопросовъ нищеты, гнета, безработицы, проституціи, пролетаризаціи народныхъ массъ, преступности и невѣжества. Такъ говорятъ либералы. Но говорить такъ, значитъ явно и беззастѣнчиво издѣваться надъ всей соціальной дѣйствительностью, называть черное бѣлымъ, горькое сладкимъ, значитъ закрывать глаза — себѣ и другимъ — на опытъ всей той исторіи, которую буржуазная Европа продѣлала въ теченіе послѣдняго столѣтія, значитъ попирать ногами кричащіе факты, игнорировать все, что образованный человѣкъ можетъ узнать изъ любой европейской газеты, — значитъ спекулировать единственно на невѣжество русской народной массы, на египетскую тьму полицейскаго государства да на низкій уровень политической морали въ рядахъ собственной партіи. Это значитъ замѣнять обращеніе — извращеніемъ, агитацію — демагогіей, политическую конкурренцію — недобросовѣстной спекуляціей. Это значитъ увѣренно идти къ превращенію собственной партіи, которая идеологически является представительницей „народа“, въ простую клику, сознательно эксплуатирующую темноту народа. Мы говоримъ это со всей энергіей, — и наши слова долженъ услышать не только каждый революціонный пролетарій, но и каждый русскій либералъ.

Прокламацію писали образованные люди. Они знаютъ, что ничего изъ того, о чемъ они говорятъ народу, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Они знаютъ, что и послѣ того, какъ царь рѣшится опереться на Земскій Соборъ, порядокъ на Руси останется буржуазный. Они знаютъ, отлично знаютъ, что конституція не спасетъ маленькаго собственника отъ пролетаризаціи, не даетъ безработному работу, не охраняетъ рабочаго ни отъ нищеты, ни отъ развращенія. Они знаютъ, что высшее образованіе доступно не всѣмъ, что оно есть монополія имущихъ. Они все это знаютъ, — читали, видѣли, сами говорили и писали, — знаютъ, не могутъ не знать. — Вы, напр., г. Струве, вы, который одобряете „этотъ простой по формѣ и вразумительный по содержанію призывъ“, отвѣтьте прямо въ „Освобожденіи“: знаете вы все это или нѣтъ? — Да, они знаютъ это. Но, сверхъ того, они знаютъ, что народъ, къ которому они обращаются, этого еще не знаетъ. И они говорятъ народу то, чего нѣтъ, и то, во что они сами не вѣрятъ. Они лгутъ народу. Они обманываютъ народъ.

Неужели они не подумали, что у самаго порога ихъ встрѣтитъ соціальдемократія? Что она позаботится о томъ, чтобъ свести ихъ на очную ставку съ исторической истиной? Они должны были бы хоть это предвидѣть. Но въ прокламаціи они не произнесли даже имени соціальдемократіи. Они пытаются разговаривать съ народомъ черезъ голову той партіи, которая, задолго до ихъ выступленія, говорила съ народомъ о тѣхъ же вопросахъ, но говорила иначе, которая заставила ихъ самихъ обратиться къ народу. Надо думать, они понимаютъ, что они вступили на путь прямой и непосредственной политической борьбы съ соціальдемократіей. Нашей партіи не страшенъ такой противникъ!

Съ суевѣрной почтительностью предъ монархіей, съ недовѣріемъ къ демократіи, безъ политическаго энтузіазма, безъ оппозиціонной энергіи — „безъ иниціативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ мирового историческаго призванія, не довѣряя собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей“, таковъ этотъ противникъ, сознательно или безсознательно бросившій вызовъ партіи рабочихъ массъ.

Соціальдемократія приметъ вызовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НОВОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

Къ концу іюня всѣмъ сидящимъ стало извѣстно, что впредь дѣла о политическихъ будутъ разбираться въ новомъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства и уложенія о наказаніяхъ за государственныя преступленія. Сомнѣвались только, будутъ ли вновь разсмотрѣны въ этомъ порядкѣ старыя дѣла, возникшія за годъ и болѣе до того и находившіяся уже въ министерствѣ юстиціи или внутреннихъ дѣлъ; но скоро всѣ эти сомнѣнія разсѣялись — и мы узнали, что всѣ дѣла, по которымъ многіе сидѣли п

никнуться нѣкоторыми, правда, чрезвычайно поверхностными революціонными стремленіями.

Припомните, читатель, нашихъ народниковъ съ ихъ толками о томъ, что у насъ надо остановить развитіе капитализма, „закрѣпить общину“, упрочить старые „устои“ и такъ далѣе, и судите сами, о томъ, въ какой мѣрѣ „идеалы“ этихъ добрыхъ, но неразумныхъ людей выражали собой революціонныя идеи нашего времени. Охотно предоставляю вамъ судить и о томъ, насколько *революціонны* нынѣшнія попытки г.г. „соціалистовъ-революціонеровъ“ воскресить народническіе „идеалы“.

Разъ заговоривъ о „соціальной политикѣ“ пролетаріата, естественно упомянуть о рѣшеніи, принятомъ въ Амстердамѣ по вопросу, „соціально-политическій“ характеръ котораго сказался даже въ его формулировкѣ, т. е. по вопросу *о соціальной политикѣ и о страхованіи рабочихъ*. Сущность этого рѣшенія сводится къ требованію „такихъ учрежденій, которыя по возможности предотвращали бы болѣзни, несчастные случаи и инвалидность[1]) рабочихъ и, — примѣненіемъ законовъ объ обязательномъ страхованіи, — обезпечивали бы имъ право полученія средствъ, достаточныхъ для существованія и пользованія врачебной помощью въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь, несчастный случай, инвалидность, старость, беременность, роды или безработица лишатъ ихъ возможности пользоваться своей рабочей силой“. По поводу этого требованія возникла очень интересная полемика въ германской соціальдемократической печати. Нечего и говорить, что германскіе соціальдемократы единогласно признаютъ необходимость такихъ законовъ, которые по возможности ограждали бы здоровье и рабочую силу пролетаріата: еще „Старый Интернаціоналъ“ вполнѣ основательно находилъ, что законы этого рода, улучшая матеріальное положеніе рабочаго класса, въ то же время нимало не ставятъ его въ зависимость по отношенію къ буржуазному государству. Но что касается собственно страхованія рабочихъ, то лѣвое крыло германской соціальдемократіи недовѣрчиво относится ко всѣмъ проектамъ, предполагающимъ усиленіе государственнаго вліянія въ этой области. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ амстердамскаго съѣзда строго-марксистская „Leipziger Volkszeitung“ (Лейпцигская Народная Газета) писала, что государственное страхованіе рабочихъ отъ безработицы способно подорвать значеніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и тѣмъ ослабить освободительное движеніе пролетаріата. Вслѣдствіе этого, мѣра, полезная съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ этого класса, можетъ оказаться вредной съ точки зрѣнія его конечной цѣли: полнаго освобожденія его отъ ига капитала. И это справедливо. А такъ какъ соціальдемократы, отстаивая ближайшіе интересы рабочаго класса, обязаны въ то же время не упускать изъ виду будущность его освободительнаго движенія, то необходимо признать, что опасенія, высказанныя „Leipziger Volkszeitung“, заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны всей революціонной соціальдемократіи. Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что всѣ и всякіе проекты страхованія рабочихъ отъ безработицы должны быть осуждены разъ на всегда. Мнѣ только хочется замѣтить, что при оцѣнкѣ проектовъ этого рода, — какъ и всѣхъ вообще проектовъ, относящихся къ области „соціальной политики“, — мы всегда должны помнить, что мы имѣемъ право поддерживать ихъ только въ томъ случаѣ, если они не увеличиваютъ зависимости рабочихъ отъ государственной власти. Помнить это особенно полезно намъ, соціальдемократамъ той страны, гдѣ „передовая“ интеллигенція, не смотря на свое стремленіе къ почти анархической „свободѣ“, — а очень можетъ быть, именно благодаря ему — не рѣдко съ большой настойчивостью добивалась расширенія опеки нашего полицейскаго государства надъ производителями.

Вопросъ объ отношеніи международной соціальдемократіи къ *колоніальной политикѣ* современныхъ капиталистическихъ странъ тѣсно связанъ съ разсмотрѣннымъ мною въ предыдущей статьѣ знаменитымъ вопросомъ *о международныхъ правилахъ соціалистической политики*. До послѣдняго времени соціальдемократы всѣхъ странъ считали своей несомнѣнной обязанностью противиться всѣмъ колоніальнымъ затѣямъ алчной буржуазіи и всѣмъ государственнымъ издержкамъ на колоніи. Но „ревизіонизмъ“ и здѣсь явился противникомъ старой революціонной „догмы“. Г. Бернштейнъ уже лѣтъ шесть тому назадъ пытался убѣдить своихъ соціальдемократическихъ читателей, что возставать противъ буржуазной колоніальной политики значитъ идти въ разрѣзъ съ требованіями цивилизаціи. Но уже парижскій съѣздъ 1900 г. своимъ рѣшеніемъ по вопросу о колоніальной политикѣ показалъ, что международная соціальдемократія продолжаетъ иначе смотрѣть на это дѣло. Амстердамскій съѣздъ высказался не менѣе ясно и рѣшительно. Онъ рѣзко осудилъ „капиталистическую эксплуатацію непрерывно расширяющихся колоніальныхъ владѣній“ и громко высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что она, — подвергая населеніе колоній тяжелому и нерѣдко кровавому гнету, — вмѣстѣ съ тѣмъ не приноситъ ему ничего, кромѣ усиленія его бѣдствій. Согласно принятому съѣздомъ рѣшенію, *пролетаріатъ долженъ стремиться къ полной эмансипаціи колоній*. И это рѣшеніе, вполнѣ достойное современнаго международнаго соціализма, *является новымъ пораженіемъ оппортюнистовъ*.

А всеобщая стачка?

Я сказалъ, что вопросъ о ней по своей важности не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики. И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Если въ Амстердамѣ о ней спорили не такъ долго и, главное, — не такъ страстно, какъ о „дрезденской резолюціи“, то это произошло потому, что намъ, лѣвому крылу соціальдемократіи, *нельзя подойти ни къ одному вопросу революціонной тактики, не покончивъ предварительно съ „ревизіонизмомъ“, отвергающимъ почти всякую мысль о соціальной революціи*. Будущимъ международнымъ съѣздамъ много придется толковать о всеобщей стачкѣ: вопросъ о ней дѣлается тѣмъ насущнѣе, чѣмъ могущественнѣе становится освободительное движеніе пролетаріата. Это несомнѣнно, и это всѣ чувствуютъ. Но напрасно гг. анархисты умозаключаютъ отсюда, что революціонный пролетаріатъ все болѣе и болѣе будетъ усваивать себѣ анархическую тактику. Совсѣмъ напротивъ! Обстоятельное обсужденіе вопроса о всеобщей стачкѣ ясно покажетъ революціонному пролетаріату, какъ утопично и какъ несостоятельно анархическое представленіе о ней. И чѣмъ правильнѣе будетъ смотрѣть этотъ пролетаріатъ на всеобщую стачку, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ онъ осуждать теорію и практику анархистовъ.

Въ глазахъ анархистовъ, всеобщая стачка имѣетъ смыслъ только какъ средство совершить *соціальную революцію*. „Въ виду того, что она (всеобщая стачка) потребуетъ огромныхъ жертвъ, — говоритъ Э. Жиро въ своей брошюрѣ „La grève générale révolution“, — мы можемъ признать ее только ради полной революціи (avec ses fins de totale révolution). А для того, чтобы примѣненіе этого средства не было заранѣе осуждено на неудачу, она не должна быть „*политической стачкой*“. Тотъ же Э. Жиро въ той же брошюрѣ рѣшительно отвергаетъ всеобщую „политическую стачку“, называя ее средствомъ „одураченія“ рабочихъ. Онъ полагаетъ, что сторонники такой стачки всегда представляютъ ее себѣ, какъ мирную стачку на законномъ основаніи, какъ стачку „скрещенныхъ рукъ“; а онъ „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами“, одобряетъ только „экономическую, революціонную, насильственную“ всеобщую стачку. Прибавлю къ этому, что, по мнѣнію Э. Жиро, сторонники революціонной всеобщей стачки не должны сочувствовать и политической борьбѣ рабочаго класса въ современномъ обществѣ; онъ совѣтуетъ совсѣмъ оставить политику („Pas de politique“), сожалѣя лишь, что въ нынѣшнихъ профессіональныхъ союзахъ французскихъ рабочихъ (въ „синдикатахъ“), немного найдется людей, въ самомъ дѣлѣ слѣдующихъ этому совѣту[1]).

Эти взгляды основаны по большей части на самыхъ вопіющихъ недоразумѣніяхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о *всеобщей* стачкѣ, полезно вспомнить, что представляетъ собою стачка *обыкновенная*.

Извѣстно, что стачкой называется коллективный отказъ отъ работы рабочихъ одного, нѣсколькихъ или многихъ капиталистическихъ предпріятій. Слѣдовательно, стачка *предполагаетъ* буржуазныя отношенія производства: она предполагаетъ, что при обычномъ ходѣ дѣлъ рабочая сила выносится на рынокъ, *какъ товаръ*. И состоитъ она въ томъ, что этотъ обычный ходъ дѣлъ нарушается: *товаръ вступаетъ въ борьбу съ покупателемъ*. Но онъ *не перестаетъ быть товаромъ*, потому что для него побѣда означаетъ *не больше, какъ повышеніе его цѣны*. Значитъ, стачка предполагаетъ не только *существованіе* капиталистическихъ отношеній производства: она предполагаетъ также *продолженіе ихъ существованія*. *Стачка есть одинъ изъ способовъ классовой борьбы на основѣ нынѣшняго порядка вещей*. Это очевидно. *Революція же*, къ которой стремится сознательный пролетаріатъ, должна устранить этотъ порядокъ: *замѣнить капиталистическія отношенія производства соціалистическими*, при которыхъ рабочая сила уже не будетъ товаромъ. Какимъ же образомъ эта замѣна можетъ явиться результатомъ такого способа борьбы, который предполагаетъ существованіе и продолженіе существованія буржуазнаго порядка? Чтобы совершить эту революцію, одной стачки, хотя бы и *всеобщей*, недостаточно: пролетаріату нужно не только отказаться продавать свою рабочую силу, но и обратить въ общественную собственность средства производства, принадлежащія теперь капиталистамъ. Это тоже очевидно, и это признаетъ, „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами“, и Э. Жиро, рѣзко осуждающій стачку „скрещенныхъ рукъ“. Но обращеніе средствъ производства выходитъ далеко за предѣлы того дѣйствія, — лучше было бы сказать: того отсутствія дѣйствія, — которое называется *стачкой*: чтобы „экспропріировать экспропріаторовъ“, пролетаріату необходимо сломить сопротивленіе господствующихъ классовъ, т. е. разбить *ихъ политическую силу* и организовать *такую защиту новаго экономическаго порядка, которая была бы способна подавить всякія попытки капиталистической контръ-революціи*. Стало быть, „экономичеы не оттолкнуть своимъ радикализмомъ Стаховичей и Шиповыхъ — этотъ „идеализмъ", основной посылкой котораго является идейная реакція противъ единственнаго идеалистическаго движенія нашей эпохи — противъ соціализма — не способенъ заразить своимъ дѣланнымъ „энтузіазмомъ" ни одного общественнаго класса.

---

[1]) Т. е. утрату рабочей силы.

[1]) См. 47 стр. названной брошюры.

Есть ли какія нибудь серьезныя основанія бояться того, что „матеріалистическое отношеніе къ собственному дѣлу" подорветъ „революціонный энтузіазмъ" народныхъ массъ и тѣмъ ослабитъ энергію ихъ борьбы за „буржуазную" свободу?

Если „идеалистическій" скептицизмъ современнаго либерала къ „этической" относительности всѣхъ реальныхъ формъ общежитія, всѣхъ правовыхъ и соціальныхъ нормъ, не убиваетъ энтузіазма въ борьбѣ за уничтоженіе пережившихъ себя учрежденій и отношеній, то почему бы матеріалистическому скептицизму соціалиста къ *исторической* относительности идеаловъ буржуазной свободы подрывать энергію въ той-же борьбѣ? Если безсознательный, политически-пассивный пролетаріатъ беззавѣтно проливалъ кровь за „отвлеченно-обоснованную" свободу, то почему пролетаріатъ сознательный не сможетъ отдать свою кровь за весьма „относительную" и весьма конкретную демократическую республику, которая вручитъ ему всѣ средства въ борьбѣ за освобожденіе отъ капитализма?

Онъ сможетъ, и онъ сдѣлаетъ это тѣмъ рѣшительнѣе и съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ яснѣе будетъ представлять себѣ громадность дѣла своего освобожденія и чѣмъ болѣе реалистически будетъ цѣнить значеніе всѣхъ завоеваній, которыя могутъ облегчить это дѣло. И революціонный энтузіазмъ, о которомъ такъ хлопочутъ демократы, будетъ присутствовать въ этой борьбѣ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ обильнѣе будетъ она поддерживаться неизсякаемымъ питомникомъ революціонной энергіи въ современномъ обществѣ — *классовой борьбой пролетаріата*. Въ отличіе отъ тѣхъ искусственныхъ питомниковъ, въ которыхъ фабрикуются паровыя цыплята современнаго буржуазнаго „идеализма", — этотъ источникъ не имѣетъ конца — пока соціальныя противорѣчія продолжаютъ накоплять революціонную энергію въ томъ классѣ, реальные интересы котораго совпадаютъ съ интересами общественнаго развитія. Пытаться временно задержать притокъ въ народныя массы *этой* энергіи — оторвавъ ихъ политическое движеніе отъ его класовой основы — значитъ, самымъ вѣрнымъ образомъ вредить дѣлу революціи, дѣлу свободы.

ЯВЛЕНІЕ ЛИБЕРАЛОВЪ НАРОДУ.

„Освобожденцы" обратились къ народу съ прокламаціей о войнѣ и конституціи. Либералы, которые именемъ народа привыкли ходатайствовать передъ самодержавіемъ, непреклонною силою вещей вынуждены апеллировать къ народу отъ самодержавія. „Народъ", вызванный соціальдемократіей къ политической жизни, заставилъ себя признать — сперва самодержавіе, затѣмъ русскихъ „радикаловъ" старой вѣры и, наконецъ, либераловъ. Изъ третьяго лица онъ превращается для всѣхъ во второе. Говорятъ не только о немъ, говорятъ съ нимъ. Его убѣждаютъ, его призываютъ, его содѣйствія ищутъ.

Обращеніе „освобожденцевъ" съ программной прокламаціей къ народу — крупный политическій шагъ. „Освобожденіе", неоффиціальный центральный органъ либеральной партіи, санкціонируетъ это обращеніе либераловъ и придаетъ ему значеніе боевого акта цѣлой партіи.

Въ историческую минуту, требующей высшей опредѣленности и рѣшительности, либералы переступаютъ „порочный кругъ" пассивности и легальности и спускаются внизъ съ Vademecum'омъ въ рукахъ. Прокламація написана для массы, старается говорить языкомъ, понятнымъ массѣ, и взываетъ къ интересамъ массы.

Что-же говорятъ либералы народу?

Они говорятъ ему, что война никому не нужна, что царь не хотѣлъ ея, что царь миролюбивъ. Они это доподлинно знаютъ. Они говорятъ далѣе, что царя соблазнили дурные совѣтники, не освѣдомляющіе своего „государя" объ истинныхъ нуждахъ народа, ибо „иные изъ вельможъ государственныя дѣла ведутъ не по совѣсти, а по корысти, для своего кармана и для почестей, а иные изъ вельможъ — глупы". Чтобы помочь дѣлу, нужно созвать народныхъ представителей. Царь отъ нихъ будетъ узнавать правду, „какъ это было изрѣдка встарину, когда русскіе цари жили въ Москвѣ". Управлять дѣлами будутъ всѣ сообща — государь, министры и собраніе народныхъ представителей".

Такъ строютъ свободную Россію либералы. Они берутъ подъ свою защиту царя и, вмѣстѣ съ нимъ, и монархію. Въ своей конституціи они отводятъ царю красный уголъ. Они созываютъ собраніе народныхъ представителей не для выраженія *суверенной* воли народа, а въ помощь *монарху*. Но если царь дѣйствительно нуждается теперь въ такой помощи, то нуждается ли народъ въ царѣ? Если безъ конституціи уже не обойтись Романову, то неужели же и конституціи не обойтись безъ Романова? Либералы не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, потому что не осмѣливаются даже его поставить. Царь царствовалъ, царствуетъ и будетъ царствовать. Партія „освобожденія", еще не побѣжденная въ борьбѣ съ монархіей, еще не приступившая къ этой борьбѣ, на глазахъ всего русскаго народа, становится на колѣни предъ носителемъ власти божьей милостью. Таковъ ея либерализмъ!

Вокругъ трона, за которымъ признается неприкосновенное право исторической традиціи, должны расположиться ея народные представители. Но какой „народъ" будутъ они представлять по росписанію либераловъ? Народъ *земствъ* и *думъ*? — за которыми тоже вѣдь неприкосновенное право исторической традиціи... Будетъ ли представленъ народъ „безъ традицій", народъ безъ сословныхъ, имущественныхъ и образовательныхъ привиллегій? Мы спрашиваемъ: тѣ представители, которые призваны спасать народъ и монархію, будутъ ли они выбираться на началахъ *общаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права*? Мы спрашиваемъ либераловъ прямо и рѣшительно, и мы сумѣемъ заставить ихъ дать народу столь же прямой и рѣшительный отвѣтъ на нашъ вопросъ. Въ воззваніи на этотъ счетъ не сказано ни слова. И это, разумѣется, тоже отвѣтъ, хотя и не прямой и не рѣшительный. Онъ означаетъ, что либералы отказываютъ народу, къ которому обращаются, въ политическихъ правахъ. Иначе они не молчали бы. Политическихъ правъ не даютъ народу сюрпризомъ. Когда о нихъ молчатъ, значитъ ихъ не хотятъ дать. И это — прежде еще, чѣмъ монархія успѣла предложить „либераламъ" условія, на которыхъ было бы выгодно продать народъ!

Таковъ ихъ демократизмъ!

Они не смѣютъ сказать: долой корону! потому что у нихъ нѣтъ отваги противопоставить принципъ принципу, республику — монархіи. Еще до борьбы за новую Россію, они протягиваютъ руки для соглашенія съ коронованнымъ представителемъ старой Россіи. Они опираются на примѣръ сословно-совѣщательныхъ Земскихъ Соборовъ въ прошломъ, вмѣсто того, чтобы взывать къ торжественному провозглашенію народной воли въ будущемъ. Словомъ: они апеллируютъ къ анти-революціонной традиціи русской исторіи, вмѣсто того, чтобы создать историческую традицію русской революціи. Такова ихъ политическая отвага!

Итакъ, русское конституціонное правительство составляетъ: „*государь* (неизвѣстно, для чего нужный), *министры* (неизвѣстно, передъ кѣмъ отвѣтственные) *и собраніе народныхъ представителей* (неизвѣстно, какой „народъ" представляющихъ)."

Стоитъ организовать на этихъ началахъ государственную власть, и тогда — здѣсь начинается центральное мѣсто либеральнаго vademecum'а — и тогда всѣ вопросы разрѣшатся сами собою, всѣ невзгоды и всѣ бѣды русскаго народа сниметъ, какъ рукой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народу удавалось добиться конституціи, онъ, по словамъ прокламаціи, „вездѣ устраивалъ себѣ правые суды, уравнивалъ подати и облегчалъ налоги, уничтожалъ взяточничество, открывалъ для дѣтей своихъ училища, и *быстро богатѣлъ*... И еслибъ и русскій народъ, такъ пишутъ либералы, потребовалъ себѣ и добился отъ царя конституціи, то и онъ избавился бы *отъ оскудѣнія, разоренія и всякихъ притѣсненій* точно такъ же, какъ избавились отъ него и другіе народы... Когда будетъ въ Россіи конституція, то народъ черезъ своихъ представителей, навѣрное, отмѣнитъ паспорты, заведетъ хорошіе суды и управленіе, упразднитъ самовластныхъ чиновниковъ въ родѣ земскихъ начальниковъ, и въ мѣстныхъ дѣлахъ будетъ управляться своими свободно выбранными людьми, заведетъ множество школъ, такъ что *всякій сможетъ получить высшее образованіе*, освободиться отъ *всякой тѣсноты*, наказаній розгами (послѣ полученія „высшаго образованія"?) и заживетъ *въ довольствѣ*. Словомъ, при конституціи, т. е. при управленіи страною царя вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ представителей, народъ будетъ свободенъ и добьется *настоящей, хорошей жизни*."

Такъ пишутъ либералы.

Конституціонное ограниченіе царской власти не только спасетъ отъ розги и нагайки, но и обезпечитъ отъ бѣдности, лишеній, экономическаго гнета и дастъ возможность „быстро богатѣть", — вотъ мысль, которую они хотятъ внушить народу. Присоедините къ царю Земскій Соборъ, — и нѣтъ вопросовъ нищеты, гнета, безработицы, проституціи, пролетаризаціи народныхъ массъ, преступности и невѣжества. Такъ говорятъ либералы. Но говорить такъ, значитъ явно и беззастѣнчиво издѣваться надъ всей соціальной дѣйствительностью, называть черное бѣлымъ, горькое сладкимъ, значитъ закрывать глаза — себѣ и другимъ — на опытъ всей той исторіи, которую буржуазная Европа продѣлала въ теченіе послѣдняго столѣтія, значитъ попирать ногами кричащіе факты, игнорировать все, что образованный человѣкъ можетъ узнать изъ любой европейской газеты, — значитъ спекулировать единственно на невѣжество русской народной массы, на египетскую тьму полицейскаго государства да на низкій уровень политической морали въ рядахъ собственной партіи. Это значитъ замѣнять обращеніе — извращеніемъ, агитацію — демагогіей, политическую конкурренцію — недобросовѣстной спекуляціей. Это значитъ увѣренно идти къ превращенію собственной партіи, которая идеологически является представительницей „народа", въ простую клику, сознательно эксплуатирующую темноту народа. Мы говоримъ это со всей энергіей, — и наши слова долженъ услышать не только каждый революціонный пролетарій, но и каждый русскій либералъ.

Прокламацію писали образованные люди. Они знаютъ, что ничего изъ того, о чемъ они говорятъ народу, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Они знаютъ, что и послѣ того, какъ царь рѣшится опереться на Земскій Соборъ, порядокъ на Руси останется буржуазный. Они знаютъ, отлично знаютъ, что конституція не спасетъ маленькаго собственника отъ пролетаризаціи, не даетъ безработному работу, не охраняетъ рабочаго ни отъ нищеты, ни отъ развращенія. Они знаютъ, что высшее образованіе доступно не всѣмъ, что оно есть монополія имущихъ. Они все это знаютъ, — читали, видѣли, сами говорили и писали, — знаютъ, не могутъ не знать. — Вы, напр., г. Струве, вы, который одобряете „этотъ простой по формѣ и вразумительный по содержанію призывъ", отвѣтьте прямо въ „Освобожденіи": знаете вы все это или нѣтъ? — Да, они знаютъ это. Но, сверхъ того, они знаютъ, что народъ, къ которому они обращаются, этого еще не знаетъ. И они говорятъ народу то, чего нѣтъ, и то, во что они сами не вѣрятъ. Они лгутъ народу. Они обманываютъ народъ.

Неужели они не подумали, что у самаго порога ихъ встрѣтитъ соціальдемократія? Что она позаботится о томъ, чтобъ свести ихъ на очную ставку съ исторической истиной? Они должны были бы хоть это предвидѣть. Но въ прокламаціи они не произнесли даже имени соціальдемократіи. Они пытаются разговаривать съ народомъ черезъ голову той партіи, которая, задолго до ихъ выступленія, говорила съ народомъ о тѣхъ же вопросахъ, но говорила иначе, которая заставила ихъ самихъ обратиться къ народу. Надо думать, они понимаютъ, что они вступили на путь прямой и непосредственной политической борьбы съ соціальдемократіей. Нашей партіи не страшенъ такой противникъ!

Съ суевѣрной почтительностью предъ монархіей, съ недовѣріемъ къ демократіи, безъ политическаго энтузіазма, безъ оппозиціонной энергіи — „безъ иниціативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ мірового историческаго призванія, не довѣряя собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей", таковъ этотъ противникъ, сознательно или безсознательно бросившій вызовъ партіи рабочихъ массъ.

Соціальдемократія приметъ вызовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НОВОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

Къ концу іюня всѣмъ сидящимъ стало извѣстно, что впредь дѣла о политическихъ будутъ разбираться въ новомъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства и уложенія о наказаніяхъ за государственныя преступленія. Сомнѣвались только, будутъ ли вновь разсмотрѣны въ этомъ порядкѣ старыя дѣла, возникшія за годъ и болѣе до того и находившіяся уже въ министерствѣ юстиціи или внутреннихъ дѣлъ; но скоро всѣ эти сомнѣнія разсѣялись — и мы узнали, что всѣ дѣла, по которымъ многіе сидѣли п

никнуться нѣкоторыми, правда, чрезвычайно поверхностными революціонными стремленіями.

Припомните, читатель, нашихъ народниковъ съ ихъ толками о томъ, что у насъ надо остановить развитіе капитализма, „закрѣпить общину", упрочить старые „устои" и такъ дальше, и судите сами, о томъ, въ какой мѣрѣ „идеалы" этихъ добрыхъ, но неразумныхъ людей выражали собой революціонныя идеи нашего времени. Охотно предоставляю вамъ судить и о томъ, насколько *революціонны* нынѣшнія попытки г.г. „соціалистовъ-революціонеровъ" воскресить народническіе „идеалы".

Разъ заговоривъ о „соціальной политикѣ" пролетаріата, естественно упомянуть о рѣшеніи, принятомъ въ Амстердамѣ по вопросу, „соціально-политическій" характеръ котораго сказался даже въ его формулировкѣ, т. е. по вопросу *о соціальной политикѣ и о страхованіи рабочихъ*. Сущность этого рѣшенія сводится къ требованію „такихъ учрежденій, которыя по возможности предотвращали бы болѣзни, несчастные случаи и инвалидность[1]) рабочихъ и, — примѣненіемъ законовъ объ обязательномъ страхованіи, — обезпечивали бы имъ право полученія средствъ достаточныхъ для существованія и пользованія врачебной помощью въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь, несчастный случай, инвалидность, старость, беременность, роды или безработица лишатъ ихъ возможности пользоваться своей рабочей силой". По поводу этого требованія возникла очень интересная полемика въ германской соціальдемократической печати. Нечего и говорить, что германскіе соціальдемократы единогласно признаютъ необходимость такихъ законовъ, которые по возможности ограждали бы здоровье и рабочую силу пролетаріата; еще „Старый Интернаціоналъ" вполнѣ основательно находилъ, что законы этого рода, улучшая матеріальное положеніе рабочаго класса, въ то же время нимало не ставятъ его въ зависимость по отношенію къ буржуазному государству. Но что касается собственно страхованія рабочихъ, то лѣвое крыло германской соціальдемократіи недовѣрчиво относится ко всѣмъ проектамъ, предполагающимъ усиленіе государственнаго вліянія въ этой области. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ амстердамскаго съѣзда строго-марксистская „Leipziger Volkszeitung" (Лейпцигская Народная Газета) писала, что государственное страхованіе рабочихъ отъ безработицы способно подорвать значеніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и тѣмъ ослабить освободительное движеніе пролетаріата. Вслѣдствіе этого, мѣра, полезная съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ этого класса, можетъ оказаться вредной съ точки зрѣнія его конечной цѣли: полнаго освобожденія его отъ ига капитала. И это справедливо. А такъ какъ соціальдемократы, отстаивая ближайшіе интересы рабочаго класса, обязаны въ то же время не упускать изъ виду будущность его освободительнаго движенія, то необходимо признать, что опасенія, высказанныя „Leipziger Volkszeitung", заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны всей революціонной соціальдемократіи. Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что всѣ и всякіе проекты страхованія рабочихъ отъ безработицы должны быть осуждены разъ на всегда. Мнѣ только хочется замѣтить, что при оцѣнкѣ проектовъ этого рода, — какъ и всѣхъ вообще проектовъ, относящихся къ области „соціальной политики", — мы всегда должны помнить, что мы имѣемъ право поддерживать ихъ только въ томъ случаѣ, если они не увеличиваютъ зависимости рабочихъ отъ государственной власти. Помнить это особенно полезно намъ, соціальдемократамъ той страны, гдѣ „передовая" интеллигенція, не смотря на свое стремленіе къ почти анархической „свободѣ", — а очень можетъ быть, именно благодаря ему, — не рѣдко съ большой настойчивостью добивалась расширенія опеки нашего полицейскаго господства надъ производителями.

Вопросъ объ отношеніи международной соціальдемократіи къ *колоніальной политикѣ* современныхъ капиталистическихъ странъ тѣсно связанъ съ разсмотрѣннымъ мною въ предыдущей статьѣ знаменитымъ вопросомъ *о международныхъ правилахъ соціалистической политики*. До послѣдняго времени соціальдемократы всѣхъ странъ считали своей несомнѣнной обязанностью противиться всѣмъ колоніальнымъ затѣямъ алчной буржуазіи и всѣмъ государственнымъ издержкамъ на колоніи. Но „*ревизіонизмъ*" и здѣсь явился противникомъ старой революціонной „*догмы*". Г. Бернштейнъ уже лѣтъ шесть тому назадъ пытался убѣдить своихъ соціальдемократическихъ читателей, что возставать противъ буржуазной колоніальной политики значитъ идти въ разрѣзъ съ требованіями цивилизаціи. Но уже парижскій съѣздъ 1900 г. своимъ рѣшеніемъ по вопросу о колоніальной политикѣ показалъ, что международная соціальдемократія продолжаетъ иначе смотрѣть на это дѣло. Амстердамскій съѣздъ высказался не менѣе ясно и рѣшительно. Онъ рѣзко осудилъ „капиталистическую эксплуатацію непрерывно расширяющихся колоніальныхъ владѣній" и громко высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что она, — подвергая населеніе колоній тяжелому и нерѣдко кровавому гнету, — вмѣстѣ съ тѣмъ не приноситъ ему ничего, кромѣ усиленія его бѣдствій. Согласно принятому съѣздомъ рѣшенію, *пролетаріатъ долженъ стремиться къ полной эмансипаціи колоній*. И это рѣшеніе, вполнѣ достойное современнаго международнаго соціализма, *является новымъ пораженіемъ оппортюнистовъ*.

А всеобщая стачка?

Я сказалъ, что вопросъ о ней по своей важности не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики. И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Если въ Амстердамѣ о ней спорили не такъ долго и, — главное, — не такъ страстно, какъ о „дрезденской резолюціи", то это произошло потому, что намъ, лѣвому крылу соціальдемократіи, *нельзя подойти ни къ одному вопросу революціонной тактики, не покончивъ предварительно съ „ревизіонизмомъ", отвергающимъ почти всякую мысль о соціальной революціи*. Будущимъ международнымъ съѣздамъ много придется толковать о всеобщей стачкѣ: вопросъ о ней дѣлается тѣмъ насущнѣе, чѣмъ могущественнѣе становится освободительное движеніе пролетаріата. Это неоспоримо, и это всѣ чувствуютъ. Но напрасно гг. анархисты умозаключаютъ отсюда, что революціонный пролетаріатъ все болѣе и болѣе будетъ усваивать себѣ анархическую тактику. Совсѣмъ напротивъ! Обстоятельное обсужденіе вопроса о всеобщей стачкѣ ясно покажетъ революціонному пролетаріату, какъ утопично и какъ несостоятельно анархическое представленіе о ней. И чѣмъ правильнѣе будетъ смотрѣть этотъ пролетаріатъ на всеобщую стачку, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ онъ осуждать теорію и практику анархистовъ.

Въ глазахъ анархистовъ, всеобщая стачка имѣетъ смыслъ только какъ средство совершить *соціальную революцію*. „Въ виду того, что она (всеобщая стачка) потребуетъ огромныхъ жертвъ, — говоритъ Э. Жиро въ своей брошюрѣ „La grève générale révolution", — мы можемъ признать ее только ради полной революціи (avec ses fins de totale révolution). А для того, чтобы примѣненіе этого средства не было заранѣе осуждено на неудачу, она не должна быть „*политической стачкой*". Тотъ же Э. Жиро въ той же брошюрѣ рѣшительно отвергаетъ всеобщую „политическую стачку", называя ее средствомъ „одураченія" рабочихъ. Онъ полагаетъ, что сторонники такой стачки всегда представляютъ ее себѣ, какъ мирную стачку на законномъ основаніи, какъ стачку „скрещенныхъ рукъ"; а онъ „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами", одобряетъ только „экономическую, революціонную, насильственную" всеобщую стачку. Прибавлю къ этому, что, по мнѣнію Э. Жиро, сторонники революціонной всеобщей стачки не должны сочувствовать и политической борьбѣ рабочаго класса въ современномъ обществѣ; онъ совѣтуетъ совсѣмъ оставить политику („Pas de politique"), сожалѣя лишь, что въ нынѣшнихъ профессіональныхъ союзахъ французскихъ рабочихъ (въ „синдикатахъ"), немного найдется людей, въ самомъ дѣлѣ слѣдующихъ этому совѣту[1]).

Эти взгляды основаны по большей части на самыхъ вопіющихъ недоразумѣніяхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о *всеобщей* стачкѣ, полезно вспомнить, что представляетъ собою стачка *обыкновенная*.

Извѣстно, что стачкой называется коллективный отказъ отъ работы рабочихъ одного, нѣсколькихъ или многихъ капиталистическихъ предпріятій. Слѣдовательно, стачка *предполагаетъ* буржуазныя отношенія производства: она предполагаетъ, что при обычномъ ходѣ дѣлъ рабочая сила выносится на рынокъ, *какъ товаръ*. И состоитъ она въ томъ, что этотъ обычный ходъ дѣлъ нарушается: *товаръ вступаетъ въ борьбу съ покупателемъ*. Но онъ *не перестаетъ быть товаромъ*, потому что для него побѣда означаетъ *не болѣе, какъ повышеніе его цѣны*. Значитъ, стачка предполагаетъ не только *существованіе* капиталистическихъ отношеній производства; она предполагаетъ также *продолженіе* ихъ существованія. *Стачка есть одинъ изъ способовъ классовой борьбы на основѣ нынѣшняго порядка вещей*. Это очевидно. *Революція же*, къ которой стремится сознательный пролетаріатъ, должна устранить этотъ порядокъ: *замѣнить капиталистическія отношенія производства соціалистическими*, при которыхъ рабочая сила уже не будетъ товаромъ. Какимъ же образомъ эта замѣна можетъ явиться результатомъ такого способа борьбы, который предполагаетъ существованіе и продолженіе существованія буржуазнаго порядка? Чтобы совершить эту революцію, одной стачки, хотя бы и *всеобщей*, недостаточно: пролетаріату нужно не только отказаться продавать свою рабочую силу, но и обратить въ общественную собственность средства производства, принадлежащія теперь капиталистамъ. Это тоже очевидно, и это признаетъ, „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами", и Э. Жиро, рѣзко осуждающій стачку „скрещенныхъ рукъ". Но обращеніе средствъ производства выходитъ далеко за предѣлы того дѣйствія, — лучше было бы сказать: того отсутствія дѣйствія, — которое называется *стачкой*: чтобы „экспропріировать экспропріаторовъ", пролетаріату необходимо сломить сопротивленіе господствующихъ классовъ, т. е. разбить ихъ *политическую силу* и организовать *такую защиту новаго экономическаго порядка, которая была бы способна подавить всякія попытки капиталистической контръ-революціи*. Стало быть, „экономиче-

---

[1]) Т. е. утрату рабочей силы.

[1]) См. 47 стр. названной брошюры.

12-18 мѣсяцевъ и ждали со дня на день высылки, возвращены жандармамъ для новаго дознанія и направленія ихъ въ новомъ порядкѣ. И тутъ то проявилась вся растерянность и неподготовленность жандармовъ къ этому новому порядку. Прежде всего стали выпускать на свободу цѣлыми десятками — и при освобожденіи жандармы, предъявляя всѣ имѣвшіяся противъ обвиняемыхъ данныя, смущенно заявляли, что „агентурныхъ" и прочихъ свѣдѣній у нихъ имѣется достаточно и они „глубоко убѣждены" въ виновности привлекаемаго, но что уликъ, годныхъ для суда — въ видѣ свидѣтельскихъ показаній или вещественныхъ доказательствъ — у нихъ собственно нѣтъ никакихъ и поэтому они вынуждены выпустить до суда на свободу и, можетъ быть, даже совсѣмъ прекратить о немъ дознаніе. Первое время выпускали даже нелегальныхъ, противъ кого не оказывалось годныхъ для суда уликъ. Итакъ, шпіонскія „агентурныя" показанія, изъ-за которыхъ люди просиживали по году, два или болѣе, шли на шесть-десять лѣтъ въ Якутку; показанія, на основаніи которыхъ строились обвиненія и наказанія добрыхъ $^9/_{10}$ всѣхъ привлекаемыхъ — теперь свелись къ нулю, ихъ нельзя теперь показывать даже передъ той тѣнью законности, какую представляютъ собою суды сословныхъ представителей. Теперь нужны свидѣтельскія показанія... и вотъ передъ нами раскрывается жандармскій застѣнокъ, выступаетъ наружу, на свѣтъ божій вся та подлая, убійственная атмосфера угрозъ, запугиванія всяческаго давленія и развращенія, среди которой десятки лѣтъ велось дознаніе о политическихъ и среди которой погибалъ не одинъ десятокъ слабыхъ волей и сознаніемъ душъ. Намъ стали предъявлять протоколы всего дознанія — чего раньше никогда не дѣлалось — и мы увидѣли, что въ каждомъ дѣлѣ — а такихъ въ той тюрьмѣ, о которой я сейчасъ пишу, набрался бы цѣлый десятокъ — фигурируютъ „откровенныя" показанія самихъ же привлекаемыхъ, непреднамѣренныя предательства и выбалтыванія, которыя давались подъ вліяніемъ угрозъ, застращиваній и разныхъ нравственныхъ пытокъ, какъ, напримѣръ, допросъ при родителяхъ, плачущихъ и умоляющихъ сына или дочь показывать все, что спросятъ жандармы, „чистосердечно разсказывать все, чтобъ простили" и т. д... Видно было, что жандармамъ стоило часто не мало іезуитскаго труда и сноровки, чтобы подавить и развратить неустойчивую, слабую душу. Но при прежнемъ, застѣночномъ порядкѣ веденія дѣлъ все это было шито и крыто: жандармы могли безнаказанно пользоваться средневѣковыми средствами дознанія съ пристрастіемъ, творить и сѣять развратъ; слабые же духомъ и нравственно-неустойчивые элементы привлекаемыхъ могли надѣяться, что ихъ сознательно или безсознательно творимыя іудины дѣла будутъ покрыты мракомъ жандармско-полицейской неизвѣстности и поглощены департаментскими архивными крысами. Теперь же этому способу застѣночнаго дознанія и царству жандармскаго растлѣнія наступаетъ конецъ. Въ томъ добромъ десяткѣ дѣлъ, о которыхъ я говорилъ выше и которые разсматриваются теперь въ новомъ порядкѣ, „откровенныя" предательскія показанія самихъ же привлекаемыхъ — это единственныя свидѣтельскія показанія на которыхъ зиждется весь будущій процессъ. И этимъ жандармы крайне смущены... ибо на судѣ, такимъ образомъ, обнаружится вся та застѣночность и атмосфера нравственнаго растлѣнія, среди которыхъ протекалъ весь процессъ дознанія. Въ этомъ отношеніи новый судъ для насъ, соціаль-демократовъ, — благо: онъ дастъ намъ возможность вскрыть и освѣтить передъ массами и широкими кругами общества весь цинизмъ, дикій произволъ и застѣночный развратъ, какіе сѣяла и сѣетъ вокругъ себя жандармско-полицейская клика. Съ другой стороны, перспектива для дающихъ предательскія показанія быть разоблаченными на судѣ, передъ товарищами, передъ обществомъ предохранитъ насъ въ будущемъ отъ тѣхъ нравственно-неустойчивыхъ и случайныхъ элементовъ, которые раньше, въ силу необычайно быстро растущаго революціоннаго потока съ одной стороны и необычайно трудной провѣрки и контроля надъ активными элементами, съ другой стороны, — въ немаломъ числѣ захватывались въ сферу самой активной и отвѣтственной революціонной работы и, такимъ образомъ, не мало понижали нравственный уровень революціонной среды.

Новый порядокъ судопроизводства, разумѣется, выдвинулъ вопросъ о тактикѣ, какой должны придерживаться товарищи на дознаніи и судѣ. Вопросъ этотъ дебатировался въ тюрьмахъ и дебатируется очень горячо и оживленно — и, въ общемъ, выясняется, что прежде всего для всѣхъ теперь, когда обнаружилось, что скудость данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, доходитъ до того, что весь процессъ строится только на показаніяхъ самихъ привлекаемыхъ, — теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, нравственно и партійно обязателенъ полный и сплошной отказъ отъ показаній на всемъ дознанія. Затѣмъ, на самомъ судѣ необходимо, чтобы защита вскрыла и освѣтила тотъ застѣночный произволъ, насиліе и политическую развращенность, какіе царятъ въ сферѣ жандармскаго дознанія; на долю же товарищей выпадаетъ обязанность вскрыть и освѣтить ту органическую связь, въ какой находится жандармско-полицейскій произволъ и разнузданность въ частной области привлеченія и дознанія по дѣламъ о политическихъ съ общимъ строемъ и режимомъ разлагающагося полицейско-бюрократическаго самодержавія.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что мѣстныя организаціи должны и будутъ вести самую плодотворную агитацію на почвѣ этихъ процессовъ среди пролетарскихъ массъ и самихъ широкихъ круговъ другихъ классовъ общества.

Р — ъ

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. Перемѣна курса министерства внутреннихъ дѣлъ имѣла пока одинъ несомнѣнный результатъ: она развязала языки политическимъ сплетникамъ, которые въ Петербургѣ исполняютъ должность политическихъ дѣятелей. Возвратившись съ дачнаго отдыха, многочисленные Бобчинскіе и Добчинскіе радостно набросились на благодарную тему о взаимномъ довѣріи и живомъ единеніи общества и правительства. Каждый день создается новый слухъ о новыхъ реформахъ, проекты которыхъ уже лежатъ въ портфелѣ Святополка. Эта болтовня въ связи съ настойчивою пропагандою газетъ, сплетающихъ либеральныя требованія съ гимнами новому министру, уже начинаетъ оказывать тлетворное вліяніе на умы. Въ интеллигентныхъ кругахъ, правда, до сихъ поръ преобладаетъ скептическое и осторожное отношеніе къ политикѣ „хорошаго обхожденія". Но въ широкой публикѣ Святополкъ, очевидно, уже превратился въ вѣчнаго героя обывательской мечты, въ пресловутаго „барина", который пріѣдетъ и все разсудитъ. На пріемы къ нему тянутся наивной толпою всѣ униженные и оскорбленные, въ простотѣ души полагая, что онъ все можетъ и всѣхъ замѣнитъ. Напримѣръ, 29 сентября къ нему явилась одна отвергнутая учебнымъ начальствомъ дѣвица съ прошеніемъ, чтобы онъ „приказалъ" принять ее на курсы. Другая просительница настаивала, чтобы Святополкъ далъ приказъ педагогическому совѣту какой то гимназіи о повышеніи отмѣтки ея сыну... и т. д. и т. д. Эти эпизоды не только смѣшны, но и въ высокой степени поучительны. Намъ пришлось бывать на пріемахъ Ванновскаго. Старикъ въ въ буквальномъ смыслѣ слова осаждался толпою обиженныхъ обывателей, искавшихъ у него „справедливости", хотя бы ихъ „обиды" никоимъ образомъ не относились къ области народнаго просвѣщенія. Здѣсь сказывается долговременное воспитаніе въ рамкахъ полицейскаго государства, отличительными чертами котораго являются неимовѣрная многопредметность административной дѣятельности, регламентація мельчайшихъ подробностей народной жизни, мелочная и назойливая опека надъ гражданами... Обыватель такъ привыкъ къ „хозяйскому" распраженію его жизнью, что повсюду ищетъ „благожелательнаго" господина, который помогъ бы разобраться въ его, обывательскихъ, дѣлахъ и дѣлишкахъ... Святополку въ такихъ случаяхъ остается, конечно, только очаровывать любезностью. Впрочемъ, въ смыслѣ заглаживанія безчисленныхъ грѣховъ своего неудачливаго предшественника, новый министръ, дѣйствительно, кое что дѣлаетъ. Но очень сомнительно, чтобы онъ пошелъ дальше покаянія. Карьеристъ, человѣкъ безъ какихъ бы то ни было политическихъ идей, онъ, вѣрнѣе всего, будетъ ловко лавировать между различными вліятельными теченіями, пока не наткнется на подводные камни. По крайней мѣрѣ, уже теперь, на зарѣ своихъ дней, онъ, допуская въ „Нов. Времени" самыя радикальныя рѣчи, воспретилъ газетамъ перепечатку изъ „Права" статьи профес. кіевскаго университета князя Евгенія Трубецкого (изъ „Идеалистовъ"), статьи, гдѣ сей ученый мужъ въ умѣренныхъ и скромныхъ выраженіяхъ хлопоталъ о томъ, чтобы укрѣпить „Престолъ" небольшою и легкою конституціею, обѣщая тогда „побѣдить" и внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но князь Святополкъ-Мирскій не торопится уступать лавровъ (хотя и весьма сомнительныхъ) князю Трубецкому.

Петербургъ. Либералы все еще находятся въ приподнятомъ настроеніи. Здѣсь поговариваютъ о подготовляющемся тайномъ земскомъ съѣздѣ, на которомъ де выберутъ депутацію для представленія Святополку-Мирскому *ультиматума* созыва Земскаго Собора, который первымъ дѣломъ возьметъ въ свои руки веденіе войны: разберетъ вопросъ о необходимости для насъ Манджуріи и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, заключитъ миръ — а затѣмъ уже займется преобразованіями. Болтовня здѣсь вообще ужасно развита. Анекдоты тоже очень въ ходу. Говорятъ, что Ника долго искалъ министра, котораго онъ былъ-бы поумнѣе, и наконецъ нашелъ его въ лицѣ Святополка-Мирскаго, о которомъ говорятъ, что онъ джентельманъ, но глупъ. Носятся слухи, что „веснѣ" положенъ конецъ. Призывался будто бы одинъ изъ редакторовъ „Новаго Времени" и редакторъ „Вѣстника Права" и имъ предложили окончательно прекратить разговоръ о конституціи.

Петербургъ. Съ 8-го на 9 октября въ Крестѣ разыгралась ужасная драма, — повѣсился въ камерѣ студентъ-технологъ, Иванъ Малышевъ. 11-го только дали знать объ этомъ его отцу. Вчера, 13-го были назначены похороны на Смоленскомъ кладбищѣ. У тюрьмы, на Выборгской сторонѣ, собралось около 300 чел. молодежи, студентовъ и курсистокъ, — хотѣли устроить демонстрацію при выносѣ тѣла. Однако, похороны на Смоленскомъ, по распоряженію тюрьмы и охраны, въ этотъ день не состоялись. Была лишь отслужена панихида, на которой присутствовали учащіеся. Было много сыщиковъ. Все обошлось смирно. Сегодня, 14-го, Малышева хоронили на Успенскомъ кладбищѣ, за городомъ, по Финляндской жел. дор..

Двери русской Бастиліи раскрылись... еще для трехъ узниковъ, вынесшихъ по *двадцать* лѣтъ заключенія въ каменномъ мѣшкѣ. Какъ намъ сообщаютъ, *Вѣра Фигнеръ*, бывшій полковникъ *Ашенбреннеръ* и *Василій Ивановъ* переведены на поселеніе. В. Фигнеръ находится теперь въ Петропавловской крѣпости, въ ожиданіи высылки въ Архангельскую губернію; Ивановъ и Ашенбреннеръ — въ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

Какъ извѣстно, освобожденные узники были осуждены по „военному" процессу Народной Воли (въ 1884 году). Въ лицѣ Вѣры Николаевны Фигнеръ, военные судьи приговорили къ смерти, (замѣненной потомъ вѣчной каторгой) дѣятельную участницу всѣхъ почти многочисленныхъ террористическихъ покушеній времени 1878-1882 гг. Въ ея лицѣ они также карали члена знаменитаго „Исполнительнаго Комитета."

Отъ имени всего сознательнаго россійскаго пролетаріата привѣтствуемъ тѣхъ, чьи имена дороги каждому революціонеру! Отъ души желаемъ имъ, чтобы полученная ими полу-свобода скоро превратилась въ полное освобожденіе!

Судя по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, здоровье В. Н. Фигнеръ сильно пошатнулось: ея зрѣніе ослабѣло, зубы выпали вслѣдствіе цынги.

Замѣтимъ, что, кромѣ недавно, сравнительно, заключенныхъ Гершуни и Карповича, Шлиссельбургская могила все еще держитъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ цѣлый рядъ ветерановъ революціоннаго движенія: М. Попова, С. Иванова, Лопатина, Стародворскаго, Новорусскаго, Антонова, Лукашевича, Фроленко, Морозова. Поповъ находится въ заключеніи 25 лѣтъ, Фроленко и Морозовъ — по 23 года, остальные по 17-20 лѣтъ. Ихъ еще не усталъ терзать двуглавый орелъ.

Наступленіе Куропаткина и морской бой адмирала Рожественскаго

Сплошной позоръ покрываетъ послѣдніе дни отживающаго режима. Трагедія и фарсъ причудливо сплетаются надъ развернувшейся уже могилой россійскаго самодержавія, вызывая во всемъ мірѣ сплошное чувство презрѣнія къ этому черезчуръ зажившемуся „рыцарю печальнаго образа".

Лятай и Гулль — два эпизода изъ исторіи военной славы царизма. Лятай съ его чудовищнымъ кровопролитіемъ — это трагедія, въ которой злымъ рокомъ является самодержавіе, жертвой — народъ. И до сихъ поръ неизвѣстно точно число русскихъ, выбитыхъ изъ строя въ этой безпримѣрной въ исторіи бойнѣ. Судя по тому, что число однихъ убитыхъ достигаетъ 17 тысячъ, надо полагать, что вмѣстѣ съ ранеными, убыль въ войскахъ никакъ не меньше 50, а то и 60 тысячъ. Даже по русскимъ свѣдѣніямъ, черезъ Мукденъ эвакуировано болѣе 30000 раненыхъ, а они эвакуировались, кромѣ того, и по другой дорогѣ, прямо въ Харбинъ. Но бой при рѣкѣ Шахэ еще не кончился; онъ только пріостановился за взаимнымъ истощеніемъ воюющихъ сторонъ, и со дня на день можно ждать продолженія кровавой трагедіи. Чѣмъ то она окончится? Увы

ская, революціонная, насильственная" всеобщая *стачка* можетъ привести къ своей цѣли, т. е. къ *соціальной революціи* только тогда, когда она будетъ сопровождаться цѣлымъ рядомъ *политическихъ* дѣйствій. А изъ этого слѣдуетъ, что стремиться придать „стачкѣ-революціи" исключительно *экономическій* характеръ значитъ *не понимать ея задачи и способствовать ея крушенію.* Анархическое представленіе о ней, будучи усвоено пролетаріатомъ, привело бы его къ жесточайшей неудачѣ. Оно вредно для пролетаріата, и поэтому онъ будетъ *тѣмъ меньше расположенъ къ его усвоенію, чѣмъ больше разовьется его самосознаніе.*

„Стачка-революція" *должна* имѣть политическій характеръ. Но этого мало. Тотъ рядъ политическихъ дѣйствій, отсутствіе котораго осудило бы пролетаріатъ на пораженіе, предполагаетъ высокую степень политическаго воспитанія этого класса. А его политическое воспитаніе немыслимо безъ планомѣрной и постоянной политической борьбы его со своими врагами, на основѣ нынѣ существующихъ общественныхъ отношеній. А это еще разъ доказываетъ, что тотъ, кто видитъ во всеобщей стачкѣ такое средство, признаніе котораго должно вести насъ къ отрицанію „политики", не имѣетъ понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣха „стачки-революціи". Если анархистъ Э. Жиро сожалѣетъ о томъ, что въ синдикатахъ Франціи мало встрѣчается рабочихъ, слѣдующихъ девизу: „долой политику"; то мы, соціаль-демократы, видимъ въ этомъ проявленіе здраваго смысла пролетаріата и новое ручательство за то, что чѣмъ яснѣе будетъ становиться классовое самосознаніе рабочихъ, тѣмъ рѣшительнѣе отвернутся они отъ анархизма. Въ настоящее время анархисты пользуются извѣстнымъ вліяніемъ во французскихъ синдикатахъ единственно потому, что политическіе подвиги Милльрана, Жореса и компаніи оттолкнули часть французскаго пролетаріата отъ соціализма. Но нашимъ французскимъ товарищамъ не трудно будетъ показать ему, опираясь на рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, что революціонный международный соціализмъ не имѣетъ ничего общаго съ мелко буржуазной политикой оппортюнистовъ. И тогда всѣ французскіе рабочіе, борющіеся съ буржуазіей, поймутъ, что у всякаго *класса* должна быть *своя политика*, опредѣляемая его *классовыми интересами*, и что если политика *мелко-буржуазныхъ* оппортюнистовъ вредитъ интересамъ *пролетаріата*, то это совершенно естественно и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить ему достаточнымъ основаніемъ для отказа отъ *своей собственной* классовой политики.

Пока пролетаріатъ боролся подъ революціоннымъ знаменемъ буржуазіи; пока онъ ограничивался ниспроверженіемъ „враговъ своихъ враговъ"; пока онъ не задумывался о своемъ собственномъ дѣлѣ или едва только начиналъ задумываться о немъ, тогда у него не было большой надобности въ организаціи: прогнать Карла X парижскіе рабочіе могли и не объединившись предварительно въ прочные союзы. Но чтобы добиться политическаго господства и, опираясь на него, произвести коренную перемѣну въ производственныхъ отношеніяхъ; чтобы совершить соціалистическую революцію, пролетаріатъ непремѣнно долженъ быть хорошо организованъ. Поэтому, если мы допускаемъ, что путь къ соціалистической революціи идетъ черезъ всеобщую стачку, то мы должны предположить, что пролетаріатъ прочно организованъ не только въ политическую партію, но и въ профессіональные союзы. Кто надѣется, что „стачка-революція" можетъ быть совершена даже неорганизованнымъ или плохо организованнымъ пролетаріатомъ, тотъ „безъ руля и безъ вѣтрилъ" носится въ области фантазіи. Анархисты всегда любили гулять въ этой области. Въ послѣдніе годы они, правда, старались кое гдѣ, — и особенно во Франціи, — сблизиться съ профессіональными рабочими союзами. Но, по пословицѣ: горбатаго исправитъ могила — они все таки не перестали быть утопистами до мозга костей. Утопическій взглядъ на общественную жизнь красной нитью проходитъ черезъ всѣ ихъ разсужденія о всеобщей стачкѣ. Такъ, хотя Э. Жиро убѣжденъ, что профессіональные союзы должны явиться тѣмъ рычагомъ, съ помощью котораго пролетаріатъ разрушитъ міръ буржуазной эксплуатаціи и создастъ міръ общественной гармоніи, но условія успѣха „стачки-революціи" представляются ему въ фантастическомъ освѣщеніи. Правильно указавъ на то, что прекращеніе перевозочной дѣятельности чрезвычайно сильно способствовало бы остановкѣ всего производительнаго механизма современнаго общества, онъ прибавляетъ, что остановить перевозку можно *и не дожидаясь рѣшенія союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, такъ какъ двѣ тысячи энергичныхъ людей могутъ въ какихъ нибудь двѣнадцать часовъ остановить движеніе по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ*[1]). При такомъ упрощенномъ взглядѣ задача организаціи рабочихъ массъ неизбѣжно должна потерять значительную долю своей важности въ глазахъ анархистовъ, и естественно, поэтому, что анархисты готовы чуть не во всякую данную минуту призывать рабочихъ ко всеобщей стачкѣ. Естественно также, если соціальдемократы находятъ, что *анархическая* пропаганда всеобщей стачки скорѣе препятствуетъ дѣлу организаціи пролетаріата, чѣмъ способствуетъ ему.

Ради безпристрастія надо замѣтить, однако, что не однимъ анархистамъ свойственно утопическое представленіе о всеобщей стачкѣ. На пятомъ съѣздѣ французскихъ рабочихъ союзовъ, состоявшемся въ Марсели въ октябрѣ 1893 г., принятъ былъ „принципъ" всеобщей стачки, которая опредѣлялась, какъ одновременная всеобщая (universelle) пріостановка производства во всѣхъ его отрасляхъ. Но воображать себѣ всеобщую стачку, какъ одновременное прекращеніе работы рѣшительно *во всѣхъ* отрасляхъ производства значитъ обѣими ногами становиться на почву утопій[2]); мы никогда не добьемся дѣйствительно всеобщей остановки наемной работы; да намъ и не нужно добиваться ея: всеобщая стачка дастъ все, что можетъ дать, при условіи забастовки въ главнѣйшихъ отрасляхъ производства и передвиженіе товаровъ. Утопическое опредѣленіе всеобщей стачки принято было въ Марсели подъ сильнымъ вліяніемъ *Ар. Бріана*, играющаго теперь видную роль между французскими оппортюнистами, и это показываетъ, что оппортюнистическія наклонности не исключаетъ болѣе или менѣе искренней симпатіи къ *утопизму*. Во время преній о всеобщей стачкѣ на амстердамскомъ съѣздѣ Бріанъ самъ призналъ нелѣпой мысль о „всеобщей, абсолютной" забастовкѣ и негодовалъ на тѣхъ, которые приписываютъ ему эту мысль. Но мы видимъ, что противники г. Бріана не такъ неправы, какъ это могло бы показаться.

Амстердамскій съѣздъ обязанъ былъ предостеречь рабочій классъ отъ утопическаго взгляда на всеобщую стачку, проповѣдуемаго главнымъ образомъ анархистами. Онъ такъ и поступилъ. Съ *этой* стороны рѣшеніе, принятое съѣздомъ и предложенное голландской соц.-дем. партіей, болѣе удачно, чѣмъ рѣшеніе, предлагавшееся Аллеманомъ и даже чѣмъ то, которое Соціалистическая Партія Франціи приняла на своемъ съѣздѣ въ Лиллѣ, — состоявшемся за нѣсколько дней до амстердамскаго съѣзда, — и которое она хотѣла провести на этомъ послѣднемъ. И въ виду этой стороны голландскаго проекта ему можно было простить его недостатокъ.

Недостатокъ его пока еще лишенъ *практическаго* значенія; я укажу на него лишь въ интересахъ *теоріи*.

Въ конституціонныхъ странахъ пролетаріатъ имѣетъ права, позволяющія ему умножать свои силы и увеличивать свое вліяніе, не покидая конституціонной почвы. Но тотъ самый фактъ, что эти его права позволяютъ ему организоваться и усиливаться, оставаясь на почвѣ закона, заставляетъ его враговъ задумываться о томъ, нельзя-ли отнять у него эти права, пока еще не поздно, т. е. пока еще онъ не имѣетъ политической *власти*. Въ Германіи буржуазные органы уже поговариваютъ объ этомъ, и примѣръ Саксоніи, гдѣ законъ, опредѣляющій права выбора въ ландтагъ, былъ недавно измѣненъ въ пользу господствующихъ классовъ, показываетъ, что при подходящихъ обстоятельствахъ германскіе охранители не станутъ церемониться съ пролетаріатомъ[1]). И чѣмъ болѣе сильнѣе становится германскій пролетаріатъ, тѣмъ насущнѣе дѣлается вопросъ, чѣмъ и какъ будетъ онъ защищаться, если охранители сдѣлаютъ указанное нападеніе на него. Разумѣется, если бы рабочіе были въ состояніи противопоставить *насилію* вооруженную силу, то вопросъ рѣшался бы самъ собою. Но въ томъ-то и дѣло, что уличное столкновеніе рабочихъ съ войскомъ очень скоро окончилось бы теперь кровавымъ торжествомъ „порядка". Такъ думаютъ всѣ сознательные пролетаріи Германіи. Что же дѣлать? Идеологи пролетаріата указываютъ на всеобщую, точнѣе на *массовую* стачку, какъ на выходъ изъ затрудненія. Массовая стачка позволитъ пролетаріату избѣжать столкновеній съ войсками, а въ то же время она внесетъ такое разстройство въ ряды непріятеля, что онъ вынужденъ будетъ отступить, если не положить оружіе. Именно въ этомъ смыслѣ амстердамская резолюція говоритъ, что всеобщая стачка „можетъ послужить крайнимъ средствомъ для того, чтобы добиться крупныхъ общественныхъ перемѣнъ или отразить реакціонныя покушенія на права рабочихъ".

Что же представляетъ собою всеобщая стачка, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія? *Суррогатъ вооруженнаго сопротивленія власти.* Въ качествѣ такого суррогата ее и рекомендодобраго для русскихъ солдатъ ждать нечего, ибо всѣ выгоды положенія на сторонѣ японцевъ: ихъ потери гораздо меньше, подвозъ подкрѣпленій, провіанта и аммуниціи для нихъ гораздо легче' духъ ихъ войска несравненно лучше, ибо — и этого не надо забывать — за исключеніемъ одной неудачи за „сопкѣ съ деревомъ“,—неудачи весьма относительной, потому что эта самая сопка была сначала отбита японцами у русскихъ и лишь затѣмъ, съ крайнимъ напряженіемъ силъ, взята послѣдними обратно,— за исключеніемъ этой частной неудачи, японцы оказались побѣдателями по всей линіи почти 100-верстнаго фронта. „Наступленіе“ Куропаткина окончилось тѣмъ, что японцы подвинулись значительно впередъ. Нужна вся лживость современной прессы, чтобы одной „сопкой съ деревомъ“ пытаться закрыть тотъ несомнѣнный фактъ, что „наступленіе“ окончилось полнымъ пораженіемъ, что Куропаткину теперь только два исхода: или отступленіе, но уже подъ непрерывнымъ натискомъ японцевъ, или новое „наступленіе“ съ ослабленной и деморализованной арміей, съ опасностью быть окруженнымъ. Положеніе настолько критическое, что, быть можетъ, адмиралъ Алексѣевъ совершилъ одинъ изъ не очень то глупыхъ фокусовъ, своевременно побудивъ „монарха“ „снизойти“ къ его просьбѣ объ увольненіи его отъ командованія военными силами и сваливъ отвѣтственность за все грядущее на Куропаткина.

---

[1]) См. названную брошюру, стр. 40.

[2]) Ср. мое открытое письмо въ ред. „Mouvement socialiste", напечатанное въ №№ 137-138 этого изданія. Тамъ я говорю, между прочимъ и о значеніи нашихъ „всеобщихъ стачекъ" 1903 г.

[1]) Въ „демократической" французской республикѣ о подобномъ coup d'état задумываются развѣ только сумасбродные „націоналисты"; благоразумному буржуа онъ показался бы несбыточнымъ. Но такое благоразуміе обусловливается неблагопріятнымъ для политической реакціи соотношеніемъ общественныхъ силъ, а вовсе не убѣжденіемъ буржуазіи въ святости правъ пролетаріата. Послѣдовательнымъ буржуазнымъ идеологамъ права эти — бѣльмо на глазу, какъ это показалъ, между прочимъ, второй международный философскій съѣздъ, происходившій въ первыхъ числахъ сентября въ Женевѣ. Съѣздъ этотъ начался превознесеніемъ *идеалистической философіи*, а закончился *теоретическимъ заговоромъ противъ всеобщаго избирательнаго права*, — заговоромъ, въ которомъ французскіе „философы" принимали самое горячее участіе.

Такова послѣдняя трагедія, которою подарило насъ самодержавіе. Но и въ эту трагедію врываются ноты несомнѣннаго комизма, въ видѣ той широковѣщательной и самоувѣренной прокламаціи, которою было возвѣщено міру, что „Мальбрукъ въ походъ собрался“, по тому, собственно, случаю, что теперь „время настало“. И вотъ — вмѣсто побѣдныхъ лавровъ, приходится, „схвативъ въ охапку кушакъ и шапку“ продолжать „геройское“ отступленіе..

Но если янтайская трагедія не свободна отъ примѣси комическаго, то Гулльскій инцидентъ представляетъ уже сплошной фарсъ. Правда, и тутъ кое кому оторвало голову, кое-кого изрѣшетило шрапнелью, кое кого навѣки сдѣлало калѣкой. Но членовредительство—это, такъ сказать, неизбѣжный результатъ всякаго тѣлодвиженія россійскаго царизма. Во всякомъ случаѣ, со времени знаменитаго сраженія Ламанчскаго рыцаря съ вѣтряными мельницами, исторія, конечно, не видала болѣе комическаго эпизода, чѣмъ „бой“ адмирала Рожественскаго съ „непріятельской“ эскадрой, состоявшей изъ мирныхъ англійскихъ рыбаковъ. Принять рыбу за торпеду—это ужъ черезчуръ даже для царскаго адмирала! Неудивительно, что страницы иностранной печати пестрятъ юмористическими сообщеніями о плаваніи злополучной „эскадры“. Кто предполагаетъ, что г. г. офицеры занимались во время встрѣчи съ рыбаками тѣмъ самымъ „національнымъ дѣломъ“ по части „монополіи“, какимъ ихъ собратья занимались и въ Портъ-Артурѣ въ достопамятный день первой встрѣчи уже не съ мнимымъ, а доподлиннымъ японскимъ флотомъ; кто утверждаетъ, что Рожественскій „съ дѣтства“ „ушибленъ мамкой“ и страдаетъ эпилепсіей и галлюцинаціями; кто думаетъ, наконецъ, что тутъ просто дѣло въ колоссальномъ невѣжествѣ, съ одной стороны, и паническомъ страхѣ „храбраго“ адмирала передъ японскими „карликами“ съ другой. Послѣднее, пожалуй, наиболѣе вѣроятно.

Между тѣмъ, за послѣдніе дни иностранныя газеты передаютъ изъ русскихъ источниковъ слухъ, который, если онъ подтвердится, превзойдетъ все, что только можетъ придумать самое шаловливое воображеніе. Адмиралъ Рожественскій въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ увѣрялъ, что стрѣлялъ онъ, собственно, не въ англійскихъ рыбаковъ, а въ два „японскихъ“ миноносца. Оказывается, что адмиралъ правъ: онъ стрѣлялъ дѣйствительно въ миноносцы, но миноносцы-то были не японскіе, а... русскіе! Тѣ же, въ свою очередь, не остались въ долгу и, принявъ аттакующую ихъ эскадру за „японскую“, начали палить по ней.

„Отразивъ столь удачно измѣнническаго врага, наша эскадра прослѣдовала далѣе“, захлебываются патріотическимъ восторгомъ „Московскія Вѣдомости“ по случаю побѣды надъ „англо-японскою засадою“ и тутъ же вотируютъ Рожественскому „благодарность отечества“. Неподражаемо звучатъ увѣренія адмирала въ бесѣдѣ съ однимъ иностраннымъ корреспондентомъ, что „инцидентъ въ Сѣверномъ морѣ былъ неизбѣженъ“, и, пожалуй, еще лучше усилія оффиціознаго дипломатическаго органа, „Journal de St. Petersburg“, прикрыть глупость царскихъ слугъ ссылками на коварный „ниппонизмъ“, заставляющій во всякой встрѣчной баркѣ за 14000 верстъ отъ театра войны видѣть японскій флотъ!

— Царскому правительству это веселое похожденіе балтійской эскадры не пройдетъ даромъ. Англійская буржуазія не привыкъ къ такимъ царскимъ „потѣхамъ“, при которыхъ слетаетъ съ плечъ нѣсколько неповинныхъ головъ, и, подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія, англійское правительство заявило, что, до полученія удовлетворенія, оно задержитъ то сборище, наполовину негодныхъ, старыхъ ящиковъ, которое называется 2-ой тихоокеанской эскадрой. И царское правительство вынуждено было вымолить прощеніе цѣною неслыханнаго для „великой державы“ униженія: кромѣ покаяннаго извиненія и уплаты вознагражденія пострадавшимъ и семьямъ погибшихъ, оно должно было согласиться задержать виновныхъ офицеровъ и подвергнуть ихъ дѣйствія суду международнаго трибунала. Этимъ самымъ констатируется, что европейскія государства такъ же мало полагаются на царскіе суды, какъ на суды какой нибудь восточно-азіатской деспотіи. До сихъ поръ только къ такимъ странамъ, какъ Турція, Персія, Китай, иностранныя державы предъявляли требованіе особой юрисдикціи.

Петербургъ. Съ театра военныхъ дѣйствій доносятся слухи объ ужасахъ всякаго рода. Особенно великъ, сравнительно съ прошлыми войнами, процентъ психически разстроенныхъ. Ихъ въ пути встрѣчаютъ цѣлыми вагонами; у большинства буйная форма помѣшательства. Везутъ ихъ безъ всякаго присмотра. Солдатамъ совершенно не выдаютъ смѣнъ бѣлья. Бѣлье гніетъ на нихъ — большинство не мѣняло его уже 5-6 мѣсяцевъ. Съ убитыхъ японцевъ прежде всего снимаютъ бѣлье. Отступленіе создало новую форму хищенія. Такъ, напримѣръ, отступая отъ Лябяна, сожгли 21 вагонъ сахару и тьму всего прочаго. Солдатамъ же сахару не выдавали по нѣсколько мѣсяцевъ, а раньше выдавали по одному-два куска. Сожженное увеличиваютъ до безконечныхъ размѣровъ: вмѣсто 15, показываютъ 50 вагоновъ, и за столько же „платятъ подрядчикамъ“ или, вѣрнѣе, предъявляютъ счета въ интендантство: сожгли де. Спекуляція на отступленіе, вообще, въ полномъ ходу. Полковые врачи жалуются на отсутствіе лекарствъ и перевязочныхъ средствъ: изъ рецептовъ приготовляются только три и то такъ, что врачъ не находитъ возможнымъ давать больнымъ такую бурду. Лучше обставлены госпитали Краснаго Креста. Но, вѣдь, главная и постоянная организація, имѣющая большое значеніе — именно полковые лазареты. А они оказались совершенно не подготовленными.

На войнѣ и по пути на войну (изъ частныхъ писемъ). Изъ письма ветерин. фельдшера. Авторъ въ началѣ подробно описываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ своей частью цѣлый мѣсяцъ кочевалъ между Ляояномъ и Хайченомъ въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ: пища и кормъ для лошадей отсутствовали, дороги ужасныя и притомъ совершенно неизвѣстныя командирамъ, благодаря чему отрядъ неоднократно сбивался съ пути, при удушливой жарѣ чрезмѣрные переходы, отсутствіе какихъ бы то ни было приспособленій для удобства людей, противорѣчивыя приказанія начальства. Втеченіе 4-хъ дней, отрядъ не могъ найти деревни, гдѣ ему приказано было остановиться. Въ результатѣ масса больныхъ и гибель многихъ лошадей. Около Аннопя японцы на голову разбили Тамбовскій полкъ; застали весь полкъ за чаепитіемъ, хотя развѣдчики докладывали командиру, что японцы близко, слышна перестрѣлка; офицеры просили командира полка приготовиться для встрѣчи непріятеля, но онъ категорически заявилъ, что „не надо“ и прибавилъ, что „кто осмѣлится ослушаться меня, тому голову снесу“. Японцы подъ прикрытіемъ гаоляна приблизились на разстояніи 30 шаговъ и начали стрѣлять залпами, произвели страшную панику, спасались, кто какъ могъ, полковаго священника въ натискѣ убили. Г. г. офицеры показали себя во всей славѣ трусости, прячась за камни, говоря солдатамъ: „братушки, стрѣляйте, кто какъ умѣетъ“, но такихъ трусовъ пуля вездѣ найдетъ, если и не японская, такъ русская... Я думалъ, что на войнѣ всѣ безъ исключенія проникнуты воинственнымъ духомъ, стремятся къ одной цѣли—защищать общіе интересы, отстаивать честь дорогой каждому родины, но ничего подобнаго я не встрѣтилъ ни въ комъ; наши начальники имѣютъ каждый свою цѣль и свои личные интересы; живутъ какъ дома, пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, интригуютъ съ сестрами милосердія; словомъ, ведутъ жизнь совершенно безпечную, беззаботную, не хотятъ вникнуть въ дѣло, предоставляя всецѣло вести его каптинармусамъ-артельщикамъ, а тѣ разрабатываютъ, что называется во всю: 1 руб. на дѣло, 2 руб. въ карманъ, съ китайцами сдѣлки. И это все они продѣлываютъ безконтрольно, потому и остаются безнаказанными; вотъ гдѣ вся причина голодовки людей и лошадей. И, представьте, ничего нельзя сдѣлать. Мы пробовали было доложить высшему начальству, но ничего не вышло; всѣ эти ихъ продѣлки втянули въ себя и командировъ, такъ что послѣднимъ волей неволей пришлось прикрывать ихъ..... и дѣло идетъ своимъ чередомъ. Поэтому приходится людямъ заботиться каждому лично о себѣ...“

Лицо, читавшее письма солдатъ къ роднымъ (въ Харьковской губ.) резюмируетъ ихъ содержаніе... „Такъ тяжело, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ боя, лишь бы поскорѣе ранили или убили. Разутые, голодные, безъ бѣлья, которое гніетъ и сваливается клочьями; почти всѣ больны накожными болѣзнями. Сапогъ не выдавали и поѣхали въ своихъ, которые теперь разлѣзлись,—просятъ родныхъ прислать...“

Изъ письма врача. „Солдаты пристаютъ съ разными вопросами, напримѣръ — зачѣмъ мы бьемся за песчаную Манджурію, когда въ Сибири такъ много плодородной и не заселенной земли, которую мы проѣзжаемъ для того, чтобы сражаться за эти пески? На что они намъ? Зачѣмъ проводили здѣсь желѣзныя дороги по чужой землѣ? и т. д.

Изъ письма съ дороги, изъ санитарнаго отряда: „...Всѣ залѣзли въ ватныя и мѣховыя пальто, сейчасъ днемъ довольно тепло, но ночи очень холодныя. И вотъ, въ такіе-то дожди и холода мы принимаемъ и провожаемъ на вокзалъ больныхъ солдатиковъ *безъ шинелей, безъ сапогъ*, привозимъ къ санитарному поѣзду въ тулупахъ и забираемъ тулупы обратно; ихъ набиваютъ, какъ скотъ, по 20 человѣкъ въ товарный вагонъ—теплушку (съ желѣзн. печкой). Больныхъ намъ сплавляютъ изъ Харбина изъ военныхъ госпиталей...“ Много неврастениковъ, разстроившихъ свою нервную систему отъ ужасовъ войны. Они разсказываютъ о своихъ впечатлѣніяхъ съ войны: такъ, подъ Лаояномъ одинъ русскій полкъ стрѣлялъ въ другой русскій же, послѣ чего пошли другъ на друга въ атаку, въ штыки и только тогда опомнились, когда сошлись грудь съ грудью, а въ это время японцы стали ихъ разстрѣливать съ боку...

Изъ письма офицера: „... Служба паршивая, хуже каторги... ...Когда я былъ въ Ляо-Янѣ, то, повѣришь, на улицѣ лежали раненые. Далѣе солдаты стрѣляютъ въ своихъ офицеровъ, тамъ на войнѣ они не признаютъ офицеровъ. Такъ что приходится быть очень осторожнымъ съ солдатами, они укокошатъ. Снарядовъ не хватаетъ. Когда я сопровождалъ обозъ и когда напалъ маленькій отрядъ японцевъ въ 2.000 чел., то черезъ полчаса уже не могъ стрѣлять залпами, ибо не хватало патроновъ, между тѣмъ какъ японцы стрѣляютъ безпрерывочными залпами... Да, не знаю, о чемъ думало до сихъ поръ правительство.“

Заботы о раненыхъ. Съ торжественной помпой выпроваживаютъ у насъ изъ Россіи на Дальній Востокъ — на бойню — здороваго солдата. Самого слабоумнаго царя развозятъ по всей Россіи, показываютъ „солдатику,“ чтобъ подогрѣть его патріотическія чувства. Павшее духомъ самодержавіе послѣ „блестящихъ отступленій“ возлагаетъ всѣ свои надежды на этого солдата: за нимъ ухаживаютъ, онъ въ цѣнѣ. Попы торжественно звонятъ въ колокола, фабриканты жертвуютъ на „солдатика“ по нѣскольку кусковъ сахару, а ихъ жены шьютъ ему кисеты для махорки.

Но когда тотъ же солдатъ, спасая тронъ своему царю, искалѣченный, превращенный въ пушечное мясо, нуждается въ лѣченіи, въ уходѣ, о немъ забываютъ, съ нимъ не церемонятся: онъ обезцѣненъ и сталъ обузой для самодержавія. Эвакуаціонная коммиссія наскоро распихиваетъ выбывшія изъ строя жертвы по вагонамъ отходящаго поѣзда и полагаетъ, что миссія ея закончилась. Остальное предоставляется живительнымъ силамъ природы и мудрому изрѣченію: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть.“ Больнымъ не нужно чистаго бѣлья, бинтовъ, лѣкарствъ, постельныхъ матрацовъ.

Но пусть факты сами говорятъ за себя.

На станціи Мысовая, по ту сторону озера Байкала, врачъ принимаетъ партію больныхъ. Въ дорожной аптекѣ имѣется на лицо: 2 фунта касторового масла, нѣсколько доверовыхъ порошковъ и... одинъ грязный бинтъ. Въ вагонахъ — ни одного тюфяка. Въ довершеніе всѣхъ прелестей — раненые не были въ банѣ полгода.

Пріѣзжаютъ въ Иркутскъ, но здѣсь ихъ никто не встрѣчаетъ: нѣтъ ни представителя эвакуаціонной коммисіи, ни члена отъ Краснаго Креста. Положеніе таково, что ѣхать дальше при указанныхъ возмутительныхъ условіяхъ нельзя. Съ трудомъ удается задержаться на сутки, и докторъ, по своей иниціативѣ, ве

валъ пролетаріату амстердамскій съѣздъ. И въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ее при оцѣнкѣ амстердамскаго рѣшенія.

Анархисты увидятъ въ этомъ рѣшеніи новое доказательство отсутствія у международной соціальдемократіи революціонной энергіи[1]). Но мы имъ возразимъ, что идея всеобщей стачки, какъ суррогата возстанія,—идея „стачки скрещенныхъ рукъ“—свойственна далеко не однимъ соціальдемократамъ. Передо мной лежитъ брошюра: „Grève générale réformiste et grève générale révolutionnaire“, которая издана „коммиссіей стачекъ и всеобщей стачки“, состоящей при французской confédération générale du travail. Сочувствіе автора — или авторовъ, — этой брошюры безраздѣльно лежитъ на сторонѣ *революціонной* стачки, между тѣмъ, посмотрите, какъ онъ заканчиваетъ своѐ произведеніе. Онъ говоритъ (стр. 23 второго изданія), что возстаніе было бы „безуміемъ, конечно, героическимъ, но осужденнымъ на роковую неудачу“. На слѣдующей страницѣ онъ повторяетъ, что „уличная война съ оружіемъ въ рукахъ отжила свой вѣкъ“, и что при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе осуществимаго средства, чѣмъ всеобщая стачка: „Чего проще! Отказаться работать на эксплуататора... Убить старое общество бездѣйствіемъ рабочихъ и на навозной кучѣ капитализма дать возможность коммунистическому обществу и т. д.“ Что это, какъ не „стачка скрещенныхъ рукъ“? И что это, — прибавлю мимоходомъ, — какъ не утопическое представленіе о соціалистической революціи, являющейся въ результатѣ „бездѣйствія“, т. е. отказа пролетаріевъ продавать капиталистамъ свою рабочую силу? Въ примѣненіи къ такой стачкѣ до сихъ поръ остается вѣрнымъ полушутливое, полусерьезное опредѣленіе Ауэра: „всеобщая стачка—всеобщее бездѣйствіе — всеобщая безсмыслица“...

Я могъ бы привести еще очень много выписокъ такого же содержанія, но это не нужно. Всѣмъ, слѣдящимъ за рабочимъ движеніемъ, извѣстно, что убѣжденіе въ невозможности вооруженнаго возстанія раздѣляется теперь даже многими анархическими сторонниками „революціонной стачки“. Это убѣжденіе и подготовило почву для распространенія мысли о всеобщей стачкѣ между тѣми пролетаріями, которые не могутъ успокоиться на наивной вѣрѣ въ то, что современная борьба классовъ, уже стоившая рабочему классу многихъ, — иногда кровавыхъ, — жертвъ, закончится словесными турнирами парламентскихъ ораторовъ. Эти пролетаріи понимаютъ, что „сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новый общественный порядокъ“; но, не вѣря въ успѣхъ вооруженнаго возстанія, они тѣмъ охотнѣе усваиваютъ мысль о всеобщей стачкѣ. И чѣмъ болѣе будетъ обостряться борьба рабочаго класса съ буржуазіей; чѣмъ менѣе вѣроятнымъ будетъ, — вслѣдствіе этого, — становиться *мирное* рѣшеніе „соціальнаго вопроса“, тѣмъ болѣе будетъ упрочиваться эта мысль въ средѣ пролетаріевъ. Поэтому я и говорю, что международнымъ соціальдемократамъ еще не разъ придется обсуждать ее на своихъ съѣздахъ.

Но если мысль о всеобщей стачкѣ имѣетъ здравое основаніе; если не парламентскія словесныя схватки приведутъ рабочій классъ къ побѣдѣ, то не надо обманывать себя. Никогда еще никакое *дѣло* не торжествовало вслѣдствіе *бездѣйствія* своихъ сторонниковъ, и никогда „скрещенныя руки“ не разрушатъ зданія капитализма. Слушая разсужденія о томъ, что пролетаріатъ долженъ отказаться отъ надежды побѣдить своихъ враговъ въ открытомъ бою, я вспоминаю, какъ у Щедрина помпадуръ Бородовкинъ воевалъ съ обывателями Стрѣлецкой слободы. Обыватели попрятались по домамъ и, въ отвѣтъ на грозные возгласы помпадура: „Эй! Кто тутъ! выходи“! — только вздыхали. Это до такой степени сбило съ толку кровожаднаго администратора, что онъ совсѣмъ растерялся. Планъ сторонниковъ „стачки скрещенныхъ рукъ“ нѣсколько напоминаетъ образъ дѣйствія щедринскихъ стрѣльцовъ. Онъ не дуренъ; но вѣдь и у Щедрина стрѣльцамъ все таки пришлось вылѣзать на божій свѣтъ, когда кто то изъ оловянныхъ солдатиковъ Бородавкина догадался *ломать избы*. Не спрячутся и рабочіе отъ буржуазныхъ усмирителей, когда тѣ рѣшатся дать имъ кровавый урокъ. Да и стыдно имъ было бы прятаться. Самая мирная массовая стачка легко можетъ повести къ массовому столкновенію съ войскомъ. Эту возможность необходимо усчитывать при соображеніяхъ о массовой стачкѣ. *Оружіе критики не можетъ замѣнить критики посредствомъ оружія.* Напрасно ссылаются на усовершенствованія современной военной техники. Сами собою не срѣлиютъ даже наиболѣе усовершенствованныя ружья и пушки; чтобы употребить ихъ въ дѣло, нужны солдаты, а солдаты современныхъ капиталическихъ странъ не оловянные солдатики. Они въ значительной, — и все болѣе и болѣе возрастающей, — степени выходятъ *изъ среды пролетаріата*, и ихъ головы тоже не застрахованы отъ вліянія соціальдемократическихъ идей. *Въ этомъ вес дѣло.* Вооруженныя возстанія и прежде оканчивались успѣшно только тогда, когда революціонерамъ удавалось „деморализовать“ войска [1]).

На эту сторону вопроса неизбѣжно придется обратить вниманіе международной соціальдемократіи. Правда, на международныхъ съѣздахъ неудобно говорить о ней по многимъ причинамъ. Но она, по крайней мѣрѣ, должна быть принимаема въ соображеніе, и во всякомъ случаѣ ни одно рѣшеніе международныхъ съѣздовъ не должно формулироваться такъ, чтобы подъ его вліяніемъ у рабочихъ могло возникнуть преувеличенное представленіе о революціонной роли „стачки скрещенныхъ рукъ“.

Теоретически амстердамское рѣшеніе о всеобщей стачкѣ неправильно, потому что не полно. Но, рекомендуя стачку, какъ суррогатъ возстанія, амстердамскій съѣздъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что „довлѣетъ дневи злоба его“: въ настоящее время вліяніе соціальдемократіи на войско еще не таково, чтобы она могла, — *не совершая тяжелаго грѣха противъ рабочихъ*, — звать ихъ на возстаніе[2]). А такъ какъ задача международныхъ съѣздовъ *практическая, а не теоретическая*, то голландскій проектъ резолюція о всеобщей стачкѣ могъ быть принятъ,— не смотря на его теоретическій недостатокъ, — какъ *правильно выражающій современное положеніе дѣлъ*. Поднимать теперь споръ о теоретической возможности вооруженнаго возстанія, значило бы только вызывать недоразумѣнія и разногласія въ той революціонной соціальдемократіи, которую *надо было объединить* для борьбы съ оппортюнизмомъ. Подобная безтактность позволительна развѣ только „соціалистамъ-революціонерамъ“, отъ имени которыхъ г. Устиновъ пробормоталъ на засѣданіи съѣзда нѣсколько неразборчивыхъ словъ въ защиту идеи возстанія. Какъ плохо излагалъ свою мысль этотъ делегатъ, видно изъ того, что въ коммиссіи всеобщей стачки, его разсужденія были поняты въ смыслѣ призыва къ „террору“ и заставили посмотрѣть на него, какъ на человѣка нѣсколько .. страннаго. Когда идея возстанія пріобрѣтетъ на Западѣ практическое значеніе, тогда о ней будутъ разсуждать люди болѣе „толковитые“, чѣмъ г. Устиновъ.

Рѣшеніе, принятое Соц. Партіей Франціи на лилльскомъ въѣздѣ, предусматриваетъ возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе. Поэтому, теоретически оно болѣе правильно. Но содержаніе его было почти совсѣмъ неизвѣстно съѣхавшимся въ Амстердамъ делегатамъ другихъ странъ. Если бы мы, делегаты россійской соціальдемократіи, имѣли возможность заранѣе ознакомиться съ нимъ, то мы бы подали голосъ за него, а не за голландскій проектъ, какъ я на съѣздѣ же заявилъ объ этомъ одному изъ представителей названной партіи въ Международномъ Соц. Бюро, Браку. Но отчетъ лилльскаго съѣзда тогда еще не былъ напечатанъ, и лилльская резолюція о всеобщей стачкѣ раздавалась амстердамскимъ делегатамъ, — далеко не всѣмъ, что призналъ въ разговорѣ со мной самъ Бракъ, — напечатанная на отдѣльныхъ листкахъ. До насъ не дошелъ ни одинъ изъ нихъ. Впрочемъ, много жалѣть объ этомъ нечего, потому что, повторяю, *въ настоящее время* содержащееся въ лилльской резолюціи указаніе на возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе имѣетъ для западныхъ странъ *только теоретическое значеніе*. И на сколько я могу судить по статьѣ Э. Лифона „Le congrès de Lille“, напечатаной въ № 139 140 „Mouvement Socialiste“, не это указаніе обезпечило этой резолюціи большинство голосовъ на лилльскомъ съѣздѣ.

Въ заключеніе еще разъ скажу, что данное въ Амстердамѣ рѣшеніе вопроса о всеобщей стачкѣ, не вѣрное въ теоріи, даже въ практическомъ отношеніи останется правильнымъ только въ теченіе нынѣшняго, *переходнаго* времени. Въ будущемъ сама *практика* потребуетъ совсѣмъ другого рѣшенія...

Г. Плехановъ.

---

[1]) И не одни анархисты. Въ этомъ же смыслѣ ссылаются на него наши „соціалисты-революціонеры“.

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ предисловіи къ нашему второму изданію „Манифеста Коммунистической Партіи“ (Женева 1900 г.).

[2]) Прошу имѣть въ виду, что во всемъ, сказанномъ здѣсь, я имѣлъ въ виду *не* Россію; у насъ совсѣмъ не тѣ условія. По многимъ причинамъ наше войско легче можетъ быть „деморализовано“ и разстроено, чѣмъ войска конституціонныхъ странъ: хотя бы по одному тому, что наши офицеры не могутъ быть такими убѣжденными сторонниками существующаго порядка, какъ западно-европейскіе. Но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ.

добраго для русскихъ солдатъ ждать нечего, ибо всѣ выгоды положенія на сторонѣ японцевъ: ихъ потери гораздо меньше, подвозъ подкрѣпленій, провіанта и аммуниціи для нихъ гораздо легче; духъ ихъ войска несравненно лучше, ибо — и этого не надо забывать — за исключеніемъ одной неудачи за „сопкѣ съ деревомъ“,—неудачи весьма относительной, потому что эта самая сопка была сначала отбита японцами у русскихъ и лишь затѣмъ, съ крайнимъ напряженіемъ силъ, взята послѣдними обратно,— за исключеніемъ этой частной неудачи, японцы оказались побѣдателями по всей линіи почти 100-верстнаго фронта. „Наступленіе“ Куропаткина окончилось тѣмъ, что японцы подвинулись значительно впередъ. Нужна вся лживость современной прессы, чтобы одной „сопкой съ деревомъ“ пытаться закрыть тотъ несомнѣнный фактъ, что „наступленіе“ окончилось полнымъ пораженіемъ, что Куропаткину теперь только два исхода: или отступленіе, но уже подъ непрерывнымъ натискомъ японцевъ, или новое „наступленіе“ съ ослабленной и деморализованной арміей, съ опасностью быть окруженнымъ. Положеніе настолько критическое, что, быть можетъ, адмиралъ Алексѣевъ совершилъ одинъ изъ не очень то глупыхъ фокусовъ, своевременно побудивъ „монарха“ „снизойти“ къ его просьбѣ объ увольненіи его отъ командованія военными силами и сваливъ отвѣтственность за все грядущее на Куропаткина.

Такова послѣдняя трагедія, которою подарило насъ самодержавіе. Но и въ эту трагедію врываются ноты несомнѣннаго комизма, въ видѣ той широковѣщательной и самоувѣренной прокламаціи, которою было возвѣщено міру, что „Мальбрукъ въ походъ собрался“, по тому, собственно, случаю, что теперь „время настало“. И вотъ — вмѣсто побѣдныхъ лавровъ, приходится, „схвативъ въ охапку кушакъ и шапку“ продолжать „геройское“ отступленіе..

Но если янтайская трагедія не свободна отъ примѣси комическаго, то Гулльскій инцидентъ представляетъ уже сплошной фарсъ. Правда, и тутъ кое кому оторвало голову, кое-кого изрѣшетило шрапнелью, кое кого навѣки сдѣлало калѣкой. Но членовредительство —это, такъ сказать, неизбѣжный результатъ всякаго тѣлодвиженія россійскаго царизма. Во всякомъ случаѣ, со времени знаменитаго сраженія Ламанчскаго рыцаря съ вѣтряными мельницами, исторія, конечно, не видала болѣе комическаго эпизода, чѣмъ „бой“ адмирала Рожественскаго съ „непріятельской“ эскадрой, состоявшей изъ мирныхъ англійскихъ рыбаковъ. Принять рыбу за торпеду—это ужъ черезчуръ даже для царскаго адмирала! Неудивительно, что страницы иностранной печати пестрятъ юмористическими сообщеніями о плаваніи злополучной „эскадры“. Кто предполагаетъ, что г.г. офицеры занимались во время встрѣчи съ рыбаками тѣмъ самымъ „національнымъ дѣломъ“ по части „монополіи“, какимъ ихъ собратья занимались и въ Портъ-Артурѣ въ достопамятный день первой встрѣчи уже не съ мнимымъ, а доподлиннымъ японскимъ флотомъ; кто утверждаетъ, что Рожественскій „съ дѣтства“ „ушибленъ мамкой“ и страдаетъ эпилепсіей и галлюцинаціями; кто думаетъ, наконецъ, что тутъ просто дѣло въ колоссальномъ невѣжествѣ, съ одной стороны, и паническомъ страхѣ „храбраго“ адмирала передъ японскими „карликами“ съ другой. Послѣднее, пожалуй, наиболѣе вѣроятно.

Между тѣмъ, за послѣдніе дни иностранныя газеты передаютъ изъ русскихъ источниковъ слухъ, который, если онъ подтвердится, превзойдетъ все, что только можетъ придумать самое шаловливое воображеніе. Адмиралъ Рожественскій въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ увѣрялъ, что стрѣлялъ онъ, собственно, не въ англійскихъ рыбаковъ, а въ два „японскихъ“ миноносца. Оказывается, что адмиралъ правъ: онъ стрѣлялъ дѣйствительно въ миноносцы, но миноносцы то были не японскіе, а... русскіе! Тѣ же, въ свою очередь, не остались въ долгу и, принявъ аттакующую ихъ эскадру за „японскую“, начали палить по ней.

„Отразивъ столь удачно измѣнническаго врага, наша эскадра прослѣдовала далѣе“, захлебываются патріотическимъ восторгомъ „Московскія Вѣдомости“ по случаю побѣды надъ „англо-японскою засадою“ и тутъ же вотируютъ Рожественскому „благодарность отечества“. Неподражаемо звучатъ увѣренія адмирала въ бесѣдѣ съ однимъ иностраннымъ корреспондентомъ, что „инцидентъ въ Сѣверномъ морѣ былъ неизбѣженъ“, и, пожалуй, еще лучше усилія оффиціознаго дипломатическаго органа, „Journal de St. Petersburg“, прикрыть глупость царскихъ слугъ ссылками на коварный „ниппонизмъ“, заставляющій во всякой встрѣчной баркѣ за 14000 верстъ отъ театра войны видѣть японскій флотъ!

— Царскому правительству это веселое похожденіе балтійской эскадры не пройдетъ даромъ. Англійская буржуазія не привыкъ къ такимъ царскимъ „потѣхамъ“, при которыхъ слетаетъ съ плечъ нѣсколько неповинныхъ головъ, и, подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія, англійское правительство заявило, что, до полученія удовлетворенія, оно задержитъ то сборище, наполовину негодныхъ, старыхъ ящиковъ, которое называется 2-ой тихоокеанской эскадрой. И царское правительство вынуждено было вымолить прощеніе цѣною неслыханнаго для „великой державы“ униженія: кромѣ покаяннаго извиненія и уплаты вознагражденія пострадавшимъ и семьямъ погибшихъ, оно должно было согласиться задержать виновныхъ офицеровъ и подвергнуть ихъ дѣйствія суду международнаго трибунала. Этимъ самымъ констатируется, что европейскія государства такъ-же мало полагаются на царскіе суды, какъ на суды какой нибудь восточно-азіатской деспотіи. До сихъ поръ только къ такимъ странамъ, какъ Турція, Персія, Китай, иностранныя державы предъявляли требованіе особой юрисдикціи.

Петербургъ. Съ театра военныхъ дѣйствій доносятся слухи объ ужасахъ всякаго рода. Особенно великъ, сравнительно съ прошлыми войнами, процентъ психически разстроенныхъ. Ихъ въ пути встрѣчаютъ цѣлыми вагонами; у большинства буйная форма помѣшательства. Везутъ ихъ безъ всякаго присмотра. Солдатамъ совершенно не выдаютъ смѣнъ бѣлья. Бѣлье гніетъ на нихъ — большинство не мѣняло его уже 5-6 мѣсяцевъ. Съ убитыхъ японцевъ прежде всего снимаютъ бѣлье. Отступленіе создало новую форму хищенія. Такъ, напримѣръ, отступая отъ Ляояна, сожгли 21 вагонъ сахару и тьму всего прочаго. Солдатамъ же сахару не выдавали по нѣсколько мѣсяцевъ, а раньше выдавали по одному-два куска. Сожженное увеличиваютъ до безконечныхъ размѣровъ: вмѣсто 15, показываютъ 50 вагоновъ, и за столько же „платятъ подрядчикамъ“ или, вѣрнѣе, предъявляютъ счета въ интендантство: сожгли де. Спекуляція на отступленіе, вообще, въ полномъ ходу. Полковые врачи жалуются на отсутствіе лекарствъ и перевязочныхъ средствъ: изъ рецептовъ приготовляются только три и то такъ, что врачъ не находитъ возможнымъ давать больнымъ такую бурду. Лучше обставлены госпитали Краснаго Креста. Но, вѣдь, главная и постоянная организація, имѣющая большое значеніе — именно полковые лазареты. А они оказались совершенно не подготовленными.

На войнѣ и по пути на войну (изъ частныхъ *писемъ*). Изъ письма ветерин. фельдшера. Авторъ въ началѣ подробно описываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ своей частью цѣлый мѣсяцъ кочевалъ между Ляояномъ и Хайченомъ въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ: пища и кормъ для лошадей отсутствовали, дороги ужасныя и притомъ совершенно неизвѣстныя командирамъ, благодаря чему отрядъ неоднократно сбивался съ пути, при удушливой жарѣ чрезмѣрные переходы, отсутствіе какихъ бы то ни было приспособленій для удобства людей, противорѣчивыя приказанія начальства. Втеченіе 4-хъ дней, отрядъ не могъ найти деревни, гдѣ ему приказано было остановиться. Въ результатѣ масса больныхъ и гибель многихъ лошадей. Около Аншаня японцы на голову разбили Тамбовскій полкъ; застали весь полкъ за чаепитіемъ, хотя развѣдчики докладывали командиру, что японцы близко, слышна перестрѣлка; офицеры просили командира полка приготовиться для встрѣчи непріятеля, но онъ категорически заявилъ, что „не надо“ и прибавилъ, что „кто осмѣлится ослушаться меня, тому голову снесу“. Японцы подъ прикрытіемъ гаоляна приблизились на разстояніи 30 шаговъ и начали стрѣлять залпами, произвели страшную панику: спасались, кто какъ могъ, полковаго священника въ натискѣ убили. Г.г. офицеры показали себя во всей славѣ трусости, прячась за камни, говоря солдатамъ: „братушки, стрѣляйте, кто какъ умѣетъ“, но такихъ трусовъ пуля вездѣ найдетъ, если и не японская, такъ русская... Я думалъ, что на войнѣ всѣ безъ исключенія проникнуты воинственнымъ духомъ, стремятся къ одной цѣли защищать общіе интересы, отстаивать честь дорогой каждому родины, но ничего подобнаго я не встрѣтилъ ни въ комъ; наши начальники имѣютъ каждый свою цѣль и свои личные интересы; живутъ какъ дома, пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, интригуютъ съ сестрами милосердія; словомъ, ведутъ жизнь совершенно безпечную, беззаботную, не хотятъ вникнуть въ дѣло, предоставляя всецѣло вести его каптинармусамъ, артельщикамъ, а тѣ разрабатываютъ, что называется во всю: 1 руб. на дѣло, 2 руб. въ карманъ, съ китайцами сдѣлки. И это все они продѣлываютъ безконтрольно, и потому и остаются безнаказанными; вотъ гдѣ вся причина голодовки людей и лошадей. И, представьте, ничего нельзя сдѣлать. Мы пробовали было доложить высшему начальству, но ничего не вышло; всѣ эти ихъ продѣлки втянули въ себя и командировъ, такъ что послѣднимъ волей неволей пришлось прикрывать ихъ..... и дѣло идетъ своимъ чередомъ. Поэтому приходится людямъ заботиться каждому лично о себѣ...“

Лицо, читавшее письма солдатъ къ роднымъ (въ Харьковской губ.) резюмируетъ ихъ содержаніе... „Такъ тяжело, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ боя, лишь бы поскорѣе ранили или убили. Разутые, голодные, безъ бѣлья, которое гніетъ и сваливается клочьями; почти всѣ больны накожными болѣзнями. Сапогъ не выдавали и поѣхали въ своихъ, которые теперь разлѣзлись,—просятъ родныхъ прислать...“

Изъ письма врача. „Солдаты пристаютъ съ разными вопросами, напримѣръ — зачѣмъ мы бьемся за песчаную Манджурію, когда въ Сибири такъ много плодородной и не заселенной земли, которую мы проѣзжаемъ для того, чтобы сражаться за эти пески? На что они намъ? Зачѣмъ проводили здѣсь желѣзныя дороги по чужой землѣ? и т. д.

Изъ письма съ дороги, изъ санитарнаго отряда: „...Всѣ залѣзли въ ватныя и мѣховыя пальто, сейчасъ днемъ довольно тепло, но ночи очень холодныя. И вотъ, въ такіе-то дожди и холода мы принимаемъ и провожаемъ на вокзалъ больныхъ солдатиковъ *безъ шинелей, безъ сапогъ*, привозимъ къ санитарному поѣзду въ тулупахъ и забираемъ тулупы обратно; ихъ набиваютъ, какъ скотъ, по 20 человѣкъ въ товарный вагонъ—теплушку (съ желѣзн. печкой). Больныхъ намъ сплавляютъ изъ Харбина изъ военныхъ госпиталей... Много неврастениковъ, разстроившихъ свою нервную систему отъ ужасовъ войны. Они разсказываютъ о своихъ впечатлѣніяхъ съ войны: такъ, подъ Ляояномъ одинъ русскій полкъ стрѣлялъ въ другой русскій же, послѣ чего пошли другъ на друга въ атаку, въ штыки и только тогда опомнились, когда сошлись грудь съ грудью, а въ это время японцы стали ихъ разстрѣливать съ боку...

Изъ письма офицера: „... Служба паршивая, хуже каторги... ...Когда я былъ въ Ляо-Янѣ, то, повѣришь, на улицѣ лежали раненые. Далѣе солдаты стрѣляютъ въ своихъ офицеровъ, тамъ на войнѣ они не признаютъ офицеровъ. Такъ что приходится быть очень осторожнымъ съ солдатами, они укокошатъ. Снарядовъ не хватаетъ. Когда я сопровождалъ обозъ и когда напалъ маленькій отрядъ японцевъ въ 2.000 чел., то черезъ полчаса уже не могъ стрѣлять залпами, ибо не хватало патроновъ, между тѣмъ какъ японцы стрѣляютъ *безпрерывочными* залпами... Да, не знаю, о чемъ думало до сихъ поръ правительство.“

Заботы о раненыхъ. Съ торжественной помпой выпроваживаютъ у насъ изъ Россіи на Дальній Востокъ — на бойню — здороваго солдата. Самого слабоумнаго царя развозятъ по всей Россіи, показываютъ „солдатику,“ чтобъ подогрѣть его патріотическія чувства. Павшее духомъ самодержавіе послѣ „блестящихъ отступленій“ возлагаетъ всѣ свои надежды на этого солдата: за нимъ ухаживаютъ, онъ въ цѣнѣ. Попы торжественно звонятъ въ колокола, фабриканты жертвуютъ на „солдатика“ по нѣскольку кусковъ сахару, а ихъ жены шьютъ ему кисеты для махорки.

Но когда тотъ же солдатъ, спасая тронъ своему царю, искалѣченный, превращенный въ пушечное мясо, нуждается въ лѣченіи, въ уходѣ, о немъ забываютъ, съ нимъ не церемонятся: онъ обезцѣненъ и сталъ обузой для самодержавія. Эвакуаціонная коммиссія наскоро распихиваетъ выбывшія изъ строя жертвы по вагонамъ отходящаго поѣзда и полагаетъ, что миссія ея закончилась. Остальное предоставляется живительнымъ силамъ природы и мудрому изрѣченію: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть.“ Больнымъ не нужно чистаго бѣлья, бинтовъ, лѣкарствъ, постельныхъ матрацовъ.

Но пусть факты сами говорятъ за себя.

На станціи Мысовая, по ту сторону озера Байкала, врачъ принимаетъ партію больныхъ. Въ дорожной аптекѣ имѣется на лицо: 2 фунта касторовато масла, нѣсколько доверовыхъ порошковъ и... одинъ грязный бинтъ. Въ вагонахъ — ни одного тюфяка. Въ довершеніе всѣхъ прелестей — раненые не были въ банѣ полгода.

Пріѣзжаютъ въ Иркутскъ, но здѣсь ихъ никто не встрѣчаетъ: нѣтъ ни представителя эвакуаціонной коммиссіи, ни члена отъ Краснаго Креста. Положеніе таково, что ѣхать дальше при указанныхъ возмутительныхъ условіяхъ нельзя. Съ трудомъ удается задержаться на сутки, и докторъ, по своей иниціативѣ, ве

валъ пролетаріату амстердамскій съѣздъ. И въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ее при оцѣнкѣ амстердамскаго рѣшенія.

Анархисты увидятъ въ этомъ рѣшеніи новое доказательство отсутствія у международной соціальдемократіи революціонной энергіи[1]. Но мы имъ возразимъ, что идея всеобщей стачки, какъ суррогата возстанія,— идея „стачки скрещенныхъ рукъ“ свойственна далеко не однимъ соціальдемократамъ. Передо мной лежитъ брошюра: „Greve generale reformiste et greve generale revolutionnaire“, которая издана „коммиссіей стачекъ и всеобщей стачки“, состоящей при французской confederation generale du travail. Сочувствіе автора — или авторовъ, — этой брошюры безраздѣльно лежитъ на сторонѣ *революціонной* стачки. между тѣмъ, посмотрите, какъ онъ заканчиваетъ свое произведеніе. Онъ говоритъ (стр. 23 второго изданія), что возстаніе было бы „безуміемъ, конечно, героическимъ, но осужденнымъ на роковую неудачу“. На слѣдующей страницѣ онъ повторяетъ, что „уличная война съ оружіемъ въ рукахъ отжила свой вѣкъ“, и что при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе осуществимаго средства, чѣмъ всеобщая стачка: „Чего проще! Отказаться работать на эксплуататора... Убить старое общество бездѣйствіемъ рабочихъ и на навозной кучѣ капитализма дать возможность коммунистическому обществу и т. д.“ Что это, какъ не „стачка скрещенныхъ рукъ“? И что это, — прибавлю мимоходомъ, — какъ не утопическое представленіе о соціалистической революціи, являющейся въ результатѣ „бездѣйствія“, т. е. отказа пролетаріевъ продавать капиталистамъ свою рабочую силу? Въ примѣненіи къ такой стачкѣ до сихъ поръ остается вѣрнымъ полушутливое, полусерьезное опредѣленіе Ауэра: „всеобщая стачка—всеобщее бездѣйствіе — всеобщая безсмыслица“...

Я могъ бы привести еще очень много выписокъ такого же содержанія, но это не нужно. Всѣмъ, слѣдящимъ за рабочимъ движеніемъ, извѣстно, что убѣжденіе въ невозможности вооруженнаго возстанія раздѣляется теперь даже многими анархическими сторонниками „революціонной стачки“. Это убѣжденіе и подготовило почву для распространенія мысли о всеобщей стачкѣ между тѣми пролетаріями, которые не могутъ успокоиться на наивной вѣрѣ въ то, что современная борьба классовъ, уже стоившая рабочему классу многихъ, — иногда кровавыхъ, — жертвъ, закончится словесными турнирами парламентскихъ ораторовъ. Эти пролетаріи понимаютъ, что „сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новый общественный порядокъ“; но, не вѣря въ успѣхъ вооруженнаго возстанія, они тѣмъ охотнѣе усваиваютъ мысль о всеобщей стачкѣ. И чѣмъ болѣе будетъ обостряться борьба рабочаго класса съ буржуазіей; чѣмъ менѣе вѣроятнымъ будетъ, — вслѣдствіе этого, — становиться *мирное* рѣшеніе „соціальнаго вопроса“, тѣмъ болѣе будетъ упрочиваться эта мысль въ средѣ пролетаріевъ. Поэтому я и говорю, что международнымъ соціальдемократамъ еще не разъ придется обсуждать ее на своихъ съѣздахъ.

Но если мысль о всеобщей стачкѣ имѣетъ здравое основаніе; если не парламентскія словесныя схватки приведутъ рабочій классъ къ побѣдѣ, то не надо обманывать себя. Никогда еще никакое *дѣло* не торжествовало вслѣдствіе *бездѣйствія* своихъ сторонниковъ, и никогда „скрещенныя руки“ не разрушатъ зданія капитализма. Слушая разсужденія о томъ, что пролетаріатъ долженъ отказаться отъ надежды побѣдить своихъ враговъ въ открытомъ бою, я вспоминаю, какъ у Щедрина помпадуръ Бородавкинъ воевалъ съ обывателями Стрѣлецкой слободы. Обыватели попрятались по домамъ и, въ отвѣтъ на грозные возгласы помпадура: „Эй! Кто тутъ! выходи“! — только вздыхали. Это до такой степени сбило съ толку кровожаднаго администратора, что онъ совсѣмъ растерялся. Планъ сторонниковъ „стачки скрещенныхъ рукъ“ нѣсколько напоминаетъ образъ дѣйствія щедринскихъ стрѣльцовъ. Онъ не дуренъ; но вѣдь и у Щедрина стрѣльцамъ все таки пришлось вылѣзать на божій свѣтъ, когда кто-то изъ оловянныхъ солдатиковъ Бородавкина догадался *ломать избы*. Не спрячутся и рабочіе отъ буржуазныхъ усмирителей, когда тѣ рѣшатся дать имъ кровавый урокъ. Да и стыдно имъ было бы прятаться. Самая мирная массовая стачка легко можетъ повести къ массовому столкновенію съ войскомъ. Эту возможность необходимо учитывать при соображеніяхъ о массовой стачкѣ. *Оружіе критики не можетъ замѣнить критики посредствомъ оружія.* Напрасно ссылаются на усовершенствованія современной военной техники. Сами собою не стрѣляютъ даже наиболѣе усовершенствованныя ружья и пушки; чтобы употребить ихъ въ дѣло, нужны солдаты, а солдаты современныхъ капиталистическихъ странъ не оловянные солдатики. Они въ значительной, — и все болѣе и болѣе возрастающей, — степени выходятъ *изъ среды пролетаріата*, и ихъ головы тоже не застрахованы отъ вліянія соціальдемократическихъ идей. *Въ этомъ все дѣло.* Вооруженныя возстанія и прежде оканчивались успѣшно только тогда, когда революціонерамъ удавалось „деморализовать“ войска[1].

На эту сторону вопроса неизбѣжно придется обратить вниманіе международной соціальдемократіи. Правда, на международныхъ съѣздахъ неудобно говорить о ней по многимъ причинамъ. Но она, по крайней мѣрѣ, должна быть принимаема въ соображеніе, и во всякомъ случаѣ ни одно рѣшеніе международныхъ съѣздовъ не должно формулироваться такъ, чтобы подъ его вліяніемъ у рабочихъ могло возникнуть преувеличенное представленіе о революціонной роли „стачки скрещенныхъ рукъ“.

Теоретически амстердамское рѣшеніе о всеобщей стачкѣ неправильно, потому что не полно. Но, рекомендуя стачку, какъ суррогатъ возстанія, амстердамскій съѣздъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что „довлѣетъ дневи злоба его“: въ настоящее время вліяніе соціальдемократіи на войско еще не таково, чтобы она, могла, *не совершая тяжелаго грѣха противъ рабочихъ*, — звать ихъ на возстаніе[2]. А такъ какъ задача международныхъ съѣздовъ *практическая, а не теоретическая*, то голландскій проектъ резолюціи о всеобщей стачкѣ могъ быть принятъ, не смотря на его теоретическій недостатокъ, — какъ *правильно выражающій современное положеніе дѣлъ*. Поднимать теперь споръ о теоретической возможности вооруженнаго возстанія, значило бы только вызывать недоразумѣнія и разногласія въ той революціонной соціальдемократіи, которую *надо было объединить* для борьбы съ оппортюнизмомъ. Подобная безтактность позволительна развѣ только „соціалистамъ-революціонерамъ“, отъ имени которыхъ г. Устиновъ пробормоталъ на засѣданіи съѣзда нѣсколько неразборчивыхъ словъ въ защиту идеи возстанія. Какъ плохо излагалъ свою мысль этотъ делегатъ, видно изъ того, что въ коммиссіи всеобщей стачки, его разсужденія были поняты въ смыслѣ призыва къ „террору“, и заставили посмотрѣть на него, какъ на человѣка нѣсколько ... страннаго. Когда идея возстанія пріобрѣтетъ на Западѣ практическое значеніе, тогда о ней будутъ разсуждать люди болѣе „толковитые“, чѣмъ г. Устиновъ.

Рѣшеніе, принятое Соц. Партіей Франціи на лилльскомъ съѣздѣ, предусматриваетъ возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе. Поэтому, теоретически оно болѣе правильно. Но содержаніе его было почти совсѣмъ неизвѣстно съѣхавшимся въ Амстердамъ делегатамъ другихъ странъ. Если бы мы, делегаты россійской соціальдемократіи, имѣли *возможность* заранѣе ознакомиться съ нимъ, то мы бы подали голосъ за него, а не за голландскій проектъ, какъ я на съѣздѣ же заявилъ объ этомъ одному изъ представителей названной партіи въ Международномъ Соц. Бюро, Браку. Но отчетъ лилльскаго съѣзда тогда еще не былъ напечатанъ, и лилльская резолюція о всеобщей стачкѣ раздавалась амстердамскимъ делегатамъ, — далеко не всѣмъ, что призналъ въ разговорѣ со мной самъ Бракъ, — напечатанная на отдѣльныхъ листкахъ. До насъ не дошелъ ни одинъ изъ нихъ. Впрочемъ, много жалѣть объ этомъ нечего, потому что, повторяю, *въ настоящее время* содержащееся въ лилльской резолюціи указаніе на возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе имѣетъ для западныхъ странъ *только теоретическое значеніе*. И на сколько я могу судить по статьѣ Э. Лифона „Le congres de Lille“, напечатаной въ № 139-140 „Mouvement Socialiste“, не это указаніе обезпечило этой резолюціи большинство голосовъ на лилльскомъ съѣздѣ.

Въ заключеніе еще разъ скажу, что данное въ Амстердамѣ рѣшеніе вопроса о всеобщей стачкѣ, не вѣрное въ теоріи, даже въ практическомъ отношеніи останется правильнымъ только въ теченіе нынѣшняго, *переходнаго* времени. Въ будущемъ сама *практика* потребуетъ совсѣмъ другого рѣшенія...

Г. Плехановъ.

---

[1] И не одни анархисты. Въ этомъ же смыслѣ ссылаются на него наши „соціалисты-революціонеры“.

[1] Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ предисловіи къ нашему второму изданію „Манифеста Коммунистической Партіи“ (Женева 1900).

[2] Прошу имѣть въ виду, что во всемъ, сказанномъ здѣсь, я имѣлъ въ виду *не* Россію: у насъ совсѣмъ не тѣ условія. По многимъ причинамъ наше войско легче можетъ быть „деморализовано“ и разстроено, чѣмъ войска конституціонныхъ странъ: хотя бы по одному тому, что наши офицеры не могутъ быть такими убѣжденными сторонниками существующаго порядка, какъ западно-европейскіе. Но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ.

зетъ больныхъ въ баню. Затѣмъ онъ бросается въ Красный Крестъ, молитъ о выдачѣ медикаментовъ, бинтовъ, но находитъ только... 5 бутылокъ краснаго вина! Онъ обращается въ частный благотворительный кружокъ и здѣсь получаетъ наволоки для тюфяковъ; въ аптекѣ военныхъ врачей онъ достаетъ кое какія лѣкарства.

Въ дальнѣйшемъ пути отъ Иркутска, ни въ Красноярскѣ, ни въ другихъ пунктахъ никто не встрѣчаетъ раненыхъ.

Наконецъ, въ Омскѣ эвакуаціонный генералъ, котораго съ трудомъ разыскали, безпомощно пожимаетъ плечами, проявляетъ всякіе знаки удивленія и вопрошенія: онъ въ затрудненіи, онъ нетвердо знаетъ, кто вѣдаетъ и куда слѣдуетъ обращаться, чтобъ получить все, что нужно раненымъ. Онъ говоритъ, что уже далъ одному врачу, сопровождавшему партію эвакуируемыхъ, 100 р., но съ кого онъ получитъ эти деньги — не знаетъ. Бѣдный генералъ, пришлось принести и ему жертву на алтарь отечества: цѣлыхъ сто рублей!

У генерала, между прочимъ, заведена цѣлая канцелярія: сидятъ писаря, усиленно строчатъ; но и здѣсь всѣ попытки выяснить, какъ быть со всѣмъ необходимымъ для раненыхъ — ни къ чему доброму не приводятъ.

И ѣдутъ искалеченные люди — безпомощные, забытые, съ терзающимся отъ безсильныхъ порывовъ чѣмъ-нибудь помочь врачемъ.

А, вѣдь, всѣ эти тунеядцы — представители эвакуаціонныхъ коммиссій и Краснаго Креста, ой-ой, какіе куши получаютъ. Главный уполномоченный Краснаго Креста получаетъ 60 000 рублей годового содержанія.

Какъ заботятся с больныхъ солдатахъ. Своеобразный свѣтъ на заботливость начальства о солдатахъ проливаетъ нижеслѣдующій документъ.

Пріамурскій
военный округъ.
Окружному военному
Управленію.
Отдѣлъ фармацевтическій
5 іюня 1904 года.
№ 4317.

Циркуляръ 36.

Нѣкоторые изъ главныхъ врачей госпиталей, вмѣсто того, чтобы требовать своевременно недостающіе предметы медицинскаго довольствія изъ Хабаровскаго аптечнаго склада, обращались за помощью къ Красному Кресту, давая тѣмъ самымъ поводъ къ заключенію о скудости военномедицинскаго снабженія, хотя въ дѣйствительности таковаго нѣтъ, и всѣ полученные ими отъ Кр. Кр. предметы положенныя существующими каталогами и имѣются въ избыткѣ въ запасѣ въ военно-медицинскаго вѣдомства

Въ видахъ устраненія сего на будущее время, предлагаю требовать своевременно тѣ предметы медицинскаго довольствія, запасъ коихъ будетъ на исходѣ, и обращаться за помощью къ Красному Кресту только въ экстренныхъ случаяхъ, донося каждый разъ въ Окружное военно-медицинское управленіе о сдѣланномъ позаимствованіи.

Въ расходованіи врачебныхъ средствъ слѣдуетъ соблюдать возможную бережливость, примѣняя ихъ у больныхъ только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости. При этомъ прошу старослужащихъ военныхъ врачей ознакомить своихъ призванныхъ изъ запаса и неопытныхъ товарищей съ характеромъ военныхъ больныхъ, среди которыхъ симуляція представляетъ обыкновенное явленіе.

Окружной военно медицинской Инспекторъ Тайный Совѣтникъ
Шевелевъ.

И. д. дѣлопроизводителя изъ фармацевтовъ: Васильевъ.

„Царское" интендантство, по мѣрѣ силъ, старается поставить возможно больше больныхъ, а царское врачебное вѣдомство рекомендуетъ возможно бережливѣе расходовать на леченіе этихъ больныхъ!

Еще о мобилизаціи. Не успѣла закончиться отправка запасныхъ сентябрскаго призыва изъ Одесскаго округа, какъ бѣдствіе мобилизаціи постигло новую обширную область — сѣверо-западъ Россіи и Польшу. Начавшія поступать изъ этого района сообщенія рисуютъ картину, аналогичную безпорядкамъ на югѣ; то же море отчаянія и слезъ, тоже всеобщее недовольство (см. помѣщенную въ этомъ № корр. „Изъ поѣздки по сѣверо-западу"); тѣ же эксцессы согнанной въ города голодной толпы запасныхъ; наконецъ, тѣ же злоупотребленія и та же растерянность мѣстныхъ властей. Газеты сообщаютъ о погромахъ въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ. Надо отмѣтить, однако, что здѣсь еще въ большей степени, чѣмъ на югѣ замѣчается отсутствіе специфическаго антисемитскаго характера безпорядковъ: прежде всего, только въ исключительныхъ случаяхъ враждебныя дѣйствія толпы направлены были противъ личности евреевъ; такъ, въ Витебскѣ, только въ 3 й гор. части было избито нѣсколько человѣкъ, въ остальныхъ же частяхъ пострадали только лавки, и притомъ, главнымъ образомъ, бакалейныя, а также монопольки, къ евреямъ никакого отношенія не имѣющія. (Надо замѣтить, что и тутъ, по ничѣмъ не объяснимому распоряженію администраціи, всѣ съѣстныя лавки были закрыты). Изъ Сосновицъ пишутъ даже, что, несмотря на очень раздраженное состояніе толпы, „о прежнемъ погромѣ не было и помину: христіане и евреи, сбратанные недолей, прощаются и выплакиваютъ другъ передъ другомъ общее горе". Но, какъ бы то ни было и на сѣверо-западѣ, повидимому, соц.-демократическія организаціи не сумѣли дать проявленію народнаго гнѣва толчокъ въ желательную сторону. Сосновицкій корреспондентъ говоритъ, что были попытки сорганизовать протесты, которые за отсутствіемъ агитаторовъ ни къ чему не привели.

Полиція во время погромовъ почти вездѣ бездѣйствовала. Въ Могилевѣ, какъ сообщаютъ иностранныя газеты, полицейскіе чины на просьбы евреевъ о защитѣ даже отвѣчали: „такъ вамъ и надо за вашихъ демократовъ".

Для кармановъ администраторовъ мобилизація явилась удобнымъ источникомъ доходовъ. Въ тѣхъ же Сосновицахъ г.г. Кроненбергъ (Нач. Зем. Стражи и Софроновъ (президентъ магистрата) взыскали съ каждаго домовладѣльца по 12—48 руб. „на подводы для запасныхъ", и такимъ образомъ поживились на нѣсколько тысячъ рублей. Обывателями по этому поводу послана въ Петербургъ телеграмма.

Изъ Одессы сообщаютъ въ высшей степени интересныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ отправкахъ запасныхъ.

28 сентября въ самомъ центрѣ города произошелъ слѣдующій фактъ. Зданіе старой семинаріи на углу Почтовой ул. и Александр. проспекта, обращенное временно въ казармы, было переполнено запасными. Послѣдніе были крайне раздражены тѣмъ, что начальство отказало имъ въ отпускахъ домой для прощанья съ семьями (полки уходили въ этотъ день). Съ самаго утра къ казармѣ стали стекаться жены и родственники уходящихъ, съ грудными дѣтьми на рукахъ. Родные, оставаясь на улицахъ, должны были оттуда прощаться со своими отцами и мужьями, выглядывавшими изъ оконъ 2 го этажа. Вдругъ, точно по уговору, схватились они за оружіе и стали штыками разбивать стекла и разворачивать рамы въ окнахъ. Въ то же время изъ оконъ полетѣли принадлежности солдатской аммуниціи и скудный казенный скарбъ; вотъ съ грохотомъ падаетъ на мостовую цѣлый сундукъ и разбивается въ дребезги; вотъ летитъ солдатское кепи, проворно подхватываемое босякомъ, быстро уходящимъ съ добычей... Въ то же время воины связывали изъ разорваннаго бѣлья или кушака длинныя полосы, которыя спускали на землю; тутъ за нихъ цѣплялись жены и дѣти, которыя затѣмъ подымались наверхъ въ казарму. На невиданный спектакль смотрѣла тысячная толпа. Вертѣлась, какъ водится, въ несмѣтномъ количествѣ и полиція, которая, однако, при такомъ небываломъ „бунтѣ" оказалась совершенно безсильной... Въ 4 часа дня буяновъ отправили на товарный вокзалъ, чтобы увезти на бойню. Въ семинарскихъ окнахъ не было буквально ни одного цѣлаго стекла, а на вѣтвяхъ разсаженныхъ вдоль улицы деревьевъ долго еще продолжали висѣть застрявшіе тамъ трофеи: гдѣ разорванное кепи, гдѣ какая-то безформенная тряпка, въ которой только по украшающему ее красному канту можно узнать частицу солдатскаго костюма.

Во время этого „бунта" былъ сильно избитъ солдатами одинъ унтеръ-офицеръ, который потомъ умеръ въ больницѣ... Какъ говорятъ, исторія была вызвана, кромѣ отказовъ въ отпускахъ, еще тѣмъ, что начальство запрещало солдатамъ брать съ собой даже самый необходимый скарбъ.

Вторая исторія разыгралась 2 октября. Въ этотъ день долженъ былъ отправиться на войну Замостскій полкъ. Первый эшелонъ былъ отправленъ въ 2 часа ночи. Второй же эшелонъ, который долженъ былъ двинуться въ 9 час. утра, *наотрѣзъ отказался идти на войну.* Причинъ мнѣ не удалось выяснить. Не знаю также, какъ съ нимъ намѣрены поступить, но думаю, что, въ концѣ концовъ, заставятъ итти.

Изъ поѣздки по сѣверо-западу. Мнѣ пришлось проѣхать Витебскую и Смоленскую губерніи какъ разъ во время мобилизаціи. Было часа 4 утра, когда — на одной изъ маленькихъ станцій — меня довольно безцеремонно растолкали вошедшіе въ вагонъ пассажиры. Недовольнымъ голосомъ я сказалъ имъ, что въ сосѣднемъ отдѣленіи много свободнаго мѣста и что незачѣмъ было меня будить. — „Да что тутъ говорить! Есть намъ охота смотрѣть, гдѣ свободныя мѣста!.." Затѣмъ минуты 3 вошедшіе разговариваютъ тихо между собой: это евреи, бѣдно одѣтые, двѣ женщины и три мужчины. Бьетъ второй звонокъ. Вагонъ наполняется рыданьями женщинъ; мущины обнимаются и тоже плачутъ. Бьетъ 3-й звонокъ. Одну изъ женщинъ почти насильно выводятъ изъ вагона. Съ перрона доносится отчаянное: „прощай! прощай!" Поѣздъ трогается. Послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжелаго молчанія, кое-кто изъ пассажировъ начинаетъ заговаривать съ запасными. Утѣшаютъ, говорятъ, что теперь правительство рѣшило оставлять запасныхъ внутри Россіи для гарнизонной службы и т. п. — „Ахъ, оставьте, пожалуйста", перебиваетъ одинъ изъ запасныхъ „сами мы знаемъ, куда идемъ, на смерть мы идемъ..." По мѣрѣ того, какъ поѣздъ приближается къ городу, вагонъ все больше наполняется запасными. Маленькія, и въ другое время всегда пустыя, станціи биткомъ набиты народомъ. Поѣздъ на каждой станціи стоитъ чуть не по 1/4 часа. Рыданія женщинъ, плачъ дѣтей наполняютъ воздухъ. Кондуктора уже давно перестали контролировать билеты. Проѣздъ всѣмъ разрѣшается безплатный. Вагоны набиты такъ, что невозможно пройти. На площадкахъ, даже на подножкахъ вагоновъ — провожающіе. Жандармъ, начальникъ станціи и оберъ-кондукторъ надрываютъ голосъ, крича: „ноги отрѣжетъ, уходите, уходите скорѣй!" Лица у всѣхъ серьезныя, у многихъ заплаканныя и только служащіе на желѣзной дорогѣ до послѣдней степени уставшіе отъ хлопотъ и бѣготни, смотрятъ безучастно на отъѣзжающихъ и убитыя горемъ ихъ семьи. Плачъ и причитанья настолько громки, что ихъ слышно еще прежде, чѣмъ поѣздъ подойдетъ къ самой станціи; этотъ же плачъ заглушаетъ свистокъ оберъ-кондуктора; послѣдній долженъ пробираться сквозь густую толпу поближе къ паровозу, чтобы дать сигналъ отправленія. Въ вагонахъ то же рыданіе, тотъ же плачъ, иногда заглушаемый какой то нелѣпой пѣсней, вѣрнѣе, криками сильно подгулявшихъ солдатъ. Но, вообще, пьяныхъ мало. Говорятъ только о войнѣ. Запасные негодуютъ на то, что черезъ двѣ недѣли послѣ призыва ихъ уже отправляютъ на театръ военныхъ дѣйствій. „Какой я солдатъ", говоритъ мужикъ лѣтъ 40, „у меня и въ памяти то ничего отъ службы нѣтъ, меня, можетъ, теперь нужно еще 5 лѣтъ учить, чтобы я вспомнилъ, какъ нужно съ орудіемъ обращаться!.. Другой жалуется: 7 человѣкъ дѣтей остается. Думаю: Господи, неужто возьмутъ? Вѣдь, всѣ дѣти перемрутъ раньше, чѣмъ я японцевъ увижу". Рядомъ старуха утѣшаетъ горько плачущую дѣвушку: „А, можетъ, и конецъ свѣту будетъ, перебьютъ всѣхъ и будетъ конецъ свѣта. Что-жъ плакать? Тогда всѣ помремъ, тогда и мы съ тобой помремъ, красавица!.." Нѣкоторые изъ призываемыхъ на службу стараются казаться бодрыми и не подавать виду. Вотъ съ небольшимъ узелкомъ вскакиваетъ въ наше отдѣленіе солдатъ, уже одѣтый въ форменное платье. Я спрашиваю его, запасной ли онъ. — „Такъ точно, запасной ефрейторъ!.." „Что жъ это вы такъ спѣшите одѣться въ форму? Вы охотно идете на войну? — Въ отвѣтъ запасной ефрейторъ только рукой махнулъ: „пусть ужъ скорѣй конецъ будетъ. Разлучаться то очень ужъ досадно!.." Онъ очень возбужденъ, и сейчасъ же начинаетъ объяснять сосѣдямъ, какія бываютъ орудія въ крѣпостяхъ. Много и долго говоритъ онъ о пушкѣ Кенэ, объ азбукѣ телеграфа Морзэ, о сигнализаціи зеркалами... Внезапно онъ вытаскиваетъ записную книжку и обращается ко мнѣ: „Я рѣшилъ писать дневникъ. Вотъ, будьте добры, напишите тутъ"... — „Какъ же вы будете вести дневникъ", перебиваю я его, „если вы не умѣете писать?" — Нѣтъ, я очень даже умѣю писать, и даже телеграфировать и телефонировать умѣю", обижается онъ, „а только сейчасъ отъ досады не могу написать, а вотъ у меня и въ билетѣ написано, что я очень хорошо обученъ"... Я беру карандашъ и пишу подъ его диктовку: „запасной ефрейторъ крѣпостной кронштадской артиллеріи Лазуковъ 12 октября покинулъ свою родину и поступилъ въ распоряженіе воинскаго начальника". Онъ проситъ меня перечитать написанное и затѣмъ внезапно разражается рыданьями и отчаянно кричитъ: „Ариша, Ариша! на смерть насъ везутъ..." Вотъ проѣхали городъ Полоцкъ. Запасные вышли и вагоны опустѣли. Кондукторъ въ изнеможеньи бросается на скамью: „мочи моей нѣтъ", говоритъ онъ, „вѣдь это каждую бабу изволь отъ вагона силкомъ отрывать..." Его отдыхъ продолжается, однако, очень недолго: черезъ нѣсколько станцій мы въѣзжаемъ въ Двинскій уѣздъ и поѣздъ вновь начинаетъ наполняться запасными, ѣдущими въ Двинскъ. Опять тѣ же сцены, изрѣдка прерываемыя какой-нибудь буйной выходкой пьяныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ и кондуктора, и жандармы, и урядники, которые постоянно толкутся на вокзалахъ при отправкѣ запасныхъ, — всѣ они остаются вдали и лишь сочувственно улыбаются, глядя на какую-нибудь драку. Имъ дана инструкція не слишкомъ лѣзть въ глаза публикѣ: въ такія минуты правительство благоразумно старается поменьше напоминать о себѣ. Вотъ наконецъ проѣхали и Двинскъ, и теперь можно съ облегченіемъ вздохнуть. Мы выѣзжаемъ изъ Витебской губ. Разговоръ, конечно, вертится вокругъ видѣнныхъ сценъ. „Неужто люди никогда не дойдутъ до того, чтобы не убивать другъ друга", мечтательно спрашиваетъ какой-то старикъ — еврей, вотъ выдумали же желѣзныя дороги, всякія усовершенствованія, а не могутъ выдумать, что безполезно убивать другъ друга". Нѣкоторое время ему не отвѣчали, а затѣмъ его знакомый, плотный купецъ или подрядчикъ, сочувственно вздохнувъ, говоритъ: „ничего не подѣлаешь, японцы или англичане... ихъ, вѣдь, не уговоришь, чтобъ бросили..." — „А вѣдь сколько вреда, сколько разоренія", жалуется старикъ еврей. Я говорю что особенно тяжело отзывается война на крестьянскомъ хозяйствѣ, желая продолжать разговоръ на эту тему. „Почему особенно тяжело?" — вскипѣлъ купецъ, „намъ еще хуже. Торговля совсѣмъ стала. Знаете: когда у крестьянина телушка отъ голоду мычитъ, у меня карманъ болитъ". Эту формулу солидарности экономическихъ интересовъ тутъ же поясняетъ другой пассажиръ — ремесленникъ или бѣдный торговецъ-разнощикъ: „Конечно, крупный купецъ беретъ съ средняго, средній съ мелкаго, а мелкій съ простого народа беретъ. А въ концѣ то всѣ отъ мужика и живутъ"... „Значитъ и вы должны желать окончанія войны", обращаюсь я къ купцу — „Да господи-боже! развѣ я не желаю?! Я, вѣдь, только говорю, что японцевъ или англичанъ словами не уговоришь окончить войну". — „А вотъ, можетъ быть", возразилъ я, „въ это же время въ Японіи идетъ такой же поѣздъ, въ немъ тоже сидятъ запасные солдаты или ихъ родные и также жалуются на войну и желаютъ ея окончанія..." — „Конечно, можетъ быть, а только я думаю, что это одни мечтанія. Можетъ быть одни — два такъ думаютъ, а остальные не такъ". „А какъ вы думаете", спрашиваю я, „у насъ многіе желаютъ окончанія войны?" — „Да всѣ желаютъ, понятное дѣло, кто-жъ не желаетъ!" — „А война всетаки продолжается, и въ Японіи никто и не знаетъ, что русскіе противъ войны", пробую я навести его на вопросъ о безправіи народа. Но онъ не понимаетъ, и разговоръ обрывается.

Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній. Московскій Треповъ заявился къ одному изъ крупнѣйшихъ фабричныхъ тузовъ съ просьбой „добровольно" пожертвовать на Кр. Крестъ. Фабрикантъ отказывается, говоря, что Кр. Крестъ воруетъ, и въ доказательство приводитъ, что для Краснаго Креста имъ были заказаны одѣяла по *особому* рисунку, отправлены на Востокъ, а теперь, къ его удивленію, они... продаются въ Москвѣ. Треповъ заявляетъ, что за такой демонстративный отказъ фабрикантъ будетъ высланъ. Фабрикантъ звонитъ и, въ присутствіи Трепова, приказываетъ *распустить всѣхъ своихъ рабочихъ*, а теперь, говоритъ, пожалуйста, высылайте. Угроза, очевидно, подѣйствовала на Трепова, ибо находчиваго капиталиста оставили совсѣмъ въ покоѣ.

Намъ пишутъ: Добились ли Якутскіе протестанты удовлетворенія своихъ требованій—вотъ вопросъ, который долженъ былъ ставить себѣ всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ этого протеста, вопросъ, особенно острый для самыхъ членовъ группы Якутскаго протеста, къ числу коихъ принадлежитъ и авторъ настоящей замѣтки. На этотъ вопросъ я могу отвѣтить утвердительно: да, требованія наши удовлетворены, и — что еще важнѣе — измѣнился общій тонъ отношеній между властью и ссылкой. Я говорю объ *Якутской* ссылкѣ; что же касается остальной сибирской ссылки, то она могла испытать лишь отраженное вліяніе нашего протеста и добиться лучшихъ условій жизни лишь постольку, поскольку она проявляла активный отпоръ произволу и насилію царскихъ слугъ. А такъ какъ такого активнаго отпора въ сколько нибудь крупной формѣ дано не было, то и неудивительно, что указанное рѣзкое измѣненіе въ положеніи ссылки коснулось, главнымъ образомъ, Якутской области.

Со времени нашего протеста прекратилась совершенно отправка политическихъ въ Верхоянскій и Колымскій округа. А между тѣмъ, до этого отправка туда происходила каждую недѣлю. Тов. Гургенадзе получилъ назначеніе въ Верхоянскъ. Онъ явился къ губернатору и заявилъ, что ни за что туда не поѣдетъ, а если будутъ брать его силой, то онъ сумѣетъ постоять за себя. Товарищъ, присутствовавшій при этомъ объясненіи, разсказывалъ, что губернаторъ не на шутку испугался, услышавъ этотъ грозный тонъ и видя передъ собою исполненнаго гнѣва грузина, съ горящими глазами и готоваго взяться сейчасъ же за ножъ. Губернаторъ началъ успокаивать Гургенадзе, усадилъ его въ кресло, велѣлъ подать воды и сказалъ, что не пошлетъ его въ Верхоянскій Округъ. С.-р. Максимъ Лукашикъ, бѣжавшій изъ Вилюйска и задержанный въ Якутскѣ, былъ назначенъ въ Булунъ (при устьѣ Лены), но отказался ѣхать туда, потому что тамъ ни одного политическаго нѣтъ; отъ поѣздки въ Верхоянскъ и Колымскъ онъ отказался еще раньше, потому что тамъ теперь голодъ. И вотъ администрація держитъ его въ Якутскѣ, не зная, что съ нимъ сдѣлать. Нечего и говорить, что со времени протеста отправка на казенный счетъ въ Россію кончившихъ срокъ ссылки совершается безъ всякихъ препятствій. На отлучки изъ улусовъ въ городъ никакихъ разрѣшеній не испрашивается и никакихъ наказаній за такія самовольныя отлучки не полагается даже тогда, когда ими пользовались для устройства демонстрацій. Вы уже знаете (см. „Искру" № 72), что партія, въ которой тов. Минскій убилъ офицера Сикорскаго за попытку послѣдняго обезчестить политическую, была встрѣчена въ Якутскѣ „самовольно" съѣхавшимися въ Якутскѣ политическими съ краснымъ знаменемъ и революціонными пѣснями. И въ то время, какъ до нашего протеста за переѣздъ черезъ Лену изъ села въ городъ (какъ это было съ Каревинымъ) ссылали въ Нижнеколымскъ, теперь, послѣ протеста, оставили безнаказанными всѣхъ товарищей, прибывшихъ „незаконно" изъ улусовъ и произносившихъ „незаконные" возгласы: „долой самодержавіе" и т. п. Во время суда надъ нами въ Якутскѣ собралось много „самовольно отлучившихся" изъ улусовъ. Полицмейстеръ ходилъ изъ квартиры въ квартиру, вѣжливенько прося уѣхать, но товарищи оставались въ городѣ все время и никакимъ взысканіямъ не подверглись. Вліяніе нашего протеста чувствовалась какъ во время нашего сидѣнія въ Якутской тюрьмѣ, такъ и по пути изъ Якутска въ Александровскую тюрьму. Наша отправка была назначена на 23 Августа. При выходѣ изъ тюрьмы мы увидѣли большую массу народа, впереди которой тѣсной кучкой стояли товарищи, бывшіе въ то время въ Якутскѣ и встрѣтившіе насъ дружнымъ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Повели насъ полемъ къ пароходу. Шествіе было внушительное: впереди 66 арестантовъ (считая въ томъ числѣ и вольнослѣдующихъ), окруженныхъ большимъ числомъ конвойныхъ, чуть-ли не по солдату на арестанта, а за нами тѣсно сомкнутыми рядами шли провожавшіе насъ товарищи; масса обывателей частью шла по сторонамъ, частью замыкала шествіе. Всю дорогу до парохода товарищи пѣли революціонныя пѣсни. А власти, въ лицѣ всего наличнаго состава полиціи, высшей и низшей, шли тутъ же, но не рѣшались что либо предпринять. Когда подошли къ пароходу, раздались клики: долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода! долой Кутайсова! да здравствуютъ романовцы! Была провозглашена вѣчная память Юрію Матлахову, убитому на Романовкѣ 4 марта, и Нафтолію Шацу, убитому на Мачѣ послѣ выстрѣла Минскаго. Не могу передать того душевнаго подъема, который я (да, вѣроятно, и остальные товарищи) испыталъ при видѣ этой дружной импровизированной демонстраціи. Она показала намъ, что лучшіе элементы Якутской ссылки глубоко сочувствуютъ намъ и будутъ продолжать наше дѣло. Нечего и говорить, что соц.-рев. (исключая двухъ-трехъ) благоразумно сидѣли по домамъ. Вотъ пароходъ тронулся подъ пѣніе революціонныхъ пѣсенъ; дружные возгласы смѣнялись громовымъ „ура"; постепенно исчезалъ изъ виду Якутскъ съ его тюрьмой, въ которой мы просидѣли 5 1/2 мѣсяцевъ, „Романовка", съ которой у всѣхъ насъ связано столько неизгладимыхъ воспоминаній, и кладбище, на которомъ покоится прахъ незабвеннаго нашего Юрія... А провожавшіе насъ товарищи бѣжали по берегу, какъ бы готовые уйти изъ этихъ постылыхъ мѣстъ вмѣстѣ съ нами на каторгу, куда уносилъ насъ пароходъ. Верстъ 6—7 пробѣжали они такимъ образомъ — до Осенней пристани, гдѣ мы окончательно распростились съ ними. Конвой все время держался въ высшей степени корректно, совсѣмъ не какъ съ „лишенцами" и каторжанами, осужденными на 12 лѣтъ. Вы знаете, какъ часты были въ послѣднее время столкновенія изъ-за свиданій въ пути: доходило не разъ до избиванія прикладами, связыванія веревками и т. п. Для насъ, выставившихъ разрѣшеніе свиданій съ товарищами однимъ изъ своихъ основныхъ четырехъ требованій, вопросъ о свиданіяхъ былъ дѣломъ чести не только революціонеровъ вообще, но и чести членовъ группы Якутскаго протеста въ частности. Когда условія нашей поѣздки и отношенія къ конвою еще не были выяснены, многіе были согласны пойти на самыя крайнія мѣры, лишь бы добиться свиданій. Но этого не потребовалось: свиданія были даны намъ свободно, потому что власти чувствовали, что отказъ въ свиданіяхъ повлечетъ за собою весьма серьезныя послѣдствія. Въ Олекмѣ товарищи въ теченіе трехъ дней обсуждали детали встрѣчи съ нами, предполагая возможность, какъ одинъ изъ нихъ выразился, сухопутнаго и морского сраженія (на случай, если бъ наша баржа не пристала къ берегу). И вотъ, подъѣзжая къ Олекмѣ видимъ интересное зрѣлище: вся колонія, человѣкъ въ 40, выстроилась на берегу вооруженная, въ ожиданіи врага, длинными, повидимому, свѣже вырубленными въ лѣсу почтенными посохами. Кромѣ послѣднихъ, были припасены еще ножи и кой какое огнестрѣльное оружіе; олекминцы ждали сраженія. Но они были пріятно удивлены, когда увидѣли, что насъ выпустили на берегъ и пригласили ихъ въ кругъ, образованный конвойными. Посохи были тутъ же повергнуты въ прахъ, и мы мирно просидѣли вмѣстѣ во все время стоянки парохода. И такъ же свободно давались намъ свиданія во всю дорогу. Въ Верхоленскѣ мѣстныя власти, въ лицѣ исправника и жандарма, отказали было въ свиданіи одному товарищу. Когда мы узнали объ этомъ, мы потребовали къ себѣ офицера партіи и заявили ему, что исправника и жандарма мы знать не хотимъ, что дать или не дать свиданіе исключительно въ его, офицера, власти, и пусть онъ знаетъ, что мы требуемъ свиданія, во что бы то ни стало, и что отвѣтственность за неразрѣшеніе свиданія падетъ исключительно на него. Офицеръ сразу почувствовалъ, что это заявленіе не пустая угроза: и въ самомъ дѣлѣ, у насъ было рѣшено пустить въ ходъ все, что только было у насъ подъ руками. Тотчасъ же солдатъ былъ посланъ позвать къ намъ товарища на свиданіе. Ночевали мы все время не въ этапныхъ помѣщеніяхъ, что наиболѣе всего соотвѣтствовало бы нашему новому „общественному положенію“, а на частныхъ квартирахъ. При остановкахъ и дневкахъ мы могли свободно расхаживать по селу, конечно, въ сопровожденіи почтеннаго конвоя.

На станкѣ Хоготскомъ мы всѣ были глубоко опечалены неожиданнымъ происшествіемъ: нашъ товарищъ по Романовкѣ, Владиміръ Петровичъ Бодневскій, бывшій офицеръ, получившій 10 лѣтъ Нижне-Колымска за пропаганду въ войскахъ, покончилъ жизнь выстрѣломъ изъ Браунинга въ сердце. Никакой записки покойный не оставилъ, и о причинахъ этого самоубійства можно только строить догадки. Мысль о каторгѣ и всѣхъ связанныхъ съ нею роковыхъ, фаталистическихъ случайностяхъ и униженіяхъ человѣческой личности сильно угнетала его все время. Онъ пробовалъ было бѣжать, но это ему не удавалось. И вотъ, не видя исхода изъ этой невыносимой жизни, являвшейся ему въ видѣ длиннаго ряда каторжныхъ годовъ, безъ просвѣта впереди, и не будучи въ состояніи примириться съ тѣмъ режимомъ, который ожидалъ его на каторгѣ, онъ рѣшилъ покончить съ собой. Мы сами сколотили ему гробъ, сами понесли на кладбище, сами зарыли въ могилу. На гробъ былъ возложенъ вѣнокъ изъ еловыхъ вѣтокъ съ двумя красными лентами. На одной изъ нихъ была надпись: Владиміру Петровичу Бодневскому. Группа Якутскаго протеста. 19 сентября 1904 г. На другой: „Ты предпочелъ смерть жизни въ неволѣ“. Власти хотѣли было производить вскрытіе, но мы настояли, чтобы этого не дѣлали, и отдали трупъ въ наше распоряженіе.

Твой врагъ надъ тобой не глумился,
Вокругъ тебя были свои,
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои.

Товарищи по Якутскому протесту никогда не забудутъ своего Влад. Петровича. И русская революція тоже не забудетъ, что на станкѣ Хоготскомъ въ юго-западномъ углу кладбища находится могила одного изъ ея вѣрныхъ сыновъ.

М. И. Бройдо.

Ссылка. Въ первыхъ числахъ іюля въ Красноярскую тюрьму изъ села Бейскаго, Минусинскаго уѣзда, прибыли четыре человѣка, пересылаемые въ сѣверныя волости за отказъ подчиниться циркуляру ген.-губернатора о правѣ надзирателя посѣщать квартиры политическихъ и за оскорбленіе надзирателя, троимъ назначена Кежемская волость: Науму Олейскому деревня Костина, Яну Кочинскому деревня Савина и Якову Шадрину деревня Усольцева, а Георгію Караджеву деревня Коновалова Пинчугской вол. (Изъ матеріаловъ Сиб. Союза).

Красноярскъ. 18 сентября 1904 года Иркутская Судебная Палата, безъ участія сословныхъ представителей, слушала дѣло о типографіи Сибирскаго Союза. Въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены: чиновникъ духовной консисторіи Иванъ Бойцовъ (агентъ-провокаторъ), бывшій воспитанникъ духовной семинаріи Петръ Миловидовъ, фельдшерица Марія Келлерманъ, наборщица Елизавета Бражникова, лѣсной кондукторъ Николай Семененко и жена его Сусанна Семененко. Защищали петербургскіе присяжные повѣренные А. Зарудный, В. В. Беренштамъ и мѣстн. П. И. Кусковъ[1].

Бойцовъ, понятно, не явился на судъ, и дѣло о немъ постановлено отложить, разыскать его и заключить подъ стражу, но можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что полиція его и не разыщетъ и подъ стражу не заключитъ — свой человѣкъ.

Вслѣдъ за прочтеніемъ обвинительнаго акта, защита, отъ имени подсудимыхъ, представила суду три секретныхъ документа изъ дѣлъ охраннаго отдѣленія. Одинъ изъ нихъ представлялъ собой сдѣланныя Бойцовымъ выписки изъ массы писемъ, перехваченныхъ имъ на почтѣ, съ разрѣшенія „подлежащихъ властей“, и представленныхъ въ охранное отдѣленіе. Другой — доносъ того же Бойцова въ охр. отдѣленіе о томъ, что заключенные въ тюрьмѣ переписываются „съ волей“ при посредствѣ одного изъ тюремныхъ надзирателей, и третій — отвѣтъ охраннаго отдѣленія отъ 15 іюня 1903 г. на предложеніе жандармскаго управленія арестовать Бойцова; охранное отдѣленіе пишетъ, что, согласно предписанія департамента полиціи, Бойцовъ не можетъ быть арестованъ, и предлагаетъ управленію прекратить за нимъ „наблюденіе“. При всемъ нежеланіи прокурора и самой палаты, ей все же пришлось принять эти документы и разрѣшить ссылаться на нихъ.

Изъ обвиняемыхъ Н. С. показалъ, что литература получена имъ въ томъ видѣ, въ какомъ найдена (въ сверткахъ), и С. С., что раза два была у Келлерманъ по личному дѣлу. На всѣ другіе вопросы не отвѣчали, а остальные обвиняемые совершенно отказались отъ показаній.

Большинство свидѣтелей не явилось, и показанія ихъ были прочитаны. Изъ нихъ представляютъ интересъ показанія быв. начальника жанд. управленія Вознесенскаго о томъ, что Бойцовъ явился къ нему еще въ іюнѣ 1903 года (типографія была арестована 7 сентября того же года) и предложилъ ему свои услуги, при чемъ сообщилъ свѣдѣнія о типографіи, въ которой работалъ онъ, Бойцовъ, съ Бражниковой. При этомъ Бойцовъ далъ рядъ указаній, абсолютно не соотвѣтствующихъ истинѣ. Улики, собранныя судомъ, сводятся къ слѣдующему: Миловидовъ и Келлерманъ были взяты въ типографіи, противъ Бражниковой имѣлось только показаніе Бойцова, противъ Н. С., что онъ два раза былъ у М. и К. и что у него найдена часть брошюры „Вопросы дня“, другая часть которой будто бы оказалась въ типографіи, и противъ С. С., что она рекомендовала К. прачку и потомъ еще разъ была у нея. Несмотря на это, прокуроръ обвинялъ всѣхъ въ участіи въ сообществѣ и распространеніи (по 126, 128 и 129 ст. новаго угол. улож.; въ обвинительномъ актѣ обвиненіе формулировано по второй части 250 ст. стараго улож.). Въ своей рѣчи онъ сдѣлалъ историческій обзоръ революціоннаго движенія, не объясняя причинъ его возникновенія, со временъ „хожденія въ народъ“ до момента образованія Р. С.-Д. Р. П. въ 1898 году, цитировалъ Маркса, затѣмъ перешелъ къ Сиб. Союзу и выясненію его программы по первой его прокламаціи (май 1902 г.). Рѣчь, въ общемъ, вышла довольно корректной, но поверхностной.

Изъ рѣчей защитниковъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ глубоко прочувствованная рѣчь прис. пов. Зарудкаго, взявшаго на себя принципіальную сторону защиты. Вотъ наиболѣе интересныя мѣста изъ его рѣчи:

Несмотря на недовѣріе большей части общества къ новымъ судамъ, онъ вѣритъ, что судебные дѣятели будутъ стремиться подняться на ту высоту, на которыхъ стояли судебныя учрежденія старыхъ временъ, и никогда, вѣрные традиціямъ, не позволятъ себѣ дѣйствовать въ духѣ жандармовъ. Нужно судебное слѣдствіе въ полномъ объемѣ, не келейное, не жандармское, а такое, которое предоставлено ворамъ, убійцамъ и т. п. Настоящій процессъ — первый подобнаго рода въ Сибири. Все основано на жандармскомъ дознаніи. Это ненормально. И онъ требуетъ, чтобы палата своимъ отношеніемъ къ дѣлу исправила эту ошибку.

Указавъ на то, что всѣ обвиняемые — соціальдемократы, Зарудный отмѣтилъ фактъ, что соціалистическія идеи въ настоящее время проникли даже въ правящіе классы. Существуетъ правительственный соціализмъ; даже духовенство (христіанскій) занялось улучшеніемъ быта низшихъ классовъ. Его кліенты только думаютъ, что всѣ тѣ мѣры, которыя принимаются правительствомъ и правящими классами, слишкомъ ничтожны и не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. Всѣ ихъ стремленія направлены къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня рабочаго класса, дабы онъ самъ могъ, въ концѣ концовъ, безъ помощи нянекъ, защищать свои кровные интересы. Зарудный доказывалъ, что наличность существованія „сообщества“ обстоятельствами дѣла ничѣмъ не доказана. Многія лица, другъ съ другомъ никакими организаціями не связанныя, могутъ дѣйствовать per se, отдѣльно, — и никакихъ основаній судить за принадлежность къ сообществу нѣтъ. То, что на прокламаціяхъ напечатано „союзъ“, ровно ничего не доказываетъ. Затѣмъ онъ отмѣтилъ незаконность пріема прокурора, обвинявшаго подсудимыхъ не по тѣмъ статьямъ, которыя указаны въ обвинительномъ актѣ. Ничѣмъ *не доказано* ни распространеніе, ни размноженіе прокламацій и брошюръ, одно нахожденіе станка и оттисковъ нисколько не говоритъ въ пользу принадлежности къ какому-то, можетъ быть, несуществующему, сообществу[1]. Затѣмъ Зарудный коснулся личности подсудимыхъ, говорилъ о томъ, что эти люди не ради корысти, не ради выгодъ, работали въ этомъ духѣ. Какъ извѣстно изъ ихъ прошедшей жизни, это все честные труженики. Они проводятъ въ жизнь идеалы будущаго, несутъ свѣтъ въ эту окружающую насъ тьму. Защитникъ питаетъ *особо глубокое уваженіе* къ этимъ людямъ.

Тутъ ст. предсѣдатель его остановилъ замѣчаніемъ, что объ *особомъ уваженіи* къ обвиняемымъ онъ можетъ не говорить. Въ заключеніе Зарудный просилъ наказать ихъ за открытіе тайной типографіи штрафомъ или арестомъ до трехъ мѣсяцевъ.

Палата приговорила Ник. Семененко на поселеніе, Миловидова на два и Келлерманъ на одинъ годъ крѣпости. Остальные оправданы.

Судъ идетъ! Когда Одесская судебная палата, продолжая дѣло кишиневскихъ громилъ, вела судебное слѣдствіе о кишиневскомъ погромѣ по прямымъ указаніямъ ф.-Плеве и Крушевана, когда завѣдомые убійцы торжественно оправдывались высшимъ судилищемъ края, а ихъ вдохновители цинично фигурировали на судѣ, въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей, „Новому Времени“ и стоявшему за его спиной М-ву Вн. Дѣлъ этого было мало. „Мы видимъ на скамьѣ подсудимыхъ христіанъ, — писалъ этотъ развязный органъ, — мы не станемъ говорить о томъ, виновны они или нѣтъ, — разборъ этотъ дѣло суда. — но наше нравственное чувство не можетъ помириться съ тѣмъ, что на позорную скамью подсудимыхъ не попадутъ истинные виновники погрома, что судебная кара не обрушится на головы дѣйствительныхъ преступниковъ *изъ евреевъ*“. Этому благому пожеланію суждено было въ полной мѣрѣ осуществиться при производствѣ предварительнаго слѣдствія по дѣлу о гомельскомъ погромѣ. Стараніями слѣдователей на скамью подсудимыхъ посажено ровно столько евреевъ, сколько попало на нее христіанъ.

Фактическая подкладка дѣла, заключающаяся въ томъ, что 29 августа 1903 г. евреи разогнали нападавшихъ на нихъ буяновъ, за что были основательно разгромлены 1 сентября желѣзнодорожными рабочими и солдатами, дала поводъ находчивымъ слѣдователямъ простое и ясное дѣло о противоеврейскихъ безпорядкахъ разбить на три дѣла: 1) дѣло о нападеніи евреевъ на русскихъ, 2) дѣло о противоеврейскихъ безпорядкахъ, 3) дѣло о вооруженномъ нападеніи на войска. Почти всѣ христіане, привлеченные по второму дѣлу, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, уличенныхъ въ убійствахъ, находятся на свободѣ. Евреи, привлеченные по первому и третьему дѣламъ, всѣ безъ исключенія находятся въ заключеніи, и ни одинъ не выпущенъ на поруки. Многіе изъ обвинившихся евреевъ вступали въ камеру судебнаго слѣдователя, въ качествѣ свидѣтелей, но лишь только показанія ихъ становились недостаточно удобными, они однимъ почеркомъ пера превращались въ обвиняемыхъ и препровождались въ тюрьму. Такимъ образомъ, слѣдователи освободились отъ многихъ нежелательныхъ свидѣтелей. Вообще, дѣлалось все, чтобы подъ грудой слѣдственныхъ актовъ и полицейскихъ протоколовъ безслѣдно и безвозвратно похоронить истинную подкладку дѣла.

Изъ самой обыкновенной базарной драки 29 августа было создано громкое дѣло объ еврейскомъ погромѣ, направленномъ противъ русскихъ. Нѣтъ нужды, что нѣтъ ни одного разграбленнаго русскаго дома, что не было ни одного случая расхищенія русскаго имущества, — перстъ Департамента Полиціи направленъ противъ евреевъ, и угодливые слѣдователи покорно слѣдуютъ этому указанію.

2 сентября погромъ въ Гомелѣ не прекратился. Онъ перешелъ только въ другую фазу: изъ уличнаго безчинства онъ сталъ судейскимъ издѣвательствомъ. Все еврейское населеніе до заключенія слѣдствія не было увѣрено въ завтрашнемъ днѣ. По указанію любого городового или ночного сторожа, недовольнаго размѣромъ полученной взятки, привлекались къ дѣлу и арестовывались ни въ чемъ неповинные люди. Вымогательство со стороны полиціи практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ то же время тѣ еврейскіе свидѣтели, отъ которыхъ нельзя было отдѣлаться путемъ зачисленія ихъ въ списки подсудимыхъ, терроризировались на другой манеръ. Въ камерѣ судебнаго слѣдователя ихъ встрѣчали самой отборной руганью и провожали съ угрозами, съ нагайкой въ рукѣ. Такова была обстановка предварительнаго слѣдствія.

Какъ извѣстно, Гомельскій процессъ начался при открытыхъ дверяхъ. Очень скоро предсѣдатель замѣтилъ, что процессъ обратится въ сплошное разоблаченіе самодержавія, и началъ самымъ безцеремоннымъ образомъ „пресѣкать“ вопросы защиты.

Рязань. Въ здѣшнюю гимназію былъ присланъ съ цѣлью уничтожить крамолу инспекторъ Веригинъ — зубатовецъ чистѣйшей воды. Однимъ ученикамъ, любимцамъ инспектора, было позволено все: играть въ карты, пить, развратничать. Инспекторъ приглашалъ ихъ къ себѣ, спаивалъ, говорилъ скабрезности и проч.; другихъ тѣснилъ, изгонялъ за малѣйшій проступокъ, обращаясь грубо и нагло. Вскорѣ весь городъ былъ взволнованъ неслыханнымъ происшествіемъ: на окнахъ инспекторской квартиры разорвались снаряды. Фавориты организовали полицейскую дружину. Одинъ ученикъ, по фамиліи Маленковскій, сказалъ при одномъ изъ шпиковъ, что де „ему такъ и надо“. Маленковскаго исключили. Округъ позволилъ ему поступить въ другую гимназію. Послѣдовалъ еще взрывъ. Изъ округа былъ присланъ ревизоръ, старанія котораго окончились ничѣмъ, ученики — клевреты инспектора, выбранные въ качествѣ представителей отъ каждаго класса, поддержали своего благодѣтеля. Полиція начала обыски у поднадзорныхъ. Былъ обыскъ у Анфеева (ст.), Бѣлова (ст.), Ильина (ст.), Унксова (ст.), Поддубовскаго (ст.), Абрамовича (ст.), Гуревича (бывшій раб.), Когона (своя мастерская), Гусева (инт.), Стерлигова (инт.). У послѣдняго была найдена литература и письмо къ сельскому учителю Васильеву. Оба были арестованы. Черезъ нѣсколько дней были арестованы: Ильинъ, Бѣловъ, Поддубовскій, Абрамовичъ. Жандармы состряпали дѣло о „рязанскомъ сообществѣ“ по 126 ст. Дѣло прекращено прокуроромъ.

Вильна. До недавняго времени политическіе сидѣли въ тюрьмѣ № 14, гдѣ имъ удалось добиться болѣе или менѣе сносныхъ условій. Но въ концѣ августа ихъ перевели въ Лукишскую тюрьму, гдѣ ихъ встрѣтили варварскія условія и каторжный режимъ. Тюрьма новая и совершенно сырая, такъ что почти всѣ страдаютъ головными болями. Передача не допускается. Обращеніе до крайности грубое; въ карцеръ таскаютъ за каждую малость, какъ напр., за требованіе прокурора; стрѣляютъ, замѣчая стоящихъ у окна. Такіе порядки, понятно, должны были привести къ конфликту.

Недавно надзиратели избили уголовнаго арестанта, противъ чего одинъ изъ политическихъ запротестовалъ; въ его камеру стали стрѣлять и потащили его въ карцеръ. Тогда товарищи рѣшили дать отпоръ; въ понедѣльникъ 4 октября они отказались отъ прогулки, и всѣ потребовали прокурора; если требованія не будутъ удовлетворены, то въ среду, 6 октября, рѣшено начать голодовку.

Къ земскому съѣзду. Какъ только что стало извѣстно, на 7 ноября созывается въ Петербургѣ совѣщаніе земцевъ. Въ немъ примутъ участіе предсѣдатели и нѣкоторые члены всѣхъ губернскихъ управъ, а также предсѣдатели отдѣльныхъ уѣздныхъ управъ; всего — до 75 членовъ. Цѣлый земскій парламентъ! О цѣли совѣщанія, намѣреніяхъ его участниковъ, планахъ ихъ работъ — въ газетахъ ничего не говорится, но г.г. земцамъ должно быть ясно: это молчаніе можетъ быть истолковано только такъ, что намѣчается какая-то закулисная сдѣлка между правительствомъ и земскимъ либерализмомъ. Но теперь не время для закулисныхъ сдѣлокъ; теперь земскіе либералы обязаны открыто заявить, чего они хотятъ, чего они требуютъ, какія условія ставятъ они правительству. Страна вправѣ требовать и потребуетъ, чтобы „земскіе люди“ выступили съ открытымъ забраломъ. Итакъ, если столпы земскаго либерализма не хотятъ навлечь на себя справедливаго обвиненія въ измѣнѣ и предательствѣ интересовъ народа, они обязаны теперь же громко заявить, что не желаютъ никакихъ „секретныхъ“ переговоровъ; они обязаны заявить, что примутъ участіе въ совѣщаніи лишь въ томъ случаѣ, если всѣ дѣйствія его, всѣ до послѣдняго будутъ гласными.

Мы ждемъ этого заявленія!

ПИСЬМА ОБО ВСЕМЪ

Фондъ народнаго просвѣщенія. — Взыскующій града пролетарій и просвѣщенный „мужичекъ“. — Пресса либеральная и пресса націонал-либеральная.

Едва ли не первый голосъ въ томъ хорѣ лжи, который поднялся въ отвѣтъ на пресловутыя рѣчи о „довѣріи“, принадлежитъ „Руси“, газетѣ Суворина-сына, отпочковавшейся, подобно преждевременно погибшей „Россіи“, отъ „Новаго Времени“, газеты Суворина Саваоѳа. О причинахъ этого отпочкованія въ свое время ходили темные слухи. Говорили, будто Суворинъ отецъ по собственному почину сказалъ Суворину сыну: „Чуетъ сердце мое новую весну; можетъ быть, скоро буду призванъ провозвѣстить ее моему народу. Но, такъ какъ въ жизни моей много было возвѣщено мною веснъ, большихъ и малыхъ, то боюсь, что народъ мой на сей разъ мнѣ не повѣритъ. Посему, возьми посохъ твой, препояшь чресла и удались изъ Эртелева переулка на Итальянскую улицу для возвѣщенія весны!“ Такъ ли это было, или же г. Суворинъ сынъ, разнообразно искушенный еще, такъ сказать, въ родительскомъ чревѣ, самъ почуялъ весну и своевременно покинулъ заслуженный корабль „Нов. Вр.“, или же драма „отцовъ и дѣтей“ разыгралась какимъ-нибудь третьимъ способомъ подъ суворинской крышей, но фактъ тотъ, что газета „Русь“ возвѣщаетъ нынѣ весну съ совершеннымъ безстрашіемъ.

Г. Суворинъ-сынъ обнаруживаетъ при этомъ несомнѣнное чутье. Онъ не только привѣтствуетъ и ждетъ, но и пытается въ весенней атмосферѣ организовать вокругъ своей газеты подобіе общественнаго, чуть ли не „общенаціональнаго“ движенія. Чтобы использовать смутное угнетенно-недовольное, политически-неоформленное, но ищущее словъ и дѣйствій настроеніе широкихъ круговъ необразованнаго, но грамотнаго общества, настроеніе, скопившееся въ теченіе долгаго времени и нынѣ сгущенное войной, г. Суворинъ выкрикнулъ причину всѣхъ нашихъ бѣдъ: *тьма!* и далъ лозунгъ: *мы жертвуемъ на просвѣщеніе!*

Суворинъ сынъ не первый въ теченіе войны дѣлаетъ попытку „общественной“ мобилизаціи. Даже въ ограниченномъ полѣ его собственнаго политическаго зрѣнія было уже два такихъ опыта.

Первый былъ сдѣланъ Суворинымъ отцомъ, который открылъ подписку на флотъ съ цѣлью уловить такимъ путемъ возбужденную войной и ея несчастіями „націю“. Суворинъ вкладывалъ въ эту подписку нѣчто вродѣ патріотически-„оппозиціонной“ идеи. Общество даетъ правительству на флотъ, общество хочетъ имѣть контроль надъ своими капиталами и хочетъ считать флотъ своимъ. „Нов. Вр.“ выражало при этомъ увѣренность, что жертвовать будутъ „всѣ“ (изъ 140 милліоновъ населенія газета отбрасывала лишь 40 мил. на „дикарей и личностей“, которыя по какимъ-либо соображеніямъ ничего не дадутъ на постройку „боевого флота“), но въ сущности газета вела спекуляцію на небольшую группу жертвователей тузовъ, а „общественный контроль“ означалъ, что эти жертвователи, вносящіе десятками тысячъ и милліонами, смогутъ поставить правительству кое-какія условія, хотя бы, напр., отстранить Алексѣева, противъ котораго „Нов. Вр.“ вело явную кампанію.

Далѣе шла общеземская санитарная организація. Это опять-таки попытка сплотить элементы привиллегированнаго общества, на законномъ и патріотическомъ дѣлѣ помощи правительству, укрѣпиться, организоваться, дать наглядную демонстрацію „важности и полезности объединенной земской работы“, взять въ свои руки часть государственнаго дѣла, поставить правительство нѣкоторымъ образомъ въ зависимость отъ себя... А дальше? — дальше видно будетъ... Видно будетъ, сколько народныхъ милліоновъ нужно г.г. земцамъ бросить въ жерло войны, чтобы рѣшиться на ходатайство объ увѣнчаніи неувѣнчаннаго зданія.

Земская санитарная организація по необходимости очень ограничена. Она захватываетъ лишь самые тяжеловѣсные элементы либеральной оппозиціи. Маленькому человѣку тутъ нѣтъ мѣста. А вѣдь кромѣ земскаго дворянина либеральная партія, какъ напоминалъ въ прошломъ году г. Струве, можетъ еще разсчитывать и „на разночинца-интеллигента, представителя „третьяго“ элемента, и на крестьянина, доработавшагося до политическаго самосознанія“ („Осв.“, № 17).

На эти болѣе широкіе круги и разсчитываетъ „Русь“. „Фондъ народнаго просвѣщенія“, дѣйствительно, имѣетъ успѣхъ. Даютъ, какъ пишетъ редакторъ „Руси“, „люди всѣхъ сословій и состояній русскаго общества, отъ священниковъ до барона, до босяка и проститутки“. Цѣлый рядъ газетъ долженъ былъ волей-неволей признать инициативу „Руси". Даже „Рус. Вѣд." объявили объ открытіи подписки на Московскій Фондъ народнаго просвѣщенія. Г. Стасюлевичъ, пр. Лесгафтъ, пр. Ярцкій и цѣлый рядъ другихъ либеральныхъ нотаблей выразили свое благоволеніе „доброму начинанію". „Образованіе — основа всего. Всѣ наши бѣды отъ недостатка образованія". Вокругъ Фонда носятся густыми клубами азбучныя испаренія культурническаго либерализма. Политической мысли нѣтъ и въ поминѣ. Самодержавіе забыто. Оппозиціонное настроеніе направляется на путь „положительной" просвѣтительной работы.

---

[1] Обвин. актъ по этому дѣлу см. въ отдѣльномъ приложеніи къ № 76 „Искры“.

[1] Относительно роли, которую игралъ въ настоящемъ дѣлѣ Бойцовъ, онъ много говорить не желаетъ. Полагаетъ, что она достаточно извѣстна Палатѣ. Но онъ не можетъ не отмѣтить, что въ исторіи извѣстны многіе случаи, когда жандармы, желая отличиться, сами устраивали типографіи, печатали прокламаціи, привлекали молодежь, а затѣмъ сами ихъ судили. Роль Бойцова очевидна. Это — агентъ охр. отд. Начальникъ охр. отдѣленія не пожелалъ его арестовать, когда получился объ этомъ приказъ, ожидая распоряженія изъ департамента полиціи. Не говоритъ ли это за то, что, не будь Бойцова, весьма возможно, что не было бы и настоящаго дѣла? Во всякомъ случаѣ онъ надѣется, что вся эта исторія съ Бойцовымъ не можетъ не быть оцѣнена Палатой.

Политической мысли нѣтъ и въ поминѣ, сказали мы. Но, въ сущности, въ этомъ именно сказывается политическій разсчетъ или инстинктъ либерализма. Между легальнымъ міркомъ земской оппозиціи и либеральной прессы, съ одной стороны, и болѣе широкими кругами возбужденнаго народа нѣтъ реальнаго моста. Это создаетъ невозможность для вождей журнальной и земской политики непосредственно и прямо опереться на широкіе круги: для этого потребовалась бы съ ихъ стороны нелегальная организація и болѣе рѣшительные лозунги. Но это имъ не подъ силу, — ихъ положеніе толкаетъ ихъ, поэтому, на обходный путь. Объединить разнообразные элементы вокругъ Фонда просвѣщенія, а самый Фондъ подчинить земству (на этомъ настаиваетъ большинство „компетентныхъ" лицъ, — „ибо земство, какъ говоритъ г. Стасюлевичъ, это наше единственное народное представительство"), либо спеціальному самопроизвольно образовавшемуся Комитету изъ именитыхъ общественныхъ дѣятелей, значитъ, не иное что, какъ найти такой каналъ, по которому неоформленное оппозиціонное движеніе могло бы быть отведено отъ соціальдемократической партіи въ либеральный или національ-либеральный фарватеръ.

Дать городскимъ и деревенскимъ массамъ революціонно политическій лозунгъ, который включалъ бы въ себѣ культурническій лозунгъ народнаго „просвѣщенія" — дѣло нашей Партіи. Дѣлать такое дѣло, значитъ, попутно вышибать почву изъ подъ ногъ сыновъ Сувориныхъ и — иныхъ сыновъ...

* * *

Среди разномастныхъ жертвователей „на просвѣщеніе" успѣли отчетливо выдѣлиться на страницахъ „Руси" двѣ фигуры: городского рабочаго и просвѣщеннаго хозяйственнаго „мужичка".

Рабочій цѣлой головой выше остальныхъ жертвователей. Его толкаетъ въ эту чуждую ему кампанію великая идеалистическая потребность знанія, пониманія всего, что есть и что должно быть. Нелегальная литература неспособна отвѣтить на всѣ его духовные запросы, революціонная работа не можетъ въ „будни" захватить цѣликомъ каждаго массоваго рабочаго, и онъ „идетъ со своими жалобами и надеждами — на страницы „Руси".

„Одинъ тяжелый физическій трудъ, пишетъ рабочій, насъ не удовлетворяетъ; намъ нужно послѣ продолжительнаго рабочаго дня что-нибудь освѣжительное, способное вдохнуть намъ интересъ къ жизни... Жаждемъ мы просвѣщенія... чтобы не быть *неодушевленными орудіями производства*" „Товарищи-рабочіе! пишетъ другой. Вы знаете значеніе образованія, *такъ какъ сами стремитесь къ нему.* Это стремленіе къ свѣту знанія и правды начинаетъ принимать среди васъ громадные размѣры; *вы кидаетесь изъ стороны въ сторону, ищете отвѣтовъ на пробудившіеся вопросы...* Жертвуйте-же, товарищи!" Мы набросились на нелегальную литературу, пишетъ третій, вели подпольную агитацію, и въ результатѣ — только аресты и ссылки. „И вдругъ — Фондъ, и опять мы можемъ агитировать, но съ болѣе полезными и лучшими послѣдствіями". „Изъ искры возгорится пламя! пишетъ группа женщинъ работницъ. Жертвуйте-же!"

И рабочіе жертвуютъ. Они повторяютъ при этомъ нерѣдко тѣ общія мѣста о пользѣ просвѣщенія, въ которыхъ расплываются жертвователи-Стаховичи, священники и учителя. Но рабочіе вкладываютъ въ тѣ же слова другое содержаніе. Свои жертвы на просвѣщеніе они субъективно ставятъ въ тотъ рядъ, въ которомъ у нихъ стоятъ прокламаціи, нелегальныя брошюры, бесѣды въ кружкахъ съ революціонерами, вообще, все то, въ чемъ проявляется ихъ „нелегальное" по существу чувство общественности. Они жертвуютъ, не думая о томъ, что на собранныя деньги будетъ построена школа, въ которой ихъ дѣтей будутъ просвѣщать „церкви и самодержавному отечеству на пользу".

Этимъ рабочимъ „кидающимся изъ стороны въ сторону, ищущимъ отвѣтовъ на пробудившіеся вопросы", мы говоримъ: Товарищи! Не ищите здѣсь отвѣтовъ на ваши вопросы. Обученіе грамотѣ (а большаго вамъ не дастъ не только самодержавіе, но и буржуазный либерализмъ!) не избавитъ еще вашихъ дѣтей отъ положенія „неодушевленныхъ орудій производства". Не мечите вашего бисера передъ либеральными крохоборами. Ваши задачи иныя, ваши пути иные!.. Сколько бы „искръ" вашего одушевленія вы, товарищи-работницы, ни принесли съ собой,—все равно изъ прѣлой соломы буржуазнаго культурничества не возгорится то непотухающее пламя, которое намъ съ вами нужно!

* * *

Просвѣщенные и, надо думать, вполнѣ благоустроившіеся мужички, рѣшительно и убѣжденно высказываются за просвѣщеніе, законность, порядокъ и, заодно ужъ, — противъ общины. Они цѣнятъ просвѣщеніе, потому что оно — сила, потому что оно помогаетъ выйти въ люди, и они жертвуютъ рубль, и два, и три на фондъ, съ гордостью подписываясь: *крестьянинъ*.

Патріотическіе граждане своего отечества, они желаютъ ему побѣдъ и одолѣній, но граждане *просвѣщенные* („на мѣдные пятаки"), они понимаютъ, что для одолѣній нужно просвѣщеніе и нужна *богатая* казна, а для богатой казны нужна самодѣятельность и свободная инициатива, а для инициативы нужна конституція. Они еще не произнесли этого слова, но они не поперхнутся имъ. Сторонники порядка и законности, они люди узко-практическіе. Имъ нуженъ контроль надъ государственными капиталами, чтобъ хозяйство велось не зря, безъ мотовства, безъ воровства, не безалаберно. Контроль общества называется „по высшему" конституціей? Ну, значитъ, конституція. *Либеральная идеологія* ихъ не привлечетъ: она имъ ни къ чему. Ихъ идеаломъ государственнаго человѣка и реформатора явился бы, еслибъ они были образованнѣе, какой-нибудь маркизъ Ито, который, по превосходному выраженію Суворина-второго, „правдивымъ глазомъ дикаря сумѣлъ увидѣть простые кирпичи тамъ, гдѣ европейскіе мыслители видѣли повелѣвающихъ боговъ".

Изъ хорошихъ кирпичей этотъ новый человѣкъ хочетъ построить себѣ зданіе, въ которомъ *онъ могъ бы*, какъ выражается Меньшиковъ, „сознавать себя немножечко хозяиномъ". Это будетъ безпощадный хозяинъ.

„Для того, чтобы бороться съ Японіей, мы шапками японцевъ закидаемъ. А евреи прижмемъ—мы процентомъ (ограничительными „нормами"), а противъ урчанія голоднаго брюха мы стражниковъ поставимъ сорокъ тысячъ... Зато у насъ будетъ миръ и порядокъ—ой, не тотъ ли, что бываетъ на кладбищѣ?". Что же намъ нужно? „Отъ иностранцевъ мы набрались разныхъ словечекъ, развелись у насъ марксисты, соціалисты да всякіе прочіе исты, а самихъ то себя и забыли". И такимъ манеромъ, не ровенъ часъ, „на водкѣ Русь прохлебаемъ". Намъ нужно знаніе. Его бояться нечего. „Знаніе научитъ работать. *Власть* и *порядокъ* нужны для всякой работы, и въ защиту его встанутъ всѣ истинно-русскіе люди". Такъ пишетъ вятскій мужикъ.

„При невѣжествѣ, говоритъ другой, да при общинныхъ порядкахъ выходятъ изъ насъ многіе негодные люди, пьяницы, тунеядцы и всякій тому подобный пролетаріатъ.. Но — дайте мужику эту самую свободу, и онъ ее использует въ благо себѣ и вамъ".

Намъ нужно, пишетъ третій крестьянинъ, „1) чтобы мужикъ не былъ голоденъ, 2) чтобы создать сильную армію и флотъ, 3) намъ надо имѣть поменьше какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ и 4) намъ надо поднять промышленность и торговлю до уровня европейскихъ державъ". А для этого — снять съ мужика опеку и дать ему знаніе.

„И перемѣнится тогда, пишетъ псковскій мужикъ, весь строй нашего общественнаго быта, тогда для всѣхъ будетъ хорошо, и государство наше будетъ крѣпче, и *всѣмъ будетъ доступно*, и умный у насъ обязательно поставится впереди всѣхъ сидней, которые занимаютъ мѣсто и задерживаютъ и тормозятъ общественное дѣло".

Всѣ крестьяне, по словамъ новой „народной" „Русской газеты" (въ розничной продажѣ по копейкѣ!), въ своихъ письмахъ въ редакцію заявляютъ, что они „желаютъ сдѣлаться полными хозяевами клочка земли и вовсе не стоять за общину". „Всѣ" начинаютъ понимать, что „теперь пришло время, когда каждый долженъ жить своимъ разумомъ и надѣяться на свои силы, на свои знанія, на свой умъ". Эти индивидуалисты — „мужички", наиболѣе граждански просвѣщенные люди деревни, являются носителями ярко выраженныхъ буржуазныхъ началъ. Ихъ вліяніе будетъ въ ближайшій періодъ очень значительно, потому что во всей современной деревнѣ они одни пока знаютъ достаточно ясно, чего хотятъ, и, какъ-никакъ, умѣютъ формулировать свои мысли. Ни одна изъ буржуазныхъ партій не овладѣетъ деревней, не овладѣвъ ими. Соціальдемократіи придется овладѣвать деревней *противъ* нихъ.

* * *

На просвѣщенныхъ мужичковъ усердно охотится въ настоящіе дни наша „національ-либеральная" пресса типа „Руси", „Бирж. Вѣд.", „Рус. Сл." и мн. др. Надъ самимъ Фондомъ просвѣщенія развѣвается мужицкое знамя, ибо начало Фонду „Русь" положила денежнымъ взносомъ и письмомъ „простого русскаго крестьянина", который неожиданно оказался владѣльцемъ оптоваго склада въ Петербургѣ и подстоличнаго „имѣньица" и выражалъ въ „Новостяхъ" свое неудовольствіе по поводу того, что „Русь" „переработала его въ крестьянина".

Національ-либеральная пресса (слово найдено той же „Русью") идетъ въ гору. Она не прикрываетъ своей буржуазной наготы и не знаетъ даже, для чего это нужно. Она просто говоритъ отъ „естества". Въ этомъ ея громадное преимущество предъ нашей „чистой" интеллигентской либеральной прессой, которая прошла черезъ народолюбіе и рабочелюбіе, вынесла отсюда кое-какіе „предразсудки", питаетъ уваженіе — или предполагаетъ его, по крайней мѣрѣ, въ своихъ читателяхъ — къ общимъ идеямъ и хочетъ вѣрить, что конституція не „простые кирпичи", а изъявленіе воли „повелѣвающихъ боговъ" морали и права.

Національ-либеральная пресса не формулируетъ программы, вытекающей изъ какого-либо политическаго „міровоззрѣнія" и не видитъ въ томъ надобности. Она просто предъявляетъ рядъ эмпирически нащупанныхъ требованій. Оппозиціонное выжиданіе ее стѣсняетъ, она хочетъ немедленнаго соглашенія съ правительствомъ и громко кричитъ объ этомъ. Это — ростущая сила буржуазнаго „порядка".

„Чистая" либеральная пресса, типа „Рус. Вѣд.", не имѣетъ предъ національ-либеральной преимуществъ мужества и послѣдовательности убѣжденій. Но она лишена первобытной не-стыдливости. Она исторически связана съ интеллигенціей, „анти"-капиталистической, „анти" буржуазной. Эта связь обязываетъ ее къ нѣкоторой внѣшней опрятности и отчасти оппозиціонно выжидательному поведенію. Ей еще предстоитъ эпоха нѣкотораго вліянія: это періодъ ликвидаціи царизма или періодъ соглашенія съ нимъ. Но въ свободной или полусвободной Россіи она скоро уступитъ свое мѣсто національ-либеральной прессѣ. Свобода печати, о которой она такъ долго мечтала, убьетъ ее. Ее будетъ по пятамъ преслѣдовать соціальдемократическая критика, выгоняя ее изъ ея идеологическихъ убѣжищъ, завладѣвая, гдѣ можно, ея позиціями, а гдѣ нельзя — толкая ее въ сторону окончательнаго буржуазнаго перерожденія.

Уже сегодня „Русь" навязываетъ свою „гегемонію" „Рус. Вѣд.", ибо эта „чистоплотная", но малокровная газета не способна ни на инициативу, ни на отпоръ. Ей, какъ и всему „чистому" либерализму, суждена роль добродѣтельнаго резонера въ томъ дѣйствіи, гдѣ г.г. Суворины, отцы и дѣти, будутъ играть первыхъ любовниковъ.

Т.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Еще недавно одинъ изъ „теоретиковъ" „Revол. Россіи", г. Новобранцевъ, болѣе откровенно, чѣмъ глубокомысленно, раскрылъ свое кровное родство съ „Освобожденіемъ". „Если „Освобожденіе" объединило и объединяетъ кого—писалъ онъ въ 32-33 №№ своего органа,—то только „отцовъ" изъ той самой интеллигенціи, „дѣти" которой являются самоотверженными борцами за революціонное дѣло. Отцы, несомнѣнно, отличаются отъ насъ умѣренностью своей тактики и своихъ требованій; но это—не принципіальная противоположность". Яснѣе, кажется, невозможно выразиться. Въ настоящее время, однако,—очевидно, подъ вліяніемъ пресловутаго принятія въ соціалистическую семью,—„Рев. Рос." пытается отречься отъ родителей. Г. Струве, на правахъ „отца", счелъ долгомъ объяснить о „дѣтяхъ", что „какими бы сильными террористическими средствами ни дѣйствовала эта партія, ее отнюдь нельзя назвать непримиримой. Либеральное преобразованіе русскаго государства покончитъ съ терроризмомъ этихъ элементовъ, обусловливаемымъ исключительно тѣмъ, что невозможность легальнаго развитія и усовершенствованія государственнаго строя Россіи фатально наталкиваетъ нѣкоторую часть русской радикальной интеллигенціи на политическія убійства. Оружіе политическаго насилія будетъ вырвано изъ этихъ рукъ конституціей-примирительницей" (№ 55). Но, если для полнаго умиротворенія террористовъ необходима все же конституція, то для частичнаго—достаточно даже политики сердечнаго попеченія. „Пока—утверждаетъ мудрый, какъ змій, „отецъ",—революціонеры за министромъ, конечно, не будутъ охотиться". Этотъ, вполнѣ правдоподобный, прогнозъ показался „дѣтямъ" весьма преждевременнымъ, и они рѣшили раздѣлиться съ неудобнымъ „отцомъ" пропастью „принципіальной" противоположности. „Рев. Рос." (№ 52) съ гордостью заявляетъ, что соц.-революціонерамъ нѣтъ никакихъ основаній измѣнять свое „поведеніе". „Могутъ мѣняться, конечно, конкретные объекты, болѣе непосредственно ощущающіе удары, направленные черезъ ихъ головы въ центръ правительственнаго защитнаго механизма — но, вѣдь, это только частности.. Эти частности зависятъ отъ постоянно мѣняющихся условій времени, отъ той роли, которую то или иное лицо фактически играетъ въ общей экономіи системы (?) правительственнаго боевого механизма, держащаго въ своихъ тискахъ страну"... „Теперь произошла децентрализація отвѣтственности"... Но, въ общемъ, „обыватели, которые при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ готовы провозгласить славный лозунгъ: „надо погодить"—будутъ напрасно готовить себѣ излишнія разочарованія, если будутъ съ нашей стороны ждать какого-либо иного отношенія къ событіямъ"... „Пока органическая работа созданія, накопленія и организаціи соціалистическихъ силъ подавляется насильственными мѣрами, только глупцы могутъ ожидать, что на насилія правительства мы перестанемъ давать отпоръ силой"... Такимъ образомъ, „отцы" съ полной непочтительностью обзываются обывателями-глупцами. Тѣмъ не менѣе, г. Струве, навѣрно, снисходительно улыбнется горячей выходкѣ своихъ „дѣтей". Редакторъ „Освобожденія" хорошо знаетъ, что „безъ Шипова, безъ земства, безъ всей культурной русской оппозиціи „боевая организація" есть случайный и безсильный эпизодъ" (№ 55); онъ понимаетъ, что громкія слова „децентрализація отвѣтственности" означаютъ только убійства губернаторовъ и полиціймейстеровъ, лишенныя, въ большинствѣ случаевъ, всякаго политическаго значенія и неспособныя долго питать террористическое движеніе. Поэтому, либерализмъ можетъ спокойно учитывать въ пользу господствующихъ класовъ самопожертвованіе мужественныхъ революціонеровъ, не считаясь съ трескучей фразеологіей „теоретиковъ". Но партія рабочаго класса не можетъ отнестись равнодушно къ словоизверженіямъ „Рев. Россіи". Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, является это торжественное заявленіе, что какіе-то „мы" не перестанутъ давать насильственнаго отпора правительству до тѣхъ поръ, пока оно будетъ насильственными мѣрами подавлять работу созиданія, накопленія и организаціи соціалистическихъ силъ, какъ не новою попыткою затемнить классовое сознаніе пролетаріата? Если эта фраза имѣетъ какой-либо смыслъ, то только смыслъ обѣщанія террористической борьбой добыть такое правительство, которое примирилось бы съ соціализмомъ. Но такого правительства, — разумѣется, если мы не подмѣнимъ революціоннаго соціализма его ревизіонистскимъ искаженіемъ — нѣтъ и не можетъ быть. Ни одно правительство современнаго буржуазнаго міра не отказывается и не откажется отъ болѣе или менѣе „насильственныхъ мѣръ" въ борьбѣ противъ соціализма. Или „Револ. Рос." думаетъ, что бомбы ея партіи приближаютъ соціалистическое государство? Но тотъ же г. Новобранцевъ вполнѣ здраво утверждаетъ, что бухгалтерами грядущей русской революціи явятся умѣренные „отцы". Слѣдовательно, „Рев. Россія", въ порывѣ авантюристскаго „энтузіазма", пытается обмануть пролетаріатъ и въ истинной сущности буржуазной свободы и въ дѣйствительномъ соотношеніи политическихъ силъ современной Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, восхваляя террористическую тактику, она обманываетъ и тѣ элементы радикальной интеллигенціи, которые искренно стремятся облегчить тяжелое бремя страданій, лежащее на нижнихъ слояхъ общественной пирамиды. Смерть Плеве и новый курсъ Святополка-Мирскаго ясно показываютъ, какъ учитываются террористическіе акты, когда „народъ безмолвствуетъ". Герои революціонной интеллигенціи являются, при такихъ условіяхъ, рабочимъ скотомъ въ рукахъ политическихъ эксплуататоровъ отъ Стаховича до Святополка включительно. И только соціальдемократическая работа среди пролетаріата и пролетаризирующагося крестьянства, направленная къ тому, чтобы рабочія массы за свой собственный счетъ выступили на политическую арену и самостоятельно рѣшили свою политическую судьбу, только такая работа принесетъ дѣйствительное освобожденіе Россіи и создастъ болѣе благопріятныя условія для борьбы противъ капиталистическаго строя. Но такая работа не нуждается въ динамитѣ для отдѣльныхъ частей правительственнаго механизма. Она имѣетъ другіе методы, которые, приближая рабочій классъ къ соціализму, попутно и одновременно сметаютъ и ветхія политическія постройки стараго міра. Эти методы составляютъ неотъемлемую принадлежность соціальдемократіи, какъ партіи рабочаго класса. Судьба же терроризма въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ рѣшена тѣмъ договоромъ, который самодержавіе заключитъ съ либерально-демократическими элементами русской оппозиціи.

* * *

Давно ли Плеве властнымъ почеркомъ пера запретилъ общеземскую организацію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ? Давно ли реакціонныя газеты съ пѣною у рта набрасывались на эту патріотическую затѣю русскихъ либераловъ? И вдругъ — все измѣнилося подъ нашимъ зодіакомъ! Куропаткинъ, и въ далекой Манчжуріи провѣдавшій про новый курсъ, посылаетъ царю чувствительную депешу о полезной дѣятельности земскихъ врачебно-санитарныхъ отрядовъ и о желательности ихъ усиленія. Министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно сообщаетъ губернаторамъ, что „онъ не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію могущихъ возникнуть со стороны земствъ предложеній объ ассигнованіи средствъ, какъ на развитіе дѣятельности уже существующихъ земскихъ врачебно-санитарныхъ отрядовъ, такъ равно и на образованіе новыхъ". Кн. Мещерскій, доказывавшій, что общеземская организація является попыткой, подъ удобнымъ предлогомъ, „создать для будущей мирной жизни организованную всеземскую оппозицію для борьбы съ правительствомъ", считаетъ „долгомъ совѣсти", „исповѣдать свой грѣхъ" и поетъ хвалебную пѣснь земскому начинанію. „Новое Время", какъ опытный лакей, быстро приспособившійся къ новому барину, выражаетъ надежду, что „земскіе люди найдутъ въ себѣ достаточно бодрости и энергіи продолжать доброе дѣло, такъ горячо начатое ими съ первыхъ дней войны и такъ неумѣстно остановленное на первыхъ же шагахъ", и „сердечно отзовутся на обращенное къ нимъ желаніе главнокомандующаго". Краснорѣчивыя похвалы раздаются со всѣхъ сторонъ, тщательно прикрывая завѣтную мысль: „дайте денегъ промотавшемуся самодержавію". Но — увы — слишкомъ поздно! Земскіе „патріоты" переживаютъ отвратительное состояніе похмѣлья, съ роковою неизбѣжностью наступившаго послѣ оргіи воинственныхъ восторговъ и пожертвованій. Земскія кассы, по обыкновенію, пусты, а возложенная на земство закономъ обязанность призрѣнія семействъ нижнихъ чиновъ запаса, призванныхъ на войну, требуетъ все большихъ и большихъ средствъ съ развитіемъ военныхъ дѣйствій. По даннымъ харьковскаго губернскаго земства, изъ Харьковской губ. призвано въ войска 35.660 чел. Несмотря на нищенское пособіе, равняющееся, въ среднемъ, 1 руб. 43 к. въ мѣсяцъ на человѣка, харьковское земство разсчитываетъ, что ему придется израсходовать приблизительно около двухъ мил. рублей, такъ какъ пособіе семействамъ призванныхъ, по закону, прекращается черезъ годъ со дня воспослѣдованія указа о приведеніи арміи въ мирное положеніе и, слѣдовательно, на земство падаетъ обязаность призрѣвать втеченіи неопредѣленнаго времени 88.169 человѣкъ, принадлежащихъ къ семействамъ запасныхъ нижнихъ чиновъ. Тульское губернское земское собраніе высчитало, что ему необходимо для призрѣнія семействъ запасныхъ 900 тыс. рублей, нижегородское опредѣляетъ расходы въ 1.260.000 руб. саратовское — въ 400-500 тыс., полтавское — въ 800 тыс. въ годъ.

Кромѣ денежныхъ расходовъ, обязанность призрѣнія причиняетъ земцамъ и весьма чувствительныя личныя „непріятности". Предсѣдатель саратовской губернской управы, Юматовъ, говоритъ, что „обязанности, возложенныя на уѣздныя управы, весьма сложны и чрезвычайно хлопотливы. Уѣздныя управы положительно завалены работой по пріему и разсмотрѣнію заявленій нуждающихся, по перепискѣ съ волостными правленіями.. Бывало нерѣдко и такъ, что канцеляріи управъ буквально осаждались женами, дѣтьми и другими родственниками призванныхъ на войну, настойчиво требовавшими выдачи пособій. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ выражали свое неудовольствіе по поводу отказовъ, грозили бросить тутъ же въ управѣ малолѣтнихъ дѣтей, а, напримѣръ, въ Балашовѣ, это приводилось и въ исполненіе"... Такимъ образомъ, правительство заставляетъ земцевъ не только кормить разоренныя войной семьи, но и принимать на свои головы первые взрывы народнаго горя и негодованія. Разумѣется, эта перспектива отнюдь не прельщаетъ земскихъ либераловъ. И съ тою же горячностью, съ какою они еще недавно стремились принять участіе въ „общемъ дѣлѣ" войны, они теперь стремятся уклониться отъ этой „высокой чести". „Въ земской средѣ — пишетъ радикальная народническая „Экономическая газета", — очевидно, получаетъ все большее и большее распространеніе мысль, что мѣстные расходы, связанные съ настоящею войной, должны быть приняты на себя государствомъ, какъ по причинѣ непосильности ихъ для отдѣльныхъ земствъ, такъ и по чисто принципіальнымъ соображеніямъ: не земство вызвало эту войну, оно не имѣетъ никакого голоса въ ея веденіи и организаціи, а тяжесть ея распредѣляется по странѣ совершенно неравномѣрно, внѣ какихъ бы то ни было соображеній съ интересами той или другой мѣстности". „Экономическая Газета" вполнѣ сочувствуетъ придуманному земствами исходу и только скорбитъ о томъ, что „къ этому вполнѣ логическому и естественному выводу въ его прямой формѣ пришли еще не всѣ земства, большая же часть пытается пока достигнуть той же цѣли болѣе или менѣе косвеннымъ путемъ". Даже „Московскія Вѣдомости", по инымъ, конечно, побужденіямъ, одобряютъ либеральную уловку, лицемѣрно замѣчая,

„равномѣрнаго распредѣленія обязанностей требуетъ сама справедливость“. Къ сожалѣнію, мы должны нарушить трогательное согласіе и снова огорчить либераловъ. Для соціальдемократіи, какъ для единственной выразительницы и представительницы истинныхъ интересовъ народа, даже въ широкомъ смыслѣ слова, новый зигзагъ либеральной мысли является только новымъ доказательствомъ той недодуманности и убогой половинчатости русскаго либерализма, которая обрекаетъ его въ качествѣ самостоятельной политической силы, на полнѣйшее безплодіе и даже больше — на измѣну народу. Въ самомъ дѣлѣ. Недостаточно требовать, чтобы расходы на призрѣніе семействъ запасныхъ были приняты на счетъ государства. Надо же подумать и о томъ, откуда промотавшееся царское правительство возьметъ средства на эти расходы. Либералы стыдливо замалчиваютъ этотъ щекотливый вопросъ. Но „Москов. Вѣдомости.“ не обязанныя соблюдать приличіе, грубо раскрываютъ карты и заявляютъ, что правительство, конечно, имѣетъ возможность достигнуть равномѣрнаго распредѣленія военныхъ тягостей „путемъ установленія спеціальнаго налога“. Вотъ конечный логическій выводъ либеральной политики! Пусть мужицкая мошна расплачивается за военно-коммерческія предпріятія Николая Романова, Безобразова и другихъ членовъ небольшой, но теплой придворной компаніи! Но посмотрите-же, господа, что дѣлается кругомъ, прочтите ваши же подцензурныя газеты! Въ той же Нижегородской губ., которая ходатайствуетъ о передачѣ призрѣнія семействъ запасныхъ солдатъ государству, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, мужицкая мошна до того опустѣла, что не выполняетъ самыхъ прямыхъ, обычныхъ своихъ „обязанностей“. Предсѣдатель арзамасской земской управы телеграммой увѣдомилъ губернатора, что земская управа, не пользуясь никакими поступленіями земскихъ сборовъ и не предвидя ихъ въ будущемъ, „окончательно потеряла свою платежную способность и вынуждена совсѣмъ закрыть земскую кассу“. Въ другихъ мѣстахъ дѣло обстоитъ еще хуже. Не только мошна, но и ея обладатель отказываются „служить государству и обществу“. Въ Тихвинскомъ уѣздѣ хлѣбъ, приготовленный изъ зерна нынѣшняго урожая, „разваливается словно песчанный и обладаетъ ядовитыми свойствами. Тѣ, кто поѣлъ его, чувствуетъ головокруженіе, у нихъ начинается рвота, а потомъ руки и ноги дрожатъ и пошатываетъ изъ стороны въ сторону, словно послѣ похмѣлья“. Въ Орловской губерніи „многіе сельскіе врачи были напуганы появленіемъ какой-то загадочной болѣзни, выражающейся разстройствомъ желудка и страшной головной болью... Пошли были толки о холеринѣ и холерѣ. Скоро, однако, дѣло разъяснилось: оказалось, что странная болѣзнь вызывается употребленіемъ хлѣба урожая нынѣшняго года“... Заболѣванія довольно часты и вызываютъ тошноту, головокруженіе, поносъ, судороги и охлажденіе конечностей. Нужно ли послѣ этого еще доказывать, что единственными требованіями, которыя отвѣчаютъ дѣйствительнымъ интересамъ многострадальнаго русскаго народа, являются требованія, съ самаго начала военныхъ дѣйствій выставляемыя революціонною соціальдемократіею: долой войну, долой позорное правительство, которое способно вызывать такія войны! Чаша народнаго горя переполнилась, и жалкимъ уловкамъ либерализма не удастся предотвратить неизбѣжное. Впрочемъ, даже либеральные межеумки начинаютъ, повидимому, понимать серьезность положенія. Факты больно бьютъ въ головы, и, не говоря о г. Струве, уже додумавшемся до „государственной возможности немедленнаго прекращенія войны“, даже г. Ив. Петрункевичъ въ „Правѣ“ дѣлаетъ какія то неопредѣленныя тѣлодвиженія, очевидно, приготовляясь къ перемѣнѣ позиціи. Онъ еще не требуетъ прекращенія войны. Наоборотъ, онъ думаетъ, что „мы не можемъ теперь предложить Японіи миръ и вынуждены продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Японія не согласится положить въ основу его условія, пріемлемыя нами и съ точки зрѣнія нашего національнаго достоинства и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ Россіи“. Но онъ уже дошелъ до сознанія, что „мы должны теперь же, не колеблясь, признать во имя человѣчности, во имя дѣйствительныхъ интересовъ Россіи, что ради прекращенія ужаснаго кровопролитія на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ гибнутъ сотни тысячъ людей, не слѣдуетъ останавливаться передъ пожертвованіемъ всѣми интересами колоніальной политики“. Въ добрый путь, гг. либералы! Быть можетъ, японскія пушки помогутъ вамъ, наконецъ, добраться до той точки зрѣнія, которую мы отстаивали, исходя изъ принципіальныхъ основаній, за которую вы насъ предавали анаѳемѣ, и которая, какъ и всегда, оказалась наиболѣе правильною въ смыслѣ практической политики. Миръ, сверженіе самодержавія, созывъ учредительнаго собранія — вотъ первые и неизбѣжные этапы на пути обновленія и возрожденія Россіи.

* * *

Въ прошломъ номерѣ „Искры“ товарищъ Л. М. отмѣтилъ то чувство своеобразной угнетенности, которое невольно охватываетъ въ настоящій моментъ революціонные круги. „Предъ громадностью стихійно развертывающихся событій исторической важности, колоссально революціонизирующихъ жизнь населенія и его сознаніе, — какими ничтожными, — говорилъ онъ, — представляются наши собственныя средства воздѣйствія, наши привычные методы участія въ общественной жизни!“ Это чувство вполнѣ естественно для партіи, которая, какъ нынѣ русская соціальдемократія, переходитъ отъ революціоннаго просвѣтительства къ широкому политическому дѣйствію, которая начинаетъ оперировать могучими массами рабочихъ батальоновъ; но — субъективно, это — грустное чувство. Громадность задачи вызываетъ даже нѣкоторую растерянность въ слабыхъ умахъ. Поэтому, не будетъ лишнимъ остановиться на кое какихъ „объективныхъ“ доказательствахъ того, что наша упорная работа уже теперь приноситъ результаты, съ которыми должны поневолѣ считаться не только правительство, но и другія политическія партіи. Въ 39 номерѣ „Права“ либералъ, идеалистъ, профессоръ и князь Евгеній Трубецкой горько жаловался, что „крайнія партіи захватили въ свои руки монополію организаціи. Благодаря нашимъ законамъ о печати и дѣятельности нашей цензуры, имъ же принадлежитъ въ настоящее время монополія свободнаго слова... Нелегальные листки у насъ наводняютъ улицы, и вліяніе ихъ, ничѣмъ не будучи сдержано, растетъ не по днямъ, а по часамъ“. И почтенный наставникъ русскаго юношества уже теперь кричитъ отъ ужаса, представляя, какъ нѣкогда „миноносцы“ соціализма взорвутъ „Портъ-Артуръ“ собственности, семьи и государства. Спасительный страхъ князя Трубецкого доставилъ намъ большое удовлетвореніе, но еще съ большимъ удовольствіемъ прочли мы статью „Москов. Вѣдом.“ о „японской войнѣ и русскомъ народѣ“ (278). Эта статья — не только оффиціальное признаніе успѣха нашей агитаціи противъ войны, но и открытая измѣна принципамъ россійскаго самодержавія, всегда, какъ извѣстно, опиравшагося на темноту и безсознательность народа. „Просвѣщеніе уничтожаетъ предразсудки, — берегитесь просвѣщенія“ — проповѣдывалъ въ своемъ „Московскомъ сборникѣ“ Побѣдоносцевъ, самый крупный мыслитель и теоретикъ самодержавія. И вдругъ „Моск. Вѣд.“ категорически утверждаютъ, что „нельзя не признать крайне ненормальнымъ и недопустимымъ непониманіе самой сущности“ современныхъ историческихъ событій въ массахъ русскаго народа. Болѣе того, правительственная газета утверждаетъ, что русскій народъ „выстрадалъ себѣ право“ быть „не пассивной массой, а сознательнымъ участникомъ въ историческихъ судьбахъ отечества“. Эти здравыя мысли внушены газетѣ, во-первыхъ, полнымъ неодобреніемъ народомъ авантюры царскаго правительства, во-вторыхъ, тѣмъ, что „крайнія фракціи нашей такъ называемой интеллигенціи... стараются оказать на массы народа вреднѣйшее вліяніе именно на почвѣ войны“. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить въ связь эти два факта: непопулярность войны и нашу энергичную агитацію. Но мы сейчасъ же должны подчеркнуть необходимость ея дальнѣйшаго расширенія и углубленія, такъ какъ „Моск. Вѣд.“ перехватываютъ наши методы дѣйствія и требуютъ, ни болѣе ни менѣе, какъ, чтобы правительство организовало... агитацію въ пользу войны и, заднимъ числомъ, добилось сочувствія народа. Газета настаиваетъ даже на централистической постановкѣ агитаціи. Въ качествѣ возможныхъ агитаторовъ, она указываетъ приходское духовенство и сельскихъ учителей. Но, такъ какъ „они сами не всегда имѣютъ достаточный матеріалъ фактическихъ знаній по этому предмету, то церковное управленіе и министерство народнаго просвѣщеніе легко могутъ восполнить такой недостатокъ разсылкой подходящихъ книгъ или даже составленіемъ новыхъ изданій примѣнительно къ потребностямъ времени“. Эти немногія строки знаменуютъ очень большой политическій фактъ. Обращеніе самодержавія къ агитаціи, къ „сознательности“ населенія, къ его сочувствію неопровержимо показываетъ, что, подъ вліяніемъ революціонной работы въ массахъ, самодержавіе перестало быть полновластнымъ хозяиномъ Россіи и потеряло возможность отдѣлываться отъ своихъ противниковъ грознымъ окрикомъ: не разсуждать! Изъ господина положенія оно превратилось въ одну изъ спорящихъ сторонъ, въ одно изъ борющихся общественныхъ направленій. На чьей сторонѣ останется побѣда въ этой борьбѣ — не можетъ быть никакихъ сомнѣній. „Моск. Вѣд.“ ошибаются, приписывая агитацію противъ войны радикальной „интеллигенціи“. Главныя силы революціонной арміи вербуются изъ рядовъ рабочаго класса, и никакая агитація поповъ и чиновниковъ не сможетъ отвлечь пролетаріатъ отъ славнаго краснаго знамени, подъ которымъ онъ мужественно и сознательно сражается за свое политическое и экономическое освобожденіе.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. На дняхъ въ одномъ районѣ города было устроено организаціей этого района агитаціонное собраніе. Присутствовало 59 человѣкъ. На немъ 3 агитатора произнесли рѣчи на тему: 1) Война, „новый курсъ“ и задачи с.-д. рабоч. партіи, 2) Изъ исторіи борьбы съ самодержавіемъ, 3) Объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Несмотря на петербургскую осеннюю погоду и дальность разстоянія, настроеніе рабочихъ было бодрое. Въ отвѣтъ на привѣтственную резолюцію конгресса, рабочіе единогласно приняли отвѣтную резолюцію, которую я и привожу.

„Выслушавши докладъ объ Амстердамскомъ конгрессѣ, собраніе петербургскихъ рабочихъ выражаетъ свою солидарность съ стремленіями международнаго пролетаріата и надѣется, что недалекъ тотъ день когда русскіе рабочіе, сбросивъ съ себя иго царскаго деспотизма, вступятъ свободными членами въ братскую семью международнаго пролетаріата“. Работающій.

Воронежъ. Недавно на заводахъ Гаусмана и Бухонова были распространены листки Вор. Комитета. Впечатлѣніе на рабочихъ произвели очень хорошее: нравилось, что пропечатали въ листкахъ хорошо знакомыя имена эксплуататоровъ и ненавистнаго доносчика—рабочаго Купріянова и подробно касались ихъ экономическо-правового положенія. Слышались отдѣльные голоса, находившіе, что насчетъ самодержавія говорить не слѣдовало, что это „ужъ слишкомъ далеко хватили“ соціальдемократы, но болѣе сознательные товарищи разъяснили имъ, что въ самодержавіи „самый корень зла“ и что такъ именно и слѣдовало писать, не умалчивая правды. Настроеніе у всѣхъ приподнятое. Черезъ нѣкоторое время были разбросаны въ громадномъ количествѣ листки Ц. К. — „Новая Мобилизація“, изданные и дополненные Вор. Комитетомъ; они читались всѣмъ населеніемъ рабочихъ кварталовъ. Съ того дня каждый вечеръ на улицахъ тамъ и сямъ находятъ листки: это рабочіе, которымъ удается подобрать ихъ на улицахъ, вновь по собственной иниціативѣ разбрасываютъ ихъ по прочтеніи.

Харьковъ. Механическій заводъ Бельке. Работаетъ у насъ человѣкъ 150-200, причемъ къ зимѣ разсчитываютъ, а на лѣто принимаютъ отъ 20 до 40 чел. Рабочій день — $10\frac{1}{2}$ часовъ, зимою же работу сокращаютъ на два часа, а платятъ только за $\frac{3}{4}$ дня, то есть почти за 8 часовъ, слѣдовательно владѣлица завода Ремизова крадетъ ежедневно у каждаго рабочаго больше получаса его кровнаго труда, а у всѣхъ 150 рабочихъ въ каждую получку за 12 дней — 900 рабочихъ часовъ! Такъ происходитъ „накопленіе“ капитала!

Мастера жмутъ, обсчитываютъ и обкрадываютъ рабочаго на каждомъ шагу.

Особенно выдѣляется среди нихъ мастеръ Воейковъ; рабочихъ разсчитываетъ за малѣйшіе пустяки: скажетъ слово напротивъ, испортитъ работу, станокъ старый сломится — ступай за ворота! А то пошлетъ „погулять“ на недѣлю-другую: какое тутъ „гулянье“, когда ѣсть нечего; откажешься „гулять“ — получай разсчетъ! Крики и ругань Воейкова цѣлый день стономъ стоятъ въ мастерской. Съ учениками совсѣмъ уже не церемонится: зачастую бьетъ ихъ, заставляетъ таскать непосильныя тяжести. Когда же ученики оканчиваютъ свое „ученье“ и должны уже получать жалованье, ихъ по просту выгоняютъ и на ихъ мѣсто ставятъ немного обученнаго рабочаго, который за 20-30 коп. работаетъ цѣлый день, какъ ломовая лошадь! Жалованья Воейковъ прибавляетъ пятакъ или гривенникъ (каждые 2-3 года!), да и то не каждому, а лишь тѣмъ, кто подслуживается, доноситъ ему, что дѣлается въ мастерской, да таскаетъ въ подарокъ окорока копченные!.. Есть и среди нашего брата такіе!.. Старымъ же рабочимъ, которые заработали владѣлицѣ завода не одну тысячу рублей, Воейковъ такъ понижаетъ плату, ссылаясь на ихъ малоспособность, что имъ приходится совсѣмъ оставлять работу. А ему только и надо этого.

„Прибавка“ жалованья назначается обыкновенно въ первую получку послѣ 1 мая, чтобы рабочіе, въ надеждѣ на прибавку, вели себя 1 мая спокойно. Передъ первымъ мая Войейковъ и другіе мастера ведутъ себя смирно: какъ будто ихъ и нѣтъ на заводѣ!

За эти и другія заслуги и отличія Ремизова назначаетъ своему „сотруднику“ Войекову ежегодную награду въ 300 рублей, а другимъ мастерамъ по 2 коп. съ пуда издѣлій.

Бросимъ теперь взглядъ на остальныя условія работы.

Ворота открываютъ на заводѣ за 15-20 мин. до начала работы (6 час. утра): если прійдешь раньше, то приходится дрожать зимою на холоду, а осенью мокнуть подъ дождемъ; если опоздаешь, еще лучше: ожидать до перерыва и еще высчитаютъ за четверть дня; три раза въ день рабочіе подвергаются при выходѣ изъ завода унизительному обыску. Помѣщенія для работы отвратительны: нигдѣ нѣтъ вентиляціи, поэтому лѣтомъ открываютъ двери, а зимой выбиваютъ стекла, и сквозной вѣтеръ гуляетъ по всѣмъ мастерскимъ. Въ слесарной протекаетъ крыша. Въ инструментальной зимой такъ темно, что днемъ работаютъ при „коптилкахъ“, отчего долго работавшіе тамъ всѣ болѣютъ глазами. Токарная — не лучше: тѣсно, проходы между станками такія узкіе, что когда приходится тащить крупную вещь, то всю жизнь проклянешь, а вдобавокъ и машины не всѣ защищены! Подъ сверлильнымъ станкомъ цѣлая помойная яма, которая чистится въ годъ раза два или три, а именно въ имянины мастера, да когда фабричный инспекторъ сообщитъ по телефону, что пріѣдетъ осматривать заводъ, такъ чтобы поубрались немного (да незабыли приготовить того, для чего карманы въ брюкахъ). Вездѣ пыль, грязь, кубъ отъ воды разъ въ годъ чистится! Въ литейныхъ дышать нечѣмъ во время литья отъ дыма, копоти и газовъ.

Заболѣетъ рабочій — есть у насъ „медицина“! Докторъ бываетъ: разъ въ недѣлю! Лѣчатъ на подобіе того, какъ ротные фельдшера по деревнямъ: отъ всѣхъ болѣзней почти одно и то же даютъ, да и то подешевле, а то пожалуйте въ частную аптеку на свои деньги покупать! А столовая! Сырой, грязный и темный подвалъ, безъ плиты для нагрѣванія пищи, впускаютъ только зимой, да и то однихъ котельщиковъ, потому что они работаютъ больше на дворѣ и мастерскія у нихъ совсѣмъ не отапливаются!

При такихъ условіяхъ уже много лѣтъ 200 рабочихъ добываютъ злато своимъ владѣльцамъ, тратятъ силы и губятъ здоровье. Но чувство протеста давно уже накопляется у каждаго на душѣ: рабочіе ждутъ лишь удобнаго момента, чтобы начать борьбу.

Харьковъ. На собраніи около 100 рабочихъ, созванномъ Комитетомъ Партіи, послѣ рѣчи присланнаго Ц. К. агитатора, принята была резолюція:

„Мы считаемъ наше самодержавное правительство врагомъ русскаго народа: оно выжимаетъ всѣ соки изъ населенія, оно систематически его разоряетъ и добываемыя изъ него деньги употребляетъ для того, чтобы ковать ему цѣпи и совершать дальнѣйшее разореніе. И теперь, когда самодержавное правительство, стремясь къ упроченію своего положенія и къ поддержанію своей власти, вовлекло измученную и разоренную имъ Россію въ ужасную, кровопролитную войну, каждый день которой ведетъ къ гибели новыхъ тысячъ русскихъ гражданъ и растратѣ новыхъ милліоновъ народныхъ денегъ, мы должны, наконецъ, остановить эту безумную политику зарвавшагося самодержавія. Мы требуемъ немедленнаго прекращенія этой войны, но, вмѣстѣ съ этимъ, мы требуемъ также и уничтоженія виновника этой войны — самодержавія. И всѣ наши силы считаемъ теперь необходимымъ положить на то, чтобы могучимъ народнымъ движеніемъ отнять власть у самодержавнаго правительства и передать ее учредительному собранію, составленному изъ выборныхъ отъ всего народа.“

Лоевъ, Кіевской губ. Въ этомъ году нашимъ сознательнымъ рабочимъ удалось завязать связи съ Кіевомъ, и, съ помощью товарищей, сформировать организацію. Въ ея составъ первоначально вошло 25 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 раб. ремесленниковъ и 5 сельскохозяйственныхъ рабочихъ (собственно промышленнаго пролетаріата здѣсь нѣтъ), но вскорѣ число участниковъ возросло до 75 (55 рем. и 20 кресть.). Устроена касса борьбы, ведутся занятія въ кружкахъ (50 чел.) подъ руководствомъ почти исключительно рабочихъ. Занятія состоятъ главнымъ образомъ въ разъясненіи программы Р. С.-Д. Р. П., къ которой организація примкнула, и чтеніи брошюръ и „Искры“. Почти всѣ ремесленники уже сорганизованы, и главное вниманіе теперь обращено на сельскихъ батраковъ и молодежь изъ крестьянъ, которые въ сильной степени пролетаризированы, благодаря развитію въ нашемъ краѣ крупнокапиталистическаго сельскаго хозяйства. Среди нихъ устраиваются массовки — до 200 челов., на которыхъ трактуются вопросы общеполитическаго характера (о войнѣ, положеніи крестьянства, а также о соціализмѣ), и собранія крестьянъ-членовъ организаціи, гдѣ разбираются также темы болѣе спеціальнаго характера — о бундѣ, соц.-рев., „большинствѣ“ и „меньшинствѣ“ и т. п.

Съ удовольствіемъ констатируемъ фактъ, что среди организованныхъ крестьянъ многіе отлично разбираются въ отношеніи соц.-демократіи къ крестьянству. Благодаря имъ, главнымъ образомъ, у насъ имѣются обширныя связи въ окрестныхъ селахъ, которые мы, однако, не можемъ еще вполнѣ использовать. Тѣмъ не менѣе, мы увѣрены, что работа и тутъ пойдетъ хорошо. Въ сосѣднихъ мѣстечкахъ — Брагинѣ (? написано неразборчиво) и Радулѣ удалось уже устроить организацію по типу Лоевской,

Симферополь. Здѣсь бастовали портные, работающіе на магазинъ Зусмана (въ количествѣ 23 чел.). Хозяинъ готовъ былъ согласиться на выставленное рабочими требованіе объ увеличеніи платы, но поставилъ условіемъ увольненіе двухъ стачечниковъ, и соглашеніе не состоялось. Только по истеченіи пяти недѣль съ начала стачки хозяинъ, наконецъ, уступилъ по всѣмъ пунктамъ. Рабочіе во время стачки были поддержаны кассой мѣстной организаціи Крымск. Союза. Одновременно прошла успѣшно стачка въ одной сапожной мастерской.

Кемскій уѣздъ. Арханг. губ. Капитализмъ пускаетъ здѣсь только первые ростки; самая беззастѣнчивая примитивная эксплуатація выступаетъ осложненная старыми пережитками и сводится въ 9-10 случаяхъ къ простому обирательству. Вотъ факты. Нашъ уѣздный городъ — резиденція двухъ „чинныхъ“ и „благообразныхъ“ купцовъ Антонова и Дятлева. Вокругъ одного сотни народа перебиваются ловлей трески на Мурманѣ, вокругъ другого — рубкой и сплавомъ лѣса на лѣсопильный заводъ. Объ эксплуатаціи на тресковомъ промыслѣ такъ разсказывалъ одинъ мурманецъ: „Отъ Антонова на Мурманѣ треску ловимъ. Увозятъ насъ зимой еще, — въ этомъ году на первой недѣлѣ поста выѣхали. Перевозятъ хуже, чѣмъ собакъ: привычное дѣло — и то не чаешь доѣхать. Работаемъ круглый божій день до осени, работа — страсть тяжелая. Рядимся разно, а больше такъ: 60 руб., рубашка теплая да шесть пудовъ рыбы. Иные получаютъ 50 руб., а есть и такіе, что 75 руб.; рыбы кто выговариваетъ три пуда, а кто и всѣ 10 пудовъ; ну, а рубашку каждый. Деньги получаемъ только на паспортъ да на подати — какихъ-нибудь 3-4 руб., а остальные забираемъ товаромъ. Торговля у него большая, — приходишь и получай, что требуется, — понятно, съ надбавкой противъ вольной цѣны: сахаръ, къ примѣру, по 25 к. фунтъ и все прочее также. Насчетъ рыбы тоже прижимка бываетъ: въ прошломъ году вотъ какъ рыбой обидѣли, кто рядился по 6-7 пудовъ, получили по 2-3 п., уловъ, говоритъ, плохой, больше дать никакъ невозможно. Требовать нельзя — потому контрактовъ никакихъ нѣтъ, — все на слово. Насчетъ этихъ контрактовъ много мы про межъ себя говорили, ругаемъ себя на чемъ свѣтъ стоитъ. Глупы мы больно, вотъ какъ глупы! Да и то сказать: куда вѣдь дѣнешься: некуда податься! Теперь вотъ и все ужъ забралъ, а зиму — то жить надо или нѣтъ? Ну, и идешь къ нему. Всю зиму у него забираешь, — значитъ на тотъ годъ опять долженъ у него работать... Главная причина: контрактовъ нѣтъ. Что хотятъ съ нами, то и дѣлаютъ; прямо сказать — повинуемся и служимъ имъ, какъ богу и царю. А податься некуда. До ухода теперь промышляешь отъ себя разной рыбешкой, да съ этого сытъ не будешь, — надо и муки, и одеженку справить... Такое житье наше Кемское, что хуже его и нѣтъ! И что съ нами будетъ — не знаемъ!“ И долго качалъ головой и разводилъ руками изможденный, оборванный и заплатанный мурманецъ... Контракты! Въ этомъ году впервые заведены были разсчетныя книжки, но и съ книжками дѣло пошло чуть ли не хуже, чѣмъ безъ нихъ. Дѣло, конечно, не въ отсутствіи „контрактовъ“, а въ полной почти безотвѣтности эксплуатируемыхъ кореловъ.

Кромѣ Антонова есть здѣсь нѣсколько хозяевъ помельче; условія труда и найма диктуются Антоновымъ.

Западная Корелія находится въ рукахъ Дятлева. Заводъ (лѣсопильный) даетъ Дятлеву заказъ на извѣстное количество бревенъ и затѣмъ только „выкатываетъ“ пригнанныя деревья, все остальное дѣлаетъ капиталъ Дятлева руками кабальныхъ холоповъ. По существу здѣсь такая же система закабаленія, какъ и у Антонова. У Дятлева куча родственниковъ — и они, дѣйствуя якобы самостоятельно, ухитряются (при помощи замысловатой системы лавокъ, разбросанныхъ по всей Кореліи и путемъ поставки провіанта на мѣста рубки лѣса) высасывать изъ кореловъ нѣкоторый плюсъ къ тому, что высасываетъ Дятлевъ собственнымъ ртомъ. Махинація сложная. Здѣшнее бездорожье (только зимой на оленяхъ проѣдешь въ городъ) благопріятствуетъ эксплуататорамъ. Если въ этомъ году распутица простоитъ долго, то Корелія, пожалуй, вымретъ: дожди залили и хлѣбъ, и сѣно. Даже въ урожайные годы кореламъ не хватало своего хлѣба до саннаго пути. Благодаря этому ихъ страшно объегориваютъ на мукѣ. Въ прошломъ году, напр., у Антонова часть муки была здорово подмочена; покупали ее по той же цѣнѣ, какъ и сухую, даже въ ноги кланялись за это благодѣяніе. Ко-

„равномѣрнаго распредѣленія обязанностей требуетъ сама справедливость". Къ сожалѣнію, мы должны нарушить трогательное согласіе и снова огорчить либераловъ. Для соціальдемократіи, какъ для единственной выразительницы и представительницы истинныхъ интересовъ народа, даже въ широкомъ смыслѣ слова, новый зигзагъ либеральной мысли является только новымъ доказательствомъ той недодуманности и убогой половинчатости русскаго либерализма, которая обрекаетъ его въ качествѣ самостоятельной политической силы, на полнѣйшее безплодіе и даже больше — на измѣну народу. Въ самомъ дѣлѣ. Недостаточно требовать, чтобы расходы на призрѣніе семействъ запасныхъ были приняты на счетъ государства. Надо же подумать и о томъ, откуда промотавшееся царское правительство возьметъ средства на эти расходы. Либералы стыдливо замалчиваютъ этотъ щекотливый вопросъ. Но „Москов. Вѣдомости." не обязанныя соблюдать приличіе, грубо раскрываютъ карты и заявляютъ, что правительство, конечно, имѣетъ возможность достигнуть равномѣрнаго распредѣленія военныхъ тягостей „путемъ установленія спеціальнаго налога". Вотъ конечный логическій выводъ либеральной политики! Пусть мужицкая мошна расплачивается за военно-коммерческія предпріятія Николая Романова, Безобразова и другихъ членовъ небольшой, но теплой придворной компаніи! Но посмотрите-же, господа, что дѣлается кругомъ, прочтите ваши же подцензурныя газеты! Въ той же Нижегородской губ., которая ходатайствуетъ о передачѣ призрѣнія семействъ запасныхъ солдатъ государству, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, мужицкая мошна до того опустѣла, что не выполняетъ самыхъ прямыхъ, обычныхъ своихъ „обязанностей". Предсѣдатель арзамасской земской управы телеграммой увѣдомилъ губернатора, что земская управа, не пользуясь никакими поступленіями земскихъ сборовъ и не предвидя ихъ въ будущемъ, „окончательно потеряла свою платежную способность и вынуждена совсѣмъ закрыть земскую кассу". Въ другихъ мѣстахъ дѣло обстоитъ еще хуже. Не только мошна, но и ея обладатель отказываются „служить государству и обществу". Въ Тихвинскомъ уѣздѣ хлѣбъ, приготовленный изъ зерна нынѣшняго урожая, „разваливается словно песчанный и обладаетъ ядовитыми свойствами. Тѣ, кто поѣлъ его, чувствуетъ головокруженіе, у нихъ начинается рвота, а потомъ руки и ноги дрожатъ и пошатываетъ изъ стороны въ сторону, словно послѣ похмѣлья". Въ Орловской губерніи „многіе сельскіе врачи были напуганы появленіемъ какой-то загадочной болѣзни, выражающейся разстройствомъ желудка и страшной головной болью... Пошли были толки о холеринѣ и холерѣ. Скоро, однако, дѣло разъяснилось: оказалось, что странная болѣзнь вызывается употребленіемъ хлѣба урожая нынѣшняго года"... Заболѣванія довольно часты и вызываютъ тошноту, головокруженіе, поносъ, судороги и охлажденіе конечностей. Нужно ли послѣ этого еще доказывать, что единственными требованіями, которыя отвѣчаютъ дѣйствительнымъ интересамъ многострадальнаго русскаго народа, являются требованія, съ самаго начала военныхъ дѣйствій выставляемыя революціонною соціальдемократіею: долой войну, долой позорное правительство, которое способно вызывать такія войны! Чаша народнаго горя переполнилась, и жалкимъ уловкамъ либерализма не удастся предотвратить неизбѣжное. Впрочемъ, даже либеральные межеумки начинаютъ, повидимому, понимать серьезность положенія. Факты больно бьютъ въ головы, и, не говоря о г. Струве, уже додумавшемся до „государственной возможности немедленнаго прекращенія войны", даже г. Ив. Петрункевичъ въ „Правѣ" дѣлаетъ какія то неопредѣленныя тѣлодвиженія, очевидно, приготовляясь къ перемѣнѣ позиціи. Онъ еще не требуетъ прекращенія войны. Наоборотъ, онъ думаетъ, что „мы не можемъ теперь предложить Японіи миръ и вынуждены продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Японія не согласится положить въ основу его условія, пріемлемыя нами и съ точки зрѣнія нашего національнаго достоинства и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ Россіи". Но онъ уже дошелъ до сознанія, что „мы должны теперь же, не колеблясь, признать во имя человѣчности, во имя дѣйствительныхъ интересовъ Россіи, что ради прекращенія ужаснаго кровопролитія на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ гибнутъ сотни тысячъ людей, не слѣдуетъ останавливаться передъ пожертвованіемъ всѣми интересами колоніальной политики". Въ добрый путь, гг. либералы! Быть можетъ, японскія пушки помогутъ вамъ, наконецъ, добраться до той точки зрѣнія, которую мы отстаивали, исходя изъ принципіальныхъ основаній, за которую вы насъ предавали анаѳемѣ, и которая, какъ и всегда, оказалась наиболѣе правильною въ смыслѣ практической политики. Миръ, сверженіе самодержавія, созывъ учредительнаго собранія — вотъ первые и неизбѣжные этапы на пути обновленія и возрожденія Россіи.

* * *

Въ прошломъ номерѣ „Искры" товарищъ Л. М. отмѣтилъ то чувство своеобразной угнетенности, которое невольно охватываетъ въ настоящій моментъ революціонные круги. „Предъ громадностью стихійно развертывающихся событій исторической важности, колоссально революціонизирующихъ жизнь населенія и его сознаніе, — какими ничтожными — говоритъ онъ, — представляются наши собственныя средства воздѣйствія, наши привычные методы участія въ общественной жизни!" Это чувство вполнѣ естественно для партіи, которая, какъ нынѣ русская соціальдемократія, переходитъ отъ революціоннаго просвѣтительства къ широкому политическому дѣйствію, которая начинаетъ оперировать могучими массами рабочихъ батальоновъ; но — субъективно это — грустное чувство. Громадность задачи вызываетъ даже нѣкоторую растерянность въ слабыхъ умахъ. Поэтому, не будетъ лишнимъ остановиться на кое-какихъ „объективныхъ" доказательствахъ того, что наша упорная работа уже теперь приноситъ результаты, съ которыми должны поневолѣ считаться не только правительство, но и другія политическія партіи. Въ 39 номерѣ „Права" либералъ-идеалистъ, профессоръ и князь Евгеній Трубецкой горько жалуется, что „крайнія партіи захватили въ свои руки монополію организаціи. Благодаря нашимъ законамъ о печати и дѣятельности нашей цензуры, имъ же принадлежитъ въ настоящее время монополія свободнаго слова... Нелегальные листки у насъ наводняютъ улицы, и вліяніе ихъ, ничѣмъ не будучи сдержано, растетъ не по днямъ, а по часамъ". И почтенный наставникъ русскаго юношества уже теперь трепещетъ отъ ужаса, представляя какъ нѣкогда „миноносцы" соціализма взорвутъ „Портъ Артуръ" собственности, семьи и государства. Спасительный страхъ князя Трубецкого доставилъ намъ большое удовлетвореніе, но еще съ большимъ удовольствіемъ прочли мы статью „Моск. Вѣдом." о „японской войнѣ и русскомъ народѣ" [illegible]. Эта статья — не только офиціальное признаніе успѣха нашей агитаціи противъ войны, но и открытая измѣна принципамъ россійскаго самодержавія, всегда, какъ извѣстно, опиравшагося на темноту и безсознательность народа. „Просвѣщеніе уничтожаетъ предразсудки, — берегитесь просвѣщенія" — проповѣдывалъ въ своемъ „Московскомъ сборникѣ" Побѣдоносцевъ, самый крупный мыслитель и теоретикъ самодержавія. И вдругъ „Моск. Вѣд." категорически утверждаютъ, что „нельзя не признать крайне ненормальнымъ и недопустимымъ непониманіе самой сущности" современныхъ историческихъ событій въ массахъ русскаго народа. Болѣе того, правительственная газета утверждаетъ, что русскій народъ „выстрадалъ себѣ право" быть „не пассивной массой, а сознательнымъ участникомъ въ историческихъ судьбахъ отечества". Эти здравыя мысли внушены газетѣ, во-первыхъ, полнымъ неодобреніемъ народомъ авантюры царскаго правительства, во-вторыхъ, тѣмъ, что „крайнія фракціи нашей такъ называемой интеллигенціи... стараются оказать на массы народа вреднѣйшее вліяніе именно на почвѣ войны". Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить въ связь эти два факта: непопулярность войны и нашу энергичную агитацію. Но мы сейчасъ же должны подчеркнуть необходимость ея дальнѣйшаго расширенія и углубленія, такъ какъ „Моск. Вѣд." перехватываютъ наши методы дѣйствія и требуютъ, ни болѣе ни менѣе, какъ, чтобы правительство организовало... агитацію въ пользу войны и, заднимъ числомъ, добилось сочувствія народа. Газета настаиваетъ даже на централистической постановкѣ агитаціи. Въ качествѣ возможныхъ агитаторовъ, она указываетъ приходское духовенство и сельскихъ учителей. Но, такъ какъ „они сами не всегда имѣютъ достаточный матеріалъ фактическихъ знаній по этому предмету, то церковное управленіе и министерство народнаго просвѣщеніе легко могутъ восполнить такой недостатокъ разсылкой подходящихъ книгъ или даже составленіемъ новыхъ изданій примѣнительно къ потребностямъ времени". Эти немногія строки знаменуютъ очень большой политическій фактъ. Обращеніе самодержавія къ агитаціи, къ „сознательности" населенія, къ его сочувствію неопровержимо показываетъ, что, подъ вліяніемъ революціонной работы въ массахъ, самодержавіе перестало быть полновластнымъ хозяиномъ Россіи и потеряло возможность отдѣлываться отъ своихъ противниковъ грознымъ окрикомъ: не разсуждать! Изъ господина положенія оно превратилось въ одну изъ спорящихъ сторонъ, въ одно изъ борющихся общественныхъ направленій. На чьей сторонѣ останется побѣда въ этой борьбѣ — не можетъ быть никакихъ сомнѣній. „Моск. Вѣд." ошибаются, приписывая агитацію противъ войны радикальной „интеллигенціи". Главныя силы революціонной арміи вербуются изъ рядовъ рабочаго класса, и никакая агитація поповъ и чиновниковъ не сможетъ отвлечь пролетаріатъ отъ славнаго краснаго знамени, подъ которымъ онъ мужественно и сознательно сражается за свое политическое и экономическое освобожденіе.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. На дняхъ въ одномъ районѣ города было устроено организаціей этого района агитаціонное собраніе. Присутствовало 59 человѣкъ. На немъ 3 агитатора произнесли рѣчи на тему: 1) Война, „новый курсъ" и задачи с.-д. рабоч. партіи, 2) Изъ исторіи борьбы съ самодержавіемъ, 3) Объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Несмотря на петербургскую осеннюю погоду и дальность разстоянія, настроеніе рабочихъ было бодрое. Въ отвѣтъ на привѣтственную резолюцію конгресса, рабочіе единогласно приняли отвѣтную резолюцію, которую я и привожу.

„Выслушавши докладъ объ Амстердамскомъ конгрессѣ, собраніе петербургскихъ рабочихъ выражаетъ свою солидарность съ стремленіями международнаго пролетаріата и надѣется, что недалекъ тотъ день, когда русскіе рабочіе, сбросивъ съ себя иго царскаго деспотизма, вступятъ свободными членами въ братскую семью международнаго пролетаріата". Работающій.

Воронежъ. Недавно на заводахъ Гаусмана и Бухонова были распространены листки Вор. Комитета. Впечатлѣніе на рабочихъ произвели очень хорошее: нравилось, что пропечатали въ листкахъ хорошо знакомыя имена эксплуататоровъ и ненавистнаго доносчика — рабочаго Купріянова и подробно касались ихъ экономическо-правового положенія. Слышались отдѣльные голоса, находившіе, что насчетъ самодержавія говорить не слѣдовало, что это „ужъ слишкомъ далеко хватили" соціалдемократы, но болѣе сознательные товарищи разъяснили имъ, что въ самодержавіи „самый корень зла" и что такъ именно и слѣдовало писать, не умалчивая правды. Настроеніе у всѣхъ приподнятое. Черезъ нѣкоторое время были разбросаны въ громадномъ количествѣ листки Ц. К. — „Новая Мобилизація", изданные и дополненные Вор. Комитетомъ; они читались всѣмъ населеніемъ рабочихъ кварталовъ. Съ того дня каждый вечеръ на улицахъ тамъ и сямъ находятъ листки: это рабочіе, которымъ удается подобрать ихъ на улицахъ, вновь по собственной иниціативѣ разбрасываютъ ихъ по прочтеніи.

Харьковъ. Механическій заводъ Гельке. Работаетъ у насъ человѣкъ 150-200, причемъ къ зимѣ разсчитываютъ, а на лѣто принимаютъ отъ 20 до 40 чел. Рабочій день — 10½ часовъ, зимою же работу сокращаютъ на два часа, а платятъ только за ⅔ дня, то есть почти за 8 часовъ, слѣдовательно владѣлецъ завода [illegible] крадетъ ежедневно у каждаго рабочаго больше получаса его кровнаго труда, а у всѣхъ 150 рабочихъ въ каждую получку за 12 дней — 900 рабочихъ часовъ! Такъ происходитъ „накопленіе" капитала!

Мастера жмутъ, обсчитываютъ и обкрадываютъ рабочаго на каждомъ шагу.

Особенно выдѣляется среди нихъ мастеръ Воейковъ; рабочихъ разсчитываетъ за малѣйшіе пустяки: скажетъ слово напротивъ, испортитъ работу, станокъ старый сломится — ступай за ворота! А то пошлетъ „погулять" на недѣлю-другую: какое тутъ „гулянье", когда ѣсть нечего, откажешься „гулять" — получай разсчетъ! Крики и ругань Воейкова цѣлый день стономъ стоятъ въ мастерской. Съ учениками совсѣмъ уже не церемонится: зачастую бьетъ ихъ, заставляетъ таскать непосильныя тяжести. Когда же ученики оканчиваютъ свое „ученье" и должны уже получать жалованье, ихъ попросту выгоняютъ, и на ихъ мѣсто ставятъ немного обученнаго рабочаго, который за [illegible] работаетъ цѣлый день, какъ ломовая лошадь! Жалованія Воейковъ прибавляетъ [illegible] каждые 2-3 года, да и то не каждому, а лишь тѣмъ, кто подслуживается, доноситъ ему, что дѣлается въ мастерской, и тащитъ въ подарокъ окорока копченые! Есть и среди нашего брата такіе! Старымъ же рабочимъ, которые заработали владѣльцу завода не одну тысячу рублей, Воейковъ [illegible] плату, [illegible] изъ [illegible], что имъ приходится совсѣмъ оставлять работу. А ему [illegible] этого.

„[illegible] объявленіе въ первую получку послѣ 1 мая, чтобы рабочіе не надѣялись на прибавку, если [illegible] 1 мая [illegible]. Передъ первымъ мая Воейковъ и другіе мастера [illegible]!"

За эти и другія заслуги и отличія Ремизовъ [illegible] ему „сотруднику" Воейкову ежегодную награду въ 300 рублей, а другимъ мастерамъ [illegible] пуда [illegible].

Бросимъ теперь взглядъ на остальныя условія работы.

Ворота [illegible] 15-20 мин. [illegible] работы. [illegible] прійдешь раньше, то приходится дрожать зимою на холоду, а осенью мокнуть подъ дождемъ; если опоздаешь, еще лучше — ожидать до перерыва и еще вычитаютъ за четверть дня. Три раза въ день рабочіе подвергаются при выходѣ изъ завода унизительному обыску. Помѣщенія для работы отвратительныя: [illegible] вентиляціи, [illegible] двери, а [illegible] по всѣмъ мастерскимъ. Въ [illegible]. Въ инструментальной зимой такъ темно, что [illegible] работаютъ при „коптилкахъ", отчего [illegible] глазами. Токарная [illegible] проходы между [illegible] такіе узкіе, что [illegible] приходится [illegible] жизнь [illegible] и машины [illegible]! Полъ [illegible] помойная яма, которая чистится [illegible] раза два или три [illegible] именины [illegible] мастера, да когда фабричный инспекторъ [illegible] по телефону, что пріѣдетъ осматривать заводъ, такъ чтобы поубрались немного да [illegible] приготовить того, для чего [illegible] въ брюкахъ). Вездѣ грязь, [illegible] чистится! Въ литейныхъ дышать нечѣмъ во время литья [illegible] дыма, копоти и газовъ.

Заболѣетъ рабочій — есть у насъ „медицина"! Докторъ бываетъ: разъ въ недѣлю! Лѣчатъ на подобіе того, какъ ротные фельдшера по деревнямъ: отъ всѣхъ болѣзней почти одно и то же даютъ, да и то подешевле, а то пожалуйте въ частную аптеку на свои деньги покупать! А столовая! Сырой, грязный и темный подвалъ, безъ плиты для нагрѣванія пищи, впускаютъ только зимой, да и то однихъ котельщиковъ, потому что они работаютъ больше на дворѣ и мастерскія у нихъ совсѣмъ не отапливаются!

При такихъ условіяхъ уже много лѣтъ 200 рабочихъ добываютъ злато своимъ владѣльцамъ, тратятъ силы и губятъ здоровье. Но чувство протеста давно уже накопляется у каждаго на душѣ: рабочіе ждутъ лишь удобнаго момента, чтобы начать борьбу.

Харьковъ. На собраніи около 100 рабочихъ, созванномъ Комитетомъ Партіи, послѣ рѣчи присланнаго Ц. К. агитатора, принята была резолюція:

„Мы считаемъ наше самодержавное правительство врагомъ русскаго народа: оно выжимаетъ всѣ соки изъ населенія, оно систематически его разоряетъ и добываемыя изъ него деньги употребляетъ для того, чтобы ковать ему цѣпи и совершать дальнѣйшее разореніе. И теперь, когда самодержавное правительство, стремясь къ упроченію своего положенія и къ поддержанію своей власти, вовлекло измученную и разоренную имъ Россію въ ужасную, кровопролитную войну, каждый день которой ведетъ къ гибели новыхъ тысячъ русскихъ гражданъ и растратѣ новыхъ милліоновъ народныхъ денегъ, мы должны, наконецъ, остановить эту безумную политику зарвавшагося самодержавія. Мы требуемъ немедленнаго прекращенія этой войны, но, вмѣстѣ съ этимъ, мы требуемъ также и уничтоженія виновника этой войны — самодержавія. И всѣ наши силы считаемъ теперь необходимымъ положить на то, чтобы могучимъ народнымъ движеніемъ отнять власть у самодержавнаго правительства и передать ее учредительному собранію, составленному изъ выборныхъ отъ всего народа."

Лоевъ, Кіевской губ. Въ этомъ году нашимъ сознательнымъ рабочимъ удалось завязать связи съ Кіевомъ, и, съ помощью товарищей, сформировать организацію. Въ ея составъ первоначально вошло 25 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 раб. ремесленниковъ и 5 сельскохозяйственныхъ рабочихъ (собственно промышленнаго пролетаріата здѣсь нѣтъ), но вскорѣ число участниковъ возросло до 75 (55 рем. и 20 кресть.). Устроена касса борьбы, ведутся занятія въ кружкахъ (50 чел.) подъ руководствомъ почти исключительно рабочихъ. Занятія состоятъ главнымъ образомъ въ разъясненіи программы Р. С.-Д. Р. П., къ которой организація примкнула, и чтеніи брошюръ и „Искры". Почти всѣ ремесленники уже сорганизованы, и главное вниманіе теперь обращено на сельскихъ батраковъ и молодежь изъ крестьянъ, которые въ сильной степени пролетаризированы, благодаря развитію въ нашемъ краѣ крупнокапиталистическаго сельскаго хозяйства. Среди нихъ устраиваются массовки — до 200 челов., на которыхъ трактуются вопросы общеполитическаго характера (о войнѣ, положеніи крестьянства, а также о соціализмѣ), и собранія крестьянъ-членовъ организаціи, гдѣ разбираются также темы болѣе спеціальнаго характера — о бундѣ, соц. рев., „большинствѣ" и „меньшинствѣ" и т. п.

Съ удовольствіемъ констатируемъ фактъ, что среди организованныхъ крестьянъ многіе отлично разбираются въ отношеніи соц.-демократіи къ крестьянству. Благодаря имъ, главнымъ образомъ, у насъ имѣются обширныя связи въ окрестныхъ селахъ, которые мы, однако, не можемъ еще вполнѣ использовать. Тѣмъ не менѣе, мы увѣрены, что работа и тутъ пойдетъ хорошо. Въ сосѣднихъ мѣстечкахъ — Брагинѣ (? написано неразборчиво) и Радулѣ удалось уже устроить организацію по типу Лоевской.

Симферополь. Здѣсь бастовали портные, работающіе на магазинъ Зусмана (въ количествѣ 23 чел.). Хозяинъ готовъ былъ согласиться на выставленное рабочими требованіе объ увеличеніи платы, но поставилъ условіемъ увольненіе двухъ стачечниковъ, и соглашеніе не состоялось. Только по истеченіи пяти недѣль съ начала стачки хозяинъ, наконецъ, уступилъ по всѣмъ пунктамъ. Рабочіе во время стачки были поддержаны кассой мѣстной организаціи Крымск. Союза. Одновременно прошла успѣшно стачка въ одной сапожной мастерской.

Кемскій уѣздъ. Арханг. губ. Капитализмъ пускаетъ здѣсь только первые ростки, самая беззастѣнчивая примитивная эксплуатація выступаетъ осложненная старыми пережитками и сводится въ 9/10 случаяхъ къ простому обирательству. Вотъ факты. Нашъ уѣздный городъ [illegible] двухъ „[illegible]" и „благообразныхъ" купцовъ Антонова и Дятлева. Вокругъ одного сотни народа перебиваются ловлей трески на Мурманѣ, вокругъ другого — рубкой и сплавомъ лѣса на лѣсопильный заводъ. Объ эксплуатаціи на тресковомъ промыслѣ такъ разсказывалъ одинъ мурманецъ: „Отъ Антонова на Мурманѣ треску ловимъ. Уѣзжать [illegible] на первой недѣлѣ поста выѣхали. Переходить хуже, чѣмъ [illegible] привычное дѣло — [illegible] доѣхать. Работаемъ круглый божій день до [illegible], работа — страсть тяжелая. Рядимся рано, а больше такъ [illegible] руб., рубашка теплая да шесть пудовъ рыбы. Иные получаютъ 50 руб., а есть и такіе, что 75 руб., рыбы кто выговариваетъ три пуда, а кто и всѣ 10 пудовъ, ну, а рубашку каждый. Деньги получаемъ только на паспортъ да на подати [illegible] какихъ-нибудь [illegible] руб., а остальные забираемъ товаромъ. [illegible] у него большая, [illegible] приходишь и получай, что требуется, — понятно, съ надбавкой противъ вольной цѣны: сахаръ, къ примѣру, [illegible] фунтъ, и все прочее также. Насчетъ рыбы [illegible] въ прошломъ году вотъ какъ рыбой [illegible] по 6-7 пудовъ, получили по 2-3 п., [illegible] невозможно. Требовать [illegible] — контрактовъ никакихъ нѣтъ, — все на [illegible]. [illegible] мы про межъ себя [illegible] больно, [illegible]: не[illegible]! [illegible] убрать, а зиму — то [illegible]. Ну [illegible] къ нему. Всю зиму у него [illegible] долженъ у него работать. [illegible] Что хотятъ съ [illegible] и служимъ [illegible]. До ухода теперь [illegible], а съ этого сытъ не [illegible]. Такое житье [illegible]! И что съ нами будетъ [illegible]" И [illegible] и разводилъ руками [illegible] мурманецъ... Контракты [illegible] году впервые заведены были разсчетныя [illegible] дѣло пошло чуть ли не хуже, чѣмъ [illegible], не въ отсутствіи „контрактовъ", а [illegible] эксплуатируемыхъ кореловъ.

Кромѣ Антонова есть здѣсь нѣсколько хозяевъ помельче; [illegible] Антоновымъ.

[illegible] Корели находится въ рукахъ Дятлева. Заводъ [illegible] Дятлеву [illegible] количество [illegible] только „выкатываетъ" пригнанныя деревья, [illegible] капиталъ Дятлева руками кабальныхъ хозяевъ. [illegible] такая же система закабаленія, какъ и у Антонова. У Дятлева куча [illegible] — и они, дѣйствуя [illegible] самостоятельно, ухитряются при помощи замысловатой системы [illegible] разбросанныхъ [illegible] Корели и путемъ [illegible] высасывать изъ корела [illegible], что высасываетъ Дятлевъ собственнымъ [illegible]. Махинація [illegible]. Здѣшнее бездорожье [illegible] зимой на [illegible] въ городъ благопріятствуетъ эксплуататорамъ. [illegible] въ этомъ году распутица простоитъ [illegible], то Корелія, пожалуй, вымретъ: дожди залили и хлѣбъ, и сѣно. Даже въ урожайные годы кореламъ не хватало своего хлѣба до санняго пути. Благодаря этому ихъ страшно объегориваютъ на мукѣ. Въ прошломъ году, напр., у Антонова часть муки была здорово подмочена; покупали ее по той же цѣнѣ, какъ и сухую, даже въ ноги кланялись за это благодѣяніе. Корелія изобилуетъ рыбой, но населеніе питается только гнилой рыбой, подержанной въ землѣ. Неудивительно, что брюшной тифъ собираетъ здѣсь обильную жатву; въ Юшкаерѣ лѣтомъ ежедневно умирали десятками. „Медицинская помощь" ограничивается пріѣздомъ разъ въ годъ фельдшера: прививаетъ оспу и оставляетъ бутылку дегтя — отъ всѣхъ болѣзней. Когда пріѣхали „политики", къ нимъ начали обращаться за помощью отъ всѣхъ болѣзней, начиная съ чесотки и кончая болѣзнями почекъ. Обираемая и вымирающая, голодная и забитая скудно прозябаетъ корельская деревушка, и невольно рождается вопросъ: хватитъ ли у измученнаго въ конецъ корела силы, чтобы подняться на борьбу со своими угнетателями? Хватитъ ли?

Я думаю хватитъ. Уже кое гдѣ по Кореліи бродитъ нелегальная книжка и будитъ заснувшую мысль. Намъ извѣстенъ случай, когда на одномъ лѣсопильномъ заводѣ уѣзда одинъ изъ рабочихъ взялъ изъ заводской библіотеки книжку, вшилъ въ нее нелегальную брошюру, да съ этой брошюрой и возвратилъ. Библіотекарь не замѣтилъ, а какое то „лицо" замѣтило. Вышелъ скандалъ, который еле-еле удалось замять.

Съ Урала. Лысвеньскій желѣзодѣлательный заводъ наслѣдниковъ графа Шувалова, несмотря на довольно близкое разстояніе отъ Перми (около 120 верстъ), оставался въ сторонѣ отъ движенія, охватившаго за послѣднее время многіе уральскіе заводы. Сравнительно высокая заработная плата, преобладаніе среди рабочихъ мѣстныхъ жителей, надѣленныхъ землею, отсутствіе энергичныхъ людей и трудность систематической работы въ небольшомъ центрѣ (на заводѣ около 3000 рабочихъ) — вотъ причины, замедлявшія движеніе. Но за послѣдніе годы, вмѣстѣ съ расширеніемъ производства, число пришлыхъ рабочихъ все увеличивалось, появились рабочіе съ юга, заронившіе и сюда сѣмена „крамолы". На заводѣ стала циркулировать нелегальная литература, зачитываемая до дыръ, образовались соціальдемократическіе кружки. Сильно повліяло на ходъ движенія и возникшее въ январѣ 1904 г. дѣло заводского священника Добротворскаго, поддѣлавшаго векселей на 45 тысячъ рублей, якобы истраченныхъ имъ на украшеніе церкви. Высшее начальство завода хотѣло замять этотъ казусъ и ему удалось путемъ давленія добиться на сходѣ согласія рабочихъ продолжать платить извѣстный процентъ съ заработаннаго рубля (мѣстные рабочіе 3%, пришлые — 1%) впредь до покрытія всей растраты. Возмутившись этимъ, одинъ изъ служащихъ, Перевозчиковъ, заявилъ обо всемъ прокурору, за что и былъ немедленно уволенъ со службы; попа перевели въ Соликамскій уѣздъ, а дѣлу былъ данъ законный ходъ, къ великому неудовольствію начальства.

Эта гнусная исторія сильно всколыхнула массу и спросъ на нелегальную литературу поднялся. За недостаткомъ ея, пошли въ ходъ и легальныя народныя изданія различныхъ фирмъ, и нерѣдко можно было видѣть рабочихъ, собравшихся кучкой около печей и читавшихъ вслухъ какое-либо изъ этихъ изданій или „Русскія Вѣдомости". Но одинъ изъ рабочихъ, именно Андрей Ивановичъ Худенькихъ, изъ сортировочнаго цеха, оказался провокаторомъ. Имъ былъ написанъ доносъ въ Пермь, и въ концѣ іюля этого года нагрянули жандармы вкупѣ съ прокуроромъ. Произведены были обыски у рабочихъ Горбунова, Орѣхова, Кашина, служащихъ Трапезникова, Домнина и друг., но при всемъ стараніи ничего, кромѣ одной книжки „Жизни", найти не удалось. Съ такимъ же успѣхомъ жандармерія пріѣзжала и во второй разъ въ августѣ. Рабочій Горбуновъ (поднадзорный, привлекавшійся раньше по дѣлу Нижегородскаго Комитета) арестованъ и увезенъ въ Пермь. Жандармамъ страшно хочется создать дѣло и потому они безцеремонно таскаютъ всѣхъ на допросы; призывали въ качествѣ свидѣтеля и смотрителя завода Шпынова. Рабочій Викт. Кашинъ велъ себя на допросахъ очень скверно, — выдавалъ и наговаривалъ на другихъ. На массу все это произвело сильное впечатлѣніе и надо надѣяться, что движеніе не заглохнетъ и распространится вширь и вглубь.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отъ одного товарища-рабочаго нами получено слѣдующее обращеніе.

ТОВАРИЩАМЪ-РАБОЧИМЪ.

Товарищи!

„*Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ!..*"

Колеблется самодержавіе!

Трудная година близится къ концу, все ближе и ближе рѣшительная минута, и наша Партія должна теперь занять свой — столько же почетный, сколько и отвѣтственный, постъ — въ авангардѣ пробуждающихся народныхъ массъ.

Въ такую минуту передъ Партіей одна за другой встаютъ самыя неотложныя и самыя насущнѣйшія задачи. И одна изъ этихъ задачъ — это вопросъ *о средствахъ*... Дѣйствительно, передъ этимъ вопросомъ опускаются самыя сильныя руки, задумываются самыя свѣтлыя головы...

Теперь, когда Партія должна мобилизовать всѣ свои наличныя силы, когда результатъ всей работы зависитъ отъ правильнаго и непрерывнаго функціонированія *всѣхъ* ея частей, — приходится вдругъ безпомощно останавливаться въ самомъ разгарѣ работы.., Денегъ нѣтъ!..

Въ періодъ *собиранія* нашей Партіи ея преимущественно интеллигентскій, — а потому сравнительно очень ограниченный — составъ, до нѣкоторой степени обезпечивалъ ей кое-какія средства къ существованію.

Но вотъ, съ вступленіемъ партійной жизни и дѣятельности въ другой — слѣдующій фазисъ, — въ новую *эпоху широкой политической работы*, — передъ ней открылось новое, необозримо-широкое поле дѣятельности, завиднѣлись безконечные горизонты... Зашевелились, хотя еще и смутно, въ полуснѣ, — широкія массы народа, вплоть до самыхъ „низовъ" — и кадры революціонной соціальдемократіи начали пополняться съ возрастающей быстротой, — а вмѣстѣ съ тѣмъ, и составъ ея измѣнился настолько, насколько увеличивался...

„Рабочій пошелъ!"

Хотя между нимъ и интеллигентской частью Партіи все еще не было той непосредственной, органической связи, *при которой только и возможна сколько-нибудь производительная работа*, но все же — теперь можно это съ увѣренностью сказать — мы изжили таки чуть было не получившее право гражданства „идейное теченіе" въ нашей Партіи, основою котораго была та мысль, что русскій пролетаріатъ можетъ принимать участіе въ переустройствѣ своей судьбы лишь съ точки зрѣнія крыловскаго сапожника, разсматривающаго картину...

Но рабочій приносилъ съ собою лишь крѣпкую думу да желѣзную волю, — и скоро матеріальныя средства Партіи стали представлять собою каплю въ морѣ все возраставшихъ потребностей... численный составъ Партіи росъ не по днямъ, а по часамъ — и переросталъ средства. Нужно было выискивать новые пути, — но ихъ не находилось... И важнѣйшія функціи партійной работы — изданіе и транспортъ литературы, конспиративныя квартиры и т., и т. д. — все это замирало, подчасъ въ самую нужную минуту, подчасъ вызывая приступы отчаянія у работниковъ.

„Денегъ нѣтъ!"

Это было какое-то проклятіе... И оно продолжаетъ до сихъ поръ неотступно висѣть надъ нашей Партіей, сковывая намъ руки, парализуя нашу дѣятельность!

Товарищи! Камень на пути слабаго — пусть будетъ ступенью на пути сильнаго! Бѣденъ русскій пролетаріатъ, но роскошь имѣть *свою* Партію онъ себѣ позволитъ.

Ни „Пожарскіе" изъ „Освобожденія", ни „Минины" изъ „Новаго Времени" — не поведутъ народа къ свободѣ: только самъ русскій пролетаріатъ, сознавшій, наконецъ, свою *великую солидарность* и *великую силу* этой солидарности — онъ — и только онъ! — разнесетъ въ прахъ и безъ остатка ненавистную твердыню царизма!..

„У насъ никогда не было остановки изъ-за средствъ", — говорилъ намъ товарищъ Б., видный дѣятель Германской Соціальдемократической Рабочей Партіи. „У насъ всѣ организованные рабочіе считаютъ партію своею, обезпеченіе ее средствами — дѣломъ огромной важности, и каждый изъ нихъ аккуратно дѣлаетъ свой еженедѣльный *членскій* взносъ..."

Дѣйствительно, дисциплинированность нашихъ нѣмецкихъ товарищей въ этомъ (какъ и во многихъ другихъ случаяхъ) поражаетъ всякого иностранца, — но еще болѣе интересна и ужъ поистинѣ трогательна та „хозяйская" заботливость, съ которой каждый изъ нихъ относится ко всякимъ проявленіямъ партійной жизни... Вообще экономный на слова, — нѣмецкій рабочій совершенно измѣняется, когда рѣчь заходитъ о „его Партіи": онъ становится не только словоохотливъ, но прямо неистощимъ, и съ нескрываемымъ удовольствіемъ посвятитъ своего слушателя во всѣ подробности партійной жизни... Вы сразу видите, что *его Партія и онъ — одно и то же*, что ея успѣхъ — его успѣхъ, ея горе — его горе...

Не то, далеко не то у насъ...

Правда, ненавистный царизмъ съ тупой злобой уничтожаетъ всѣ мельчайшіе зачатки *общественной жизни* и не даетъ никакой сколько-нибудь законной почвы для организаціи рабочихъ Россіи въ Партію.

Но у насъ даже и тѣ товарищи, которые уже организованы нашей Партіей, бываютъ на нашихъ собраніяхъ, читаютъ наши листки, нашу литературу, — даже и тѣ какъ-то плохо сознаютъ важность и необходимость притока денегъ въ партійныя кассы. Вотъ какія грустныя слова вырываются по этому поводу у одного кавказскаго товарища:

..„Большинство нашихъ организацій, несмотря на долгую работу среди рабочихъ, не пользуются съ ихъ стороны никакой денежной поддержкой и вездѣ принуждены искать средствъ въ сторонѣ. Сборъ съ рабочихъ составляетъ ничтожный процентъ въ общемъ бюджетѣ мѣстнаго комитета. Происходитъ это не потому, что рабочіе не въ состояніи платить, а просто потому, что для большинства рабочихъ комитетъ остается чѣмъ-то чужимъ не „своимъ", „роднымъ", о которомъ они должны заботиться. Они привыкли предъявлять требованія къ комитету, привыкли смотрѣть на свое содѣйствіе комитетской работѣ, какъ на одолженіе! Даже чтеніе и распространеніе листковъ разсматривается, какъ одолженіе... Я здѣсь, конечно, говорю о только что затронутыхъ пропагандой и агитаціей (таково большинство такъ называемыхъ *организованныхъ*), а не о тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ, которые содѣйствуютъ всей комитетской дѣятельности, какъ сознательные соціальдемократы. Что рабочіе могутъ платить, когда они того хотятъ, приведу нѣсколько извѣстныхъ мнѣ примѣровъ: армянскіе націоналисты въ Баку имѣютъ отъ рабочихъ до 1500 рублей въ мѣсяцъ, Тифлисскій Комитетъ нашей Партіи собираетъ отъ 700 до 900 руб., а Батумскіи около 1000 руб. въ мѣсяцъ, — а, вѣдь, тамъ рабочіе не богаче, чѣмъ въ другихъ промышленныхъ центрахъ, а по степени сознательности, въ общемъ куда ниже, чѣмъ напр. на югѣ... Я привожу эти цифры для того, чтобы показать, что рабочіе *могутъ* платить, когда хотятъ. А не платятъ они потому, что вообще не привыкли принимать активное участіе въ партійной работѣ, не втянулись постоянной, активной борьбой настолько въ партійную жизнь, чтобы каждую минуту быть готовымъ жертвовать всѣмъ для Партіи..."

Товарищи! Мы видимъ теперь, что Партія встанетъ на ноги лишь благодаря *нашей* поддержкѣ, ея работа пойдетъ впередъ лишь благодаря *нашей* помощи, ея дѣятельность оживится, лишь благодаря *нашему* въ ней участію! „*Хоть пятакъ, хоть одну копейку на общее дѣло!*" — пусть будетъ нашимъ лозунгомъ. Сорганизуемся вокругъ нашихъ партійныхъ *боевыхъ кассъ*, и пусть наши трудовые гроши, претворившись въ типографскій шрифтъ и бумагу, разнесутъ по всей Россіи *свободное печатное слово*, которое откроетъ глаза тѣмъ нашимъ братьямъ, у которыхъ они еще закрыты!..

Соберемъ съ міру по ниткѣ — и сплетемъ покрѣпче ту веревку, которая мертвой петлей затянется на шеѣ самодержавія!..

Оно уже дрогнуло, это гнусное самодержавіе, оно чувствуетъ уже, что началъ просыпаться народъ-великанъ, что всколыхнулась вся необъятная Россія, и что готовится судъ, великій *историческій судъ*, — послѣдній судъ между поруганнымъ, обобраннымъ народомъ и гнуснымъ самодержавіемъ!

Такъ позаботимся же, товарищи, чтобы этотъ судъ — былъ *скорый!*

Агитація противъ войны. **Центр. Ком.** изданы листоки: „Ляонянъ и Портъ-Артуръ" и „Война съ Японіей"; **Искрой** — „Царскія пораженія и наши требованія"; **Сѣвернымъ Ком.** — „Къ солдатамъ запаснымъ"; **Екатеринос. Ком.** „Къ запаснымъ"; **Харьков. Ком.** — „Резолюціи рабочихъ противъ войны"; **Бакинскимъ** — „Кризисъ, безработица, война" (листокъ „Искры"); **Сиб. Союзомъ** переизданы листки „Искры": „За что долженъ умирать русскій солдатъ?" (10 000 экз.), „Война противъ войны" (5000 экз.) и „Къ солдатамъ" (10 000 экз.); **Полѣсскимъ ком.** Листки „Искры": „Ко всѣмъ запаснымъ" и „Къ солдатамъ". **Одесск. ком.** переизданъ (въ 10.000 экз.) листокъ Ц. К.: „Портъ-Артуръ и Ляонянъ". **Крымск. Союзомъ:** „Къ рекрутамъ". **Кіев. Ком.** — „Мира!" (6000 экз.)

Вышли изданія: **„Искры":** „Первый шагъ" (листовка объ Учредительномъ Собраніи); **Одесск. Ком.** „Царь въ Одессѣ"; **Харьковск. Ком.** „Къ обществу" и листокъ по поводу закрытія для публики съѣзда земскихъ врачей; **Симферопольск. гр. Крымск. Союза** — листокъ къ рабочимъ табачн. фабрикъ"; **Архангельск. Ком.** — „Ликвидація города Глупова" (листокъ); **Гр. Дальняго Сѣвера** — „Какъ обманулъ царь крестьянъ въ манифестѣ?" и №№ 1—3 листка-хроники: „Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?"; **Саратовск. Ком.** — листокъ объ адресѣ уѣзднаго земскаго собранія Святополкъ-Мирскому; **Томскаго Ком.** — „Убійство Плеве", „Манифестъ Николая Обманова" и „Еще одна побѣда русскаго оружія въ Якутской Обл." (Нохтуйская трагедія); **Иркутскаго Ком.** — 1) тотъ-же листокъ, 2) письмо заключенныхъ въ Александровской тюрьмѣ къ Иркутскому губернатору (по поводу смерти Быкова) и 3) О судѣ надъ „романовцами" (въ 1000 экз.); **Сиб. Союза** — „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Сибири (по поводу процесса типографіи Союза — 5000 экз.); **Воронежскимъ Ком.** — отчетъ о дѣятельности съ воззваніемъ къ обществу.

Вышло отдѣльнымъ приложеніемъ къ № 76 „Искры", содержащее обвинительн. акты по тремъ политич. дѣламъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Харьковъ. Въ здѣшнихъ тюрьмахъ сидятъ сейчасъ (октябрь) слѣдующія лица: Бѣлявскій, Ал., раб., ар. 30 Окт. 03 г. по дѣлу Харьк. Ком. Партіи; Роговой, Аронъ (Иванъ Сусликовъ), раб., Шургалкинъ Алекс., раб., арестованы 10 Сент. 03 г., дѣло Хар. тип. и Хар. Ком. Партіи; Камермахеръ Вульфъ, Новаковскій, Як. Сол., Новаковская, Бэла Сол., Яглина, Анна Наумовна, Жарова, Раиса Соломоновна, арестованы въ Сент. 03 г., дѣло Уманской типографіи и Черкасской типографіи; Дворкина, Агнесса Соломоновна, ар. въ дек. 03 г.; Шейкинъ, раб., Бобовниковъ, раб., дѣло Конотопской тип.; Бродскій, Григ. Мих. (Шабельскій), Тартаковскій, С. М., арестованы въ мартѣ 04 г., дѣло Хар. Ком. Партіи; Исаковичъ, Е. Я., инт., ар. на сходкѣ; Андріевскій, П. Е., инт., ар. 18 нояб. 03 г., (дѣло Р. Укр. П.); Морковинъ, Вл. Вл., Плескій, Бол. Мих., Короткевичъ, Евг. Ник., всѣ трое соц. рев., инт., ар. 29 янв. 04 г.; Ласкинъ, раб., Вилецкій, раб., Кожевниковъ, раб., арестованы 31 авг. 04 г.; Фроловъ, Кл., раб., отбываетъ приговоръ за Екатериносл. дем.; Коганъ — ожид. ссылки на пос., Рутштейнъ, Илья — по приговору, оба за Екатер. дем. Двое послѣднихъ сидятъ отдѣльно отъ прочихъ, въ главномъ корпусѣ тюрьмы. Тамъ же сидитъ бѣжавшій и взятый на границѣ Кацъ, Овсей (Н. Высоцкій), ар. 23 апр. 04 г.

Освобождены въ сентябрѣ: Кожевниковъ М. (студ.), Пересъ М. (статистикъ), Барановъ, Я. М. (Никоновъ В. Н.), Ноткинъ А., Портновъ, раб.

Судебные процессы должны начаться не раньше января — февраля 1905 г.

Иркутскъ. Всѣ колоніи около Иркутска разселены. Между прочимъ, въ партіи, вышедшей изъ Александровской тюрьмы 25 іюля, пересылались въ Якутскую Область: изъ Куяды — Мень, Мисюра; изъ Тугутуя — Потаповъ съ женой, Тагѣевъ, Пальчакъ; изъ Чапа — Васильевскій, Венгроверъ, Нейманъ, Магарадзе; изъ Ханхты — Гольдманъ; изъ Куяды и Тугутуя — Баневуръ, Ковальскій, Тотаевскій, а также здѣшніе: Лобановъ и Сачаевъ и еще 6 человѣкъ.

Витебскъ. Въ театрѣ во время манифестаціи арестовано 37 чел.

На дняхъ закончилась сессія Суд. Палаты, въ которую вошли, между прочимъ, и нѣсколько политическихъ дѣлъ; приговоры свирѣпые.

Армавиръ. Кубанск. обл. Арест. и отвезенъ въ Луганскую тюрьму учитель Митягинъ. **Архангельскъ.** 20 авг. были обыски у ссыльнаго Сергѣя Иванова и жены чиновника Цыкоревой (найдена соц.-дем. литература). По манифесту, отсюда освобождены отъ 60 до 70 челов. (несовершеннолѣтніе). Д-ру Никонову разрѣшено отправиться на войну, въ качествѣ врача.

Побѣги. Привѣтствуемъ трехъ „романовцевъ", бѣжавшихъ, по осужденіи на каторгу, съ пути въ Александровскую тюрьму. Бѣжать удалось: Ольгѣ Вакеръ (дѣло „Южно-Рус. соц.-дем. гр."), Науму Кагану („Южн. Раб.") и Максу Бройдо („Раб. Биб.").

Бѣжалъ изъ Якутск. Обл. Михаилъ Лурье (Севастоп. соц.-дем. дѣло — на 8 лѣтъ). Бѣжавшіе изъ Якутск. Обл. Гургенадзе, Винникъ и Левинъ добровольно отдались въ руки Иркутской полиціи. Задержаны бѣжавшіе изъ Якутск. Обл.: Молчанъ (изъ Ковно), Фридманъ (изъ Бѣлостока), Роза Бархина (изъ Саратова), Конст. Ивановъ (умеръ въ тюрьмѣ). Въ 1899 г. бѣжалъ изъ Вилюйска, куда былъ сосланъ по народовольч. дѣлу на 8 лѣтъ и черезъ 2 года снова ар. по дѣлу с.-р.). Бѣжали изъ Архангельск. губ.: Викторъ Крохмаль (по дорогѣ въ Пустозерскъ, куда былъ сосланъ на 8 лѣтъ), Эмилія Лизве (Кіевск. соц.-рев.), студ. Пашинъ (соц.-дем. изъ Москвы), учитель Давыдовъ, Червяковъ, г-жа Ритманъ (Одес. соц.-дем.), Колецкій (P. P. S.). Изъ тюрьмы (въ Бѣлостокѣ) бѣжалъ снова Сергѣй Цедербаумъ, бѣжавшій годъ тому назадъ изъ Александровской пересыльной тюрьмы и вновь арестованный въ январѣ въ Екатеринославѣ.

Политическіе процессы. 1) Въ Кишиневѣ преданы суду одес. палаты Копель Ройтенштейнъ 20 л. и Мотель Вольфъ 19 л., обвиняются по 2 п. 1 ч. 129 ст., за распространеніе 19 декабря 1903 года прокламаціи мѣстнаго „комитета с. д. организаціи"; 2) суду Виленск. Палаты преданъ арестованный 27 мая 1904 г. за распространіе среди крестьянъ Дисненск. уѣзда с.-д. и с.-р. литературы крестьянинъ Ипполитъ Василевскій 27 л., обвиняется по 130 ст. Судъ былъ назначенъ на 19 октября. 3) Крест. Василій Зоринъ (онъ-же Громовъ) 23 л., арест. 6 апр. 1904 г. въ с. Тейковѣ (Шуйскаго у.), преданъ суду Москов. Палаты по 2 п. 1 ч. 129 ст. (за распространеніе изданій Рос. С.-Д. Р. П.). 4) Рабочій Шиллеръ и Сергѣй Антроповъ (быв. студ., бѣжавшій въ 1903 г. изъ Сибири) преданы суду Одесск. Палаты. Арестованы лѣтомъ 1903 г. на границѣ. Оба нелегальные.

Некрологъ. Партія потеряла преданнаго ей члена въ лицѣ умершей въ Ростовской на Д. тюрьмѣ Клары Моисеевны Айзенбергъ. Покойная долго работала въ Кіевской организаціи, была арестована въ 1901 году и приговорена къ ссылкѣ въ В. Сиб., но бѣжала и перешла на положеніе нелегальной. Въ іюнѣ нынѣшняго года она была арестована въ Ростовѣ на Д., подъ именемъ Левитской, и была предана суду Палаты. Послѣродовая болѣзнь свела ее въ преждевременную могилу.

Некрологъ. 14 августа, послѣ 15 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія въ Иркутскомъ замкѣ, умеръ нашъ товарищъ **Илья Васильевичъ Быковъ.** Дѣло, за которое онъ былъ преданъ военному суду, изложено въ обвинительномъ актѣ, напечатанномъ въ № 72 „Искры". Быковъ былъ приговоренъ къ 13½ год. каторги. Но Иркутская тюрьма, объ ужасахъ которой уже писалось, со своими мокрыми душными гротами-камерами, въ короткое время совершила то дѣло, которое должны были сдѣлать долгіе годы каторги. Она порвала эту молодую, хорошую, многообѣщающую жизнь. Тов. Быковъ умеръ отъ скоротечной чахотки, войдя въ Иркутскую тюрьму совершенно здоровымъ. Болѣлъ онъ всего двѣ недѣли. Покойнаго товарища я встрѣчалъ на нѣсколькихъ такъ наз. „широкихъ чтеніяхъ", устраиваемыхъ Ирк. Ком-мъ. Вниманіе мое сразу привлекъ этотъ высокій, стройный солдатъ своимъ необыкновенно симпатичнымъ видомъ, дѣльными вопросами и тѣмъ горячимъ интересомъ, съ которымъ онъ относился къ бесѣдамъ на этихъ собраніяхъ. Я сталъ присматриваться къ нему и сильно имъ заинтересовался. Бесѣды, которыя мы вели, возвращаясь съ собраній, помогли мнѣ понять этого милаго человѣка и цѣннаго товарища. По характеру необычайно мягкій и отзывчивый, Н. В. Быковъ проявлялъ огромныя способности въ области теоріи. Въ этомъ я могъ убѣдиться, разговаривая съ нимъ о „Капиталѣ" Маркса, который онъ какъ разъ въ это время изучалъ. Все свободное отъ казарменной жизни время онъ отдавалъ серьезнымъ занятіямъ. Вслѣдствіе этого, Комитетъ обратилъ на него особое вниманіе и рѣшилъ принять его въ такъ наз. „агитаціонную группу", выполняющую роль подкомитета. Но ему такъ и не удалось поработать въ этой организаціи, т. к. вскорѣ по своей конспиративной неопытности, довѣрчивости къ людямъ и страстному желанію какъ можно больше поработать, онъ былъ замѣченъ, преданъ[1] и арестованъ.

...До сихъ поръ я не могу освободиться отъ жгучаго, горестнаго чувства, вызваннаго во мнѣ этой неожиданной смертью. Мы хотѣли его освободить! Вѣдь, онъ такъ хотѣлъ работать (см. обвинит. актъ, его письмо). Ясная голова, смѣлый умъ и мягкій, кроткій, пролетарски-товарищескій характеръ. Я, по крайней мѣрѣ, рѣдко встрѣчалъ у интеллигента такое счастливое сочетаніе. Въ будущемъ, Быковъ, безъ сомнѣнія, сталъ бы выдающимся работникомъ и всѣми любимымъ товарищемъ. Н. В. Быковъ умеръ всего 25 лѣтъ.

Га—зъ, бывшій членъ Иркут. Ком.

---

[1] Имена предателей его, а, слѣдовательно, и убійцъ: вольноопредѣляющіеся: Воронецкій, Угриничъ-Требинскій, Купрессовъ, Осиповъ и Поповъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ Женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено: изъ Бреславля — 12 фр. 30 ст.; изъ Болгаріи отъ Благоевой — 13 фр.; изъ Брюсселя — 48 фр. 50 ст.; мѣсячныхъ взносовъ — 10 фр.

Передано: 46 фр. — въ пользу Якутянъ; 50 фр. — А. Л. 41 фр. 70 ст. — К—у; дано взаймы Центральному Комитету — 20 фр.; почтовые расходы — 1 фр. 60 ст.

Получено: Изъ Фрейбурга отъ М. R. для „Искры" и „Соц.-Дем." — 7 фр., отъ него же въ кассу ссыльныхъ 3 фр., изъ Канска для „Искры" 50 руб.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Революціонной Соціальдемократіи":

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги")

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.